

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

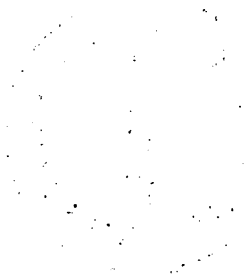
We also ask that you:

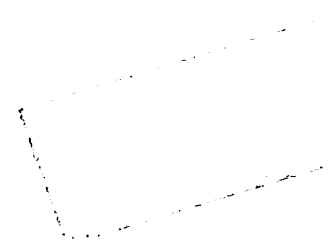
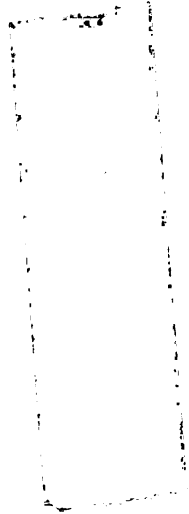
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Ротебниа
“

82,

А. А. ПОТЕБНЯ.

К ИСТОРИИ
ЗВУКОВ РУССКАГО ЯЗЫКА.

II.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ И ДРУГІЯ ЗАМѢТКИ

(ИЗ РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА 1879).

ВАРШАВА.

В ТИПОГРАФИИ М. ЗЕМКЕВИЧА И В. ПОЛКОВСКАГО.

Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1880.

PC 2131

F6

V. 2

Дозволено Цензурю.

Варшава, 2 Января 1880 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Этимологическія замѣтки.
2. О вліяніи небности на согласные звуки.
3. Замѣтка о двухъ пѣсняхъ.
4. Рожа-спажа, тума, Томашъ.
5. Этимологическія замѣтки.

Важнѣйшія опечатки

В 1-й статьѣ „Этимологическія Замѣтки:“

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
2	1	склал,	скһал,
—	2	(склал	(скһал
—	7	сходныхъ	сродныхъ
—	14	слозить	елозить
—	15	ragantī	ragautī
—	16	слоз	елоз
—	19	λόζω	λόζω
—	24	пінної	пінної
—	32	rodēs. ragis	rodēs, rages
2	3	δρίγ-νυμ	δρέγ-νυμ
—	4	(дѣлѣть)	(дѣлать)
—	13	въз(в=)	въз(в)
—	33	μονίος	μονίος
4	4	сюла	сюда
—	4	Лыт-. лут- = +адт.	Лыт-, лут = +адт
—	27	ἔρχ-ομα	ἔρχ-ομαί
5	35	суффина	суффивса
—	36	антилоны	антилопы
6	9	неколышмное	неколышемое
—	21	иноцвѣтное	иноцвѣтное
—	29	не смѣстныя	несмѣстныхъ

<i>Стрц.</i>	<i>Стрк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
7	10	surpēti—surbēti	surpēti—surbiti
—	10-1	subeti	subōti
—	14	кик лупь“	как лунь“
—	15	птицы (f. r.)	птицы
—	22	Вітдиль	Відтіль
—	35	крш(а-ти)	крш(а-ти)
8	16	скр. <i>вронá</i>	скр. <i>врана</i>
—	24	кршти, крши	кршти, крши
83	9	в лучь	в лучи-ий
—	12	перачиша	нерачиша
10	6	призрап	призрак
—	16	в родословнѣ	в родословиѣ
—	18	как и думая	как я думая
11	9	радованеніе	радованскіе
—	31	вьюнец	вьюнец
12	21	рѹла	рѹла
13	29	замѣчается	помѣщается
—	35	Потт.	Потт
14	3	ǣрс-εiv	ǣрд-εiv
—	6	ǣрсш с ǣрса	ǣрдш с ǣрда
—	24	Зенд. <i>badh</i>	Зенд. <i>vadh</i>
—	26	канвѣ	тканвѣ
15	6	ерестаться	ереститъся
—	21	жожно	можно
—	22	поздній	позднее
—	23	<i>Руси-нѣ</i>	<i>Рус-инѣ</i>
16	15	друзни	друзии
—	36	русской	русскій

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Начальныя сочетанія **лы-, ры-, лу-, ру-** = основнымъ
+ал, +ар.

Здѣсь устранины частью уже извѣстные случаи образцовъ +*тар* = слав. *тыр-, тур-,* и +*тар* = слав. *тру.* Ср. Schmidt, Zur gesch. des ind. vocal. II, 260 сл. Ниже слѣдующіе примѣры могут служить ограниченіемъ положенія, что начальное +*ар, +ал* = слав. *ра, ро, ла, ло* (*раз-роз, ладим-лодья*), Mikl. Ueber den urspr. der worte von der form altsl. *trêt* u. *trat*, 34, сл.

Лыбедь: „Быша 3 брата, единому имя Кій, а другому Шек, а третьему Хорив, сестра их Лыбедь,“ Лавр. 4. Сестрѣ соотвѣтствуетъ рѣчка *Лыбедь*, о которой между прочимъ Л. 28, под 968 г. Если, какъ это принимается, названіе рѣки и отсюда — лица = *лебедь*, то в *лы-* при *ле-* и *ла-* б. м. случай діалектическаго различія болѣе древняго, чѣмъ признаки, раздѣляющіе нынѣ русскія нарѣчія.

Лыб — : „на гнилой, улыбочатой соемкѣ,“ Барс. Причит. I, 268 — на качкой, вертлявой, обманчивой лодкѣ; вр. обл. *улыбнуть*, обмануть, недать или неисполнить обѣщаннаго; — ся, ускользнуть, незамѣтно исчезнуть; серб. *лыбати*, лулати се, *labare*, о волненіи воды, колебаньи почвы под ногами. С обл. вр. *лыбить*, усмѣхаться, *улыбаться* и серб. *лыбити* се, стидѣти се, невидно связи значеній, но эта связь видна с перм. *лаб-з-а*, зыбун, трясины (какъ шаткое, качкое, ненадежное мѣсто). Последнее роднит *лыб-* с рядомъ словъ, какъ *лаб-з-а*, *леб-езить*; срв. *леб-д-ити* (К ист. зв. 127) со значеніемъ лести и т. п. Относительно связи между скользить, быть шаткимъ с одной — и лѣстить, подлаживаться

с другой стороны, ср. на пр. в семействѣ корня *склал*, *vacillare*: лит. *klasta* хитрость обман при *sklandau* (*склал* + *д* с глагольным характером и внутри) скользить, колебаться и пр; или вр. *шлюздать* лукавить, при *шлюздать* скользить (по льду и пр.). Непосредственной звуковой связи между *лаб-з-* и *лыб-* нѣтъ, но она может состоять в том, что *лаб* = ⁺*алб*, как и *лыб* = ⁺*улб* = *алб*. В сходных языках см. Fick. Wb. под *rab: lâbi*, скользить, падать, *labare*, колебаться, падать. Ср. Данич. Korigeni 177.

Лъж-ька, лъж-ица, ложка. На *у* указывает новг. *лузик* id, поль. *łyżka*, в коем, равно как в независимом от него костр. *лыжка* и б. м. тоже незаимствованном галиц. млр. *лыжка, лижиа*, *ы* может быть не из *ъ*, что принимает Mikl. Ueber ...*trêt*, 13. Если свр. *слозить*, кушать, незаимствовано и находится в связи с лит. *raganti* попробовать пищу (К ист. зв. 96), то *слоз* при лит. *rag* указывают на *арг* v. *арн*, от коего может вести начало и ⁺*луг*, ⁺*лыи* в *лъжица* и пр. Иначе Mikl. Lex. s. v. и Ueb... *trêt*; он сравнивает, ссылаясь на Curt. Gr. Et. N 549, греч. λῆξω (λυγ-) икаю, всхлывваю, и, как предполагается, соответствующее греческому ⁺*σλυγ*- др. вн. *sluſcan*, *schluske*. Обѣ этимологии сомнительны. Можно бы привлечь к сравненію млр. *лизати* (*лы-*), ѣсть, жрать (кажется, не глотать = *ковтати*), на пр. у Котляр.: „Еней з дороги наливався и нинної так нахлистався, трохи невиперсь з ёго дух.“ Остается также вопросом: указывает ли *ы* в поль. *łykać* на корен. *у*, или же, что вѣроятнѣе, оно таким указаніем служить не может, относясь непосредственно только к *ъ* в *лък* (*połknać*, проглотить, *lkać*, всхлывывать), как—*сыла-* к *съл-*.

Лыжа, п. *łyżwa* сравнивают с латыш. *лужес* мн. *лыжи*, которое однако же может быть заимствованіем из русс. Если вѣрно сближеніе с лит. *rogės. ragis*, дровни, полозья и с русс. *елозить, ѣлзать, ѣрзать*, млр. *ялозити* (К ист. зв. 95), то в основаніи ⁺*арг* = *арн-*, *рагн-* в знач. бѣжать (см. у Фика). В рус. загадках полозья представляются именно бѣгущими: млр. бігли два пси, позадерали носи; два браті біжать, один одного неперегонять.

Вр. *Лыз-ло*, высокорослый, неуклюжий, верзило. Ср. *rai* в лит. *ražiūti*, гескен и *ari* в скр. *ардж-а-ти* гескен, протягивать, простирать гр. *ἀρίγ-ουμι*. См. Fick Wb. arg.

Вр. *лысо*, превратно (говорить), плохо (дѣлать). Тема ^{+алса}; ср. Fick, Wb. *arsaja*, — лат. *argare*, гот. *airzjan* = н. нѣм. *irren*. Кажется, что „лысый чорт“ в. бѣс, мр. лисий дядько значит не *salvus*, а вводящий в заблужденіе, хитрый, лукавый. Б. м. смѣшеніе этого *мыс* со слѣдующим *мыс*, *salvus*, заставило считать лысаго коня дурною встрѣчею. Так в русской вставкѣ поученія, приписываемаго Феодосію Печерскому: „Се бо не поганьскы ли живемъ, аще урѣсти вѣрующе? Аще кто усрящеть чьрноризца то въз(в=)ращаеться, ли единецъ ¹⁾, ли свинью (ли конь лыеъ). Срезн. Свѣд. и зам. XXIV, Лавр. 73. Б. м. на этом же основаніи сказка „Нелюбо — неслушай“ (Аф. Ск. II, N 7) так выставляет на вид, что у дѣда, одурачившаго двух умных братьев и одураченнаго третьим дураком, была большая лысина. В соответствующей серб. сказкѣ (Кар. Прип. N 44, „лаж за окладу“) вмѣсто лысаго русской сказки — безбородый (*ћосо*).

Лыс, *salvus*, не может быть отдѣлено от скр. *р'кшá*, *salvus* (= ^{+аркса-}) и на оборот, не может находиться в непосредственной связи с лит. *lauklas*, лысый, о скотищѣ, из коего бы вышло слав. ^{+лук(ъ)}.

Вр. *Лыскать* см. рыскать.

Вр. *Лыта-ть*: „от дѣла лытаешь, или дѣла пытаешь?“ (в сказках, и кромѣ), „от дѣла лытом“, шататься по лытам; серб. *лутати*, шляться. Серб. *лист*, *celet* (о зайцѣ, борзой), если из *лысть*, относится сюда же; иначе Данич. Ког. 24. В основаніи *лынять*, уклонятся от дѣла, шляться—сущ. *лынь* (у Даля—лѣнтяй, шатун и пр.) из ^{+лы(т)н},

¹⁾ Мнѣніе (Срезн. *ib.*), что *ѣдинецъ*, *areg* есть лишь буквальный перевод греч. *μόλιος*, кажется сомнительным. Как же было назвать одиноко, отдѣльно от стада живущаго стараго самца (т. е. кабана), как не *одиномъ*? См. у Даля. Из мрусс.—в польскій: *одупіес*.

с составляющим правило опущением зубной перед *и*. Серб. *лунати*, — се, *incedere capite demisso*, при чем, кажется, выдвинулась несущественная черта значенія=*лунати*. Отсюда *лын-ѡ-ать*=лынять. *Лыт.* *лут*=+алт. арт. ср. скр. рти ж. ход. Сюда через +*рат*—*реть* „вытѣчка конская“ (П. Бер.) и *ретивый* конь т. е. ходкій, быстрый, между тѣм как значенію санскритскаго *р̄ти* ссора соотвѣтствует *реть* ссора, состязаніе и *ретивѡ* сердце т. е. гнѣвное.

Лыт(ѡ)ка, бедро, ляжка, икра ноги, голень, задняя и передняя лопатка свињи, ст. сл. *лысть*, *лысто*, голень (с из *т.* Mikl. Gr. II, 161). Это *лыт*- могло бы быть отнесено к предыдущему=+*арт*. Возраженія могут быть со стороны *д* в вр. *лыды*, долгія ноги и в приводимых Миклошичем (Altslov. Lautl.³ 159) малорусских (галицких?) формах *лудка*, *лудвиця*. В сторонѣ лежат вр. *лутюшки*, тонкія, сухія ноги (презрит.), которое относится к вр. *лутюха*,—*ошка*, ободранная липка и вр. мр. *лутъ* лыко (кор. *лу* в зн. драть).

Рыск-ать, бѣжать (о лодѣ, звѣрѣ и пр.) и *рысь*, бѣг вообще и извѣстная конская побѣжка (Трав) млр. *ристь* (и=ы), пол. *rusc* (лит. *riszczia*—из русс.). *Ст+ь* (из *и*) может быть здѣсь таким же позднѣйшим видоизмѣненіем нераздѣльнаго *ск*, как в стел. *ристати*, в вр. *блестить*, *блесоть*, (из +*блесть*), так что можно обойти предположеніе +*рис(к)-ть*. В *ристати ри* неимѣет связи с *ры*, но *риск*- и *рыск* независимо друг друга=+*ар-ск*, скр. *р̄ччати* идет и пр., гр. *ἔρχομα* (из *ερ-σх*, *εр-σх*). *Ра* из *ар* в др. в. н. *rasco*, *vivaciter*=*rasch*, Pott. Et. F. 2, 1, 623.

Рысь, *lynx* и пр. Если *лыс*=*р̄кшѡ*, то и *рыс-ь* (независимо от тематическаго *и=ь*)=скр. *р̄кшѡ*, медвѣдь=гр. *ἄρκτος* (гдѣ *хт*=*кш*, как в *тѣхтов*.—скр. *такшан*), лат. *ursus* (из +*ursus* +*arcsas*). Будет ли лит. *luszis* заимствованіем из нѣм. *luchs* ¹⁾, в чем конечно нѣтъ надобности, или

1) Ср. лит. *luszis*=нѣм. *luchs*.

самостоятельным словом, его *sz=kc*, как в *aszis*, *ось*, *axis* скр. *акш-а*.

Болѣе первообразная форма корня видна в гр. *ἄρκος* медвѣдь *а*, по отношенію к конечной согласной, и в лит. *lokis*-лат. *lâcis*, *id.* Как *аркс* имѣет при себѣ в скр. *р'кша* *Verletzer*, *Verderber*, так предположенное *арк*—скр. *арс*, *lascrare*, арса- *verletzung*, *рис* *laedere*, *ferire*. Согласно с этим в разсматриваемых словах хищный звѣрь (медвѣдь; рысь) назван дерущим, как и до нынѣ говорится, что медвѣдь дерет скотину, а волк рѣжет, различіе, впрочем, эти, мOLOGически несущественное.

Из нѣскольких относящихся сюда мнѣній кажется наиболѣе вѣроятным то, по коему выше упомянутое *арк* *lascrare* и пр. и *р'кша*, медвѣдь не находятся в этимолог. связи с скр. *р'кша*, м. и ср. звѣзда, созвѣдіе, *р'кшас* (м. р. мн. ч.), созвѣдіе большой медвѣдицы, и гр. *ἄρκτος*, л. *ursa* *id.* Названія звѣзды—созвѣдія образованы посредством такой же как выше или до неразличаемости сходной формы ⁺*аркс*- от другого *арк*, при коем—скр. *арка* м. луч солнца, огня и пр. и хвалебная пѣснь, *арч-ати* испускать лучи, восхвалять пѣснею. В силу ли забвенія этимологическаго значенія свѣта в названіи звѣзды—изв. созвѣдія (М. Мюллер), или, что кажется болѣе вѣроятным, независимо от этого, в силу апіорнаго заключенія от однозвучности слов к сходству обозначаемых ими предметов (такія заключенія до нынѣ обычны на пр. у нѣкоторых русских сектантов), созвѣдіе, первоначально представлявшееся возом у Греков, Римлян, Германцев, Славян, Литовцев и, судя по нѣкоторых указаніям, Индійцев, стало представляться медвѣдем или медвѣдицей, к коим Греки прибавляли еще и вожака (*ἄρκτοῦρος*). (Ср. *Ворр. Gloss*, V. Gr. I, 28, 500; *Pott*, *Et. F.* 2, 1, 612-3, *Curt. Grundz* I, N. 8 и ссылки у послѣдняго).

Б. м. нѣчто подобное произошло и в славянском языкѣ. *Лос-ь*, *servus alces*, кромѣ суффина=*скр. р'с-а*, *р'с'ја*, самец антилоны (из ⁺*арс-*, ⁺*арк-*), гр. *ἄλκ-η*, лат. *alces* (*Mikl*). Корень здѣсь может быть тот же, что в 1-м *р'кша*,

но с видоизмѣненнымъ значеніемъ. Веберъ указываетъ на арс. рнс-а-ти в знач. ferire, бодать (ср. арш, ршати, stossen, stechen, Zeitschr. f. v. Spr. VI, 320), такъ что лосъ — бодуль. Но в вр. лосъ есть также названіе созв. большой медвѣдицы; послѣднее в олонецъ называється лоса. Такимъ образомъ какъ при ркша ignis, такъ и при лосъ находимъ рядъ словъ со значеніемъ свѣта, какъ видно изъ слѣдующаго.

вр. Лоса, пятно полосомъ и пр., лоса, пространство во ль освѣщенное солнцемъ и гладкое, неколышимое вѣтромъ (свр.), лосо на морѣ, гладко, тихо, лос-ѣха, -иха — гладкая здоровая, красивая женщина;

р. Лоск блескъ (гладкой поверхности), гладь. Откуда лос-ниться, — ниться;

Лск в ст. сл. льштатса и пр., между прочимъ в п. lsknać się, lsnic się, блестятъ, лосниться и с перестановкою -slnać się (отличномъ отъ olsnać = осльпнѣти). Формы с ск, какъ бы ни объяснялись, неотдѣлимы отъ формъ с -с (лас-, лос-), которыя ср. с скр. лакш-а-м, лакш-ана-м, лакш-ман. цѣль, примѣта, признакъ. Эти значенія могли также развиваться изъ значенія свѣта, или бѣлизны, какъ в серб. бѣлеи, бѣлег бѣлеи, знакъ (напр. ипоцвѣтное пятно, лысина на конѣ), мѣтка, цѣль, в которую стрѣляютъ или до которой бѣгутъ, при вр. бл-ѣи бѣлизна, пѣжина, бѣловатый знакъ (рубецъ) на тѣлѣ. Скр. лакш- = +лаг-с, а предполагаемое лас ср. с рдж-а-ти блестятъ и с +арн, что в ардж-у-на бѣлый, свѣтлый, серебряный, серебро, ар-уро-с, л. arg-u-o в см. разъясняю, лит. reg-iu, вижу (Fick и др.).

Лы в польс. lusk, блескъ, лоскъ, luskac, lusknać, luskawica, не смѣстныя съ blysk, могутъ предполагать +алск. Ср. рыскать. Ст. сл. у-лык-а ти са, у-лык(в)мѣти са, улы-баться, — путься, относятся не къ лыб, а сюда же, с переходомъ значенія отъ свѣта къ смѣху, улыбка. Ср. серб. „кад се смије, кан’да сунце грије“ и „господскоме емијеху и ведру небу невала вјеровати“ (јер се за часъ промијени), Кар. Посл. 44. Смѣхъ блещетъ (почему напр. flores ridet, domus ridet argento) и горитъ, почему у Гомера „ἄσβετος γέλως“, неугасимый смѣхъ. Это наводитъ на мысль, что самое лыб

в улыбатся отпоситя к тому ⁺албн, к которому вышеупомянутое *лыбедь* и *лебедь*, гр. *ἄλφος*, бѣлое пятно на тѣлѣ, лат. *albus*, а в силу знакомаго нам в русс. нар. пѣснях сближенія *блѣ* = *мил*, добр, от ф. ⁺лабн — лит. *labas*, добрый и милый, красивый. Можно предположить и здѣсь значеніе свѣта, т. е. значеніе *блѣ* первоначально неотличалось от *свѣтел*. Значеніе стыда в серб. *либити се*, стидјети се (которое Данич. Кор. 177 приводит в связь с *либати*, *lavare*) было бы производным. Не ясно лит. *urpiu*, *-pi-*, *auslachen*. *Urbi*-*l*. Ср. *surpēti*—*surbēti*, хлебать, *supoti*—*subeti*, качать (дѣтя).

Лунь в рус. *falco rusticolus*, в друг. слав. нарѣчїях *vultur*, *milvus*. Выраженіе „сѣд как лунь“ от цвѣта этой птицы (f. r.), а не от этимологической связи с великоруск. *лунь*—тусклый свѣт, польс. *luna* зарево. Из основаній мифологическихъ (мое соч. О миф. зн. нѣкр. обр. и пов. 98) объясняются мнр. выраженія: „вхопила лунь, Ном. 39, щоб тебе лунь вхѣпила, ів. 73 (чтоб ты умер, пропал), „Не люблять в пеклі жартовати... Як нїднесуть из оцтом хвиги, то зараз вхопить тебе лунь,“ Котл. Ен.; „Виходь же завтра на вкулачки, Вітдиль полїзеш мабудь рачки, Бодай и лунь щоб незлизав“ ів. В послѣднем слизывать в смыслѣ упичтоженія приписано луню без надобности, подь вліяніем выраженій другаго порядка: „нехай тебе лизень злиже“ Ном. 73; „як лизень злизав“ ів. 265 (т. е. исчезло, пропало).

Можно бы думать, как и я прежде (К ист. зв. 196), что *лунь* относится к *лѹ*, скр. *лу-на-ти*, *лу-но-тѣ*, рѣзать, разрывать и пр., откуда прич. скр. *лу-на* = лит. *luinas*, комолый (Geitl. Fon. 34). Такое производство могло бы быть подтверждено аналогіей вр. *корш-унь*, -акъ *milvus*, который назваць потому, что „терзает и щиплет добычу“ (Лермонт.): лит. *karsz-ti*, лен чесат (собств. рвать, драть), коня чистить скребницей, скр. *карш* (-а-ти) таскать, рвать, *крш*(а-ти)

проводить борозды, орать (драть землю) ¹⁾. Теперь, в виду случаевъ *ар=ру*, предпочитаю объясненіе, которое связывает самую тему разсматриваемаго слова с такою же в сродныхъ языкахъ. Чередованіе рода муж. и жен., какъ в *путь* (мр.-жн.р), указываетъ, что в *лунь*—тема на *и*. Т. о. основная ф. этого слова, комѣ падежн. суф., ⁺*арни*—гречъ *ἄρνις*, др. в. н. *arn* и. (тема *i*), птица вообще и орел. *Ор-ъл*—сродно. См. Fick. Wb. *arni*.

р. *Лунка* (⁺луна), ямка, желобок, прорубь, тоже легко можетъ быть отнесенъ къ *лѹ*, рѣзать, рвать; однако слѣдуетъ принять во вниманіе сходное по значенію *воронка*, лейка лейкообразная ямка, отверстіе в сосудѣ, ч. *vrana* (отлично отъ ч. *vrāna*=ворона, лит. *warna*), словац. *vranka*, хорут. *vraň*, относимое Миклошичемъ къ одному семейству с *врѣти claudere* (Mikl. Ueber... trét-trat, 33), но неотдѣлимое отъ скр. *врон'а* м. ср. рана (ср. русс. *проран*, пробой, прорыв), щербина, изъян (осн. ф. ⁺варна), лат. *vuln-uz*, гр. *ὄβλη* (= ⁺Φολύη) рубецъ, шрамъ, Fick Wb. *varna*.

В виду существующаго видоизмѣненія корней *вардh ardh*, *рудh* роста, *варк*, *арк*, *рук*-свѣтить, блестять (J. Schmidt Zur gesch. des ind. vocal. II, 295 сл.) *вар(-н)* в *воронка* даетъ возможность ожидать подобнозначащаго *ар-*,

¹⁾ В скр. и зѣндѣ этотъ корень является в различныхъ словахъ, означающихъ земледѣліе, ораніе, какъ скр. *к̄ршти*, *к̄рши*. Если бы в одномъ нарѣчій встрѣтилось обозначеніе подобнозвучными словами хищной птицы и оранія, то мифическимъ умозаключеніемъ ораніе могло бы быть приписано птицѣ. Это дѣйствительно встрѣтилось в мр.:

„Оред поле изорав

И пшениці посіяв. (Весн.).

Та зорімо поле ордами,

Та засіємо (ймо?) жемчугами...

Костомаровъ Об ист. зн. рус. нар. поэзіи 78—89. В отличіе отъ сказаннаго в моемъ соч. О миф. зн. нкр. обр. 8, я думаю, что при этомъ нѣтъ дѣла до этимологическаго значенія слова *оред*, т. е. что здѣсь нельзя говорить о связи представленій быстроты и оранія.

которое дѣйствительно дает от себя скр. *ар-ус*, ср., рана. Т. о. ⁺*луна* = *арна* в. *варна*.

Лучий melior, praestantior. Исходя из связи представлений любить, хотѣть и предпочитать, считать лучшим, замѣтной в *излюбити*, *изволити*, выбрать, предпочесть и, в *ун-ий* лучший при *унити*, хотѣть, желать (скр. ванати, *ван-ѳ-ти*, любить, желать), а также и в виду связи сочетанія *ар-* с одной стороны с *ра-*, с другой с *ру-*, можно принять, что *лук-* в *лучь* и *рак* в *рачити* сходятся в ⁺*арк-*. *Рачити*, любить, см. Mikl. Lex.; хотѣть: они же (монахи) видѣвше отрока простоту и ризами же худами облечена, перачиша того прияти. Жит. Феод. Печ. XII в. 5; азъ шедъ увѣщахъ и (т. е. повидаться с матерью), не бо рачить видѣти кого, ib. 6; конѧ дивьяя и буюя.. научать.. а души бесъ чину ходящи и живущи никъто же нерачить поучитъ... Сами собѣ хулы твораше дѣлы, перачимъ себе вѣстагнути. Златоустр. до 1200, Срезн. П. р. п.; Бог... мѣдлать полати его же просать, других же нерачить (=неблаговолить) послушати молитвы, Изб. 1076, Бусл. Хр. 296. Безсонов Болг. П. I, 41 неточно переводит болг. *нерачи*, не хочет, через незаботится, ни во что ставит. Серб. *нерачи ми се*, нѣтъ охоты (ѣсть, пить), *рачи се* хочется. П. *гасуѣ*, благоволить, удостоить что сдѣлать. Ст. сл. *рачий melior*, пл. *гасzej* (не от *рад*) *potius*.

Это *рак-* и ⁺*алк* = ⁺*лук-* можно сблизить с *алкати*, при чем *охота*, воля будут представляться алканіем, как в жадати, *žadac* — жаждою.

Серб. *рѣда*, хорут *rudo*, дышло, румын. *руд*, *retica*, маляр *rúd* (Mikl. Lex). Если это слово не есть заимствованіе из лат. *rudis*, мутовка, фехтовальная палка, значеніе коего довольно далеко, или, как думает Миклош. (Fremdw.) — из мадярскаго, то оно соотвѣтствует лит. му *ard ai* м. мн. перекладины (поперечные к основным) для сушки льна, *ard-amas*, поперечная к мачтѣ перекладина, к коей прикрѣпляется верхній край паруса, *ardyti* дѣлать и пр. Данич. Кор. 182 относит *руда* к *ру*, рвать, в смыслѣ тянуть.

Вр. *ружь*, (откуда *снаружи*), ⁺*ружа*, (откуда *наружу*), внѣшность, вид, лицо, масть в картах. Что эти слова относятся к семейству, представляющему в славянском яз. смѣну у (или ы) и а (или о, е), в том убѣждают ф. вр. *рожа*, лицо, харя, личина и вр. *родѣ*, вид, образ, облик, физиогномія; *привидѣніе*, *призраи* (тул). Последнія значенія — в стар. *родъ*: „дѣти бѣгають рода, а Господь пьянаго чловѣка,“ Дан. Зат., Кал. Пам. XII в. 236. Конечно, можно сблизить эти слова по значенію с *рости*, *родить*. Относительно *ружь* можнобы сравнить гот. *lud-ja*, лицо. *lauða*, рост, вид при ⁺*rudh*, скр. *ruh*, восходить, *рости* (Fick *rudh*). *Род*, *привидѣніе*, могло бы означать первоначально родственника, предка, за тѣм *домового* и пр. и находилось бы в непосредственном сродствѣ со слѣдующими: „(иже въ) *полоченіе* (толк: в *получаи* вѣроуютъ) (и в) *рѣжество* и *родѣсловѣстие* (толк: в *родословіе*, рекъше в *рожаица*), Кормч. 1282, Бусл. Хр. 381—2; *родимец*, мр. — ещ (соб. *родимый*, *родной*, *прирожденный*, затѣм, как и думаю, *дух* *рождающійся* с *чловѣком*, его *двойник*, и отсюда, т. к. этот *двойник* представляется *виновником* *счастья*, *несчастья* и *болѣзней*, то) назв. *различных* *болѣзней* *взрослых* и *дѣтей*; в силу такого же представленія стар. *родство* в смыслѣ *болѣзни*: „лѣта 7074, Февраля в 9 день простилъ Дух Святый *надную* болѣзнь, а та болѣзнь *отъ* *родства* (т. е. я думаю, не „от *наслѣдства*“ а т. ск. „от ⁺*родимства*,“ от *родимца*, понятаго *собирательно*) из *Славны* *Юрья* *бобровника* *Кожевина*,“ Новг. II, 161. Однако возможно и другое *сближеніе*. В вышеупомянутой Кормч. 1282 г., нѣсколькими строками выше, встрѣчается *родъ* в смыслѣ, которой трудно вывести из *рости* или *родить*: „тацѣмъ (==ъ) *запрещениемъ* (==ъ) *покорити* *подобаетъ* и *влачащая* *медвѣди* или *таковыя* *животы* *нѣкакы*, на *роуганіе* и в *родъ* *простѣйшимъ* (толк: на *глумленіе* и *прельщеніе* *простѣйшихъ* *чловѣкъ*). Бусл. Хр. 391—2. Не значит ли здѣсь *в* *родъ* — на *показ*, и не напоминает ли это лит. *rod-y-ti*, лат. *râdit*, *являть*, *показывать*, лит. — *yti-s*, *казаться*, *притворяться*, *ro-*

do-s кажется, повидимому, *rodykle*, между прочим *monstrum*, *ungeheuer*, чудовище?

Долгое *o* в лит. и *â* в лат. находит соответствие в слав. *рад-*: *Радунница*, см. Mikl. Lex., ср. в Новг. II, под 1549: мѣсяца Апрѣля в 30 день на второй недѣлѣ послѣ (читай „по“) Велицѣ дни, в Радунцу. 153. В нынѣшних вр. говорах—*радунѣць* и *радунца*, *радовница* кажутся болѣе древними формами, тогда как ф. *радошница*, *радованцы*, *радованеніе*—*поминки* кажутся возникшими из стремленія приурочить вышеприведенныя, уже непонятныя слова к *радошный*, *радоваться*.

Значеніе суф. *-ыць*, независимо от предшествующаго ему *-ун-*, ср. с вр *вьюнець* (= *вьюнишник*, *вьюнительство*) обряд поздравленія тѣхъ пар, для которых наступает первая весна послѣ брака, совершаемый в субботу на Святой, или в Воскресеніе на Фоминой, т. е. почти в одно время с радунницей ¹⁾. Отсюда возможен переход к значенію времени этого обряда. Подобное значеніе вторичнаго суф. *ица* (время того, что указано темою): мр. *косовица*, грѣбовица, вр. *гололедица*, *безкормица* и проч. Значеніе предидущаго суф. *ун* не ясно. Основываясь на *-овница* можно думать не о суф. *-ун-ъ*, образующем им. дѣйств. лица, а о стяженіи, несходном впрочем с тѣм, которое по видимому

¹⁾ *Вьюнец*. Прежде я соглашался с мнѣніем, что это слово—к *юн*, молод, а не к *впн* (Древности. Тр. М. Арх. О. I. 2. 233—4). Теперь на первом мѣстѣ ставлю связь этого обычая с обычаем *кумиться* и *брататься*, пѣлуясь сквозь вѣнок, что у Сербов *дружичало* (во Вторник на Фоминой, вмѣстѣ с поминовеніем мертвых), с обычаем состоящим *въ избраніи предпочитаемаго* лица в подруги или побратимы до того же дня слѣдующаго года. Согласно с этим думаю, что *вьюнец*, хотя и есть видоизмѣненіе формы *юн*, но не той, в которой *j* коренное (= лит. *jaunas* и пр.), а той, в коей *j* приставное: ср. *унии*, *-нѣ*—лучшій, лучше, *унити*—лучше хотѣть того, чѣм другаго, предпочитать, скр. *ван* (*-б-ти*, *-а-ти*), любить, желать. Т. о. *вьюн*—*вьюница*, пѣсенныя названія поздравляемых, означали бы не „молодой и молодая“ а „выбранный, предпочтенный—ая, как скр. *варá-*, жених, супруг, как излюбленный, предпочтенный, при *вар*, *врѣдти*. избирать, предпочитать, желать (*woléc*), любить.

в *овсень* — *усень* (кор. *вас*-, мое соч. О миф. знач. н. обр. 21 сл., Ае. П. В. III, 747 сл.), болѣе новом, именно из -ов-ьн-. Ср. *мед* ун-ица, рабочая пчела и пр., мр. *полуница*, если из *половница* (Даль), клубника. Как бы ни было, м. б. что *радуница* не только есть время кликанія мертвых и их появленія, но и этимологически означает *появленіе* (лит. *god*-). Сюда же м. б. вр. *разий*, дюжій, красивый, видный (собств. казистый?). Этимологически неясное п. *газпу* — не сюда.

Вообще, нахожу вѣроятным, что и в слав. языках есть особое семейство *руд*-, *род*-, *рад*-, отличное от сходных по звукам особым значеніем „казать, являть,“ и что в нем чередованіе гласных указывает на какое то *ард*-.

Руно, *vellus*, с давних пор и с полным основаніем относят к *ру*- рвать (=содранное, сорванное), на что, кромѣ существующаго еще приема вырывать а не стричь шерсть, указывают и другія значенія этого слова, как вр. *руно* (гороху, хмѣлю), куст вырванный цѣликом с корнями и пр.; худая одежда, снятая с плечь, лохмотья. Но мало вѣроятности, что от значенія *vellus* идет вр. *руно* (овец, рыбы) стадо, стая, толпа, при коем стояло бы — сербс. *рѹла* на пр. люди, толпа („одоше рулом“), если бы это не было заимствованным (нѣм. *rudel*), возможность чего допускает Даничич (Kogienі, 181). Второе *руно* могло бы быть отнесено к *ру*, ревѣть, как это условно дѣлает Даничич с *рула*, сближая его (ib.) с серб. *рѹлати*, ревѣть, о ребенкѣ, гдѣ впрочем л кажется, уменьшительное, чего однако непризнает Микл. Gr. II, 472. Дѣйствительно, есть названія толпы от крика, нума: поль. „*tam ludzi huk*“, лит. *gauja*, толпа, стадо, стая (ein *rudel*), особенно течка собак, волков, при *gauti*, выть; поль. *gaw-iedz*, толпа в презрит. смыслѣ, сволочь (ср. арх. бранное *гаведь*, неучь, разиня, сюда же, или к другому *гу*, при коем *говно*), раз- *гавез* (— ез?) множество, толпа, пропасть, при *гу*, при коем и *говор*, *гвар*, *гуторить*, *гавѣда*. Т. о. вѣроятно и названіе стада, стаи от рева, между прочим во время течки („свиной *рык*“, „коровій *рев*“); только к слову *руно* 2 не слѣдует заключать от

о-рав-а (так, а не от *орать*, драть горло, как у Даля и др.), толпа, ибо здѣсь существенно значеніе предлога *о*, от коего зависит значеніе „толпа загонщиков, с криком окружающих кнею, обойденный остров, или участок (поль. *ostęp*). Аналогично с *о-рава* и стар. новг. *о-зва-дъ*, облава и кней?, *об-лава* (К ист. зв. 199; ср. „доиде же (Мамой) до усть рѣки Воронежа и распусти облаву свою“ Сах. Ск. Р. н. I, 7, 65) и пск. *за-лава* шумная толпа. Есть однако и другая возможность, что в *руно*, стая названа не по звуку, а по движенію, как в сл. *рой* относительно насѣкомых и, рѣже, овец, в *течль* относительно волков и собак. В таком случаѣ—тема ⁺*арна-* (скр. *арна* м. *woge, fluthstrom*), кор. *ар*, что в *рыскать*.

р. *Русло*. Вряд ли может б. сомнѣніе, что суф. здѣсь не—*ло*, а ⁺*тло* (=мло=скр. тра-м). За тѣм двѣ возможности, которыя впрочем, при неопредѣленности значенія находящихся нами корней, невліяют на опредѣленіе основнаго значенія слова. *Русло* во всяком случаѣ зн. собственно орудіе теченія или орошенія, то чѣм течет вода, отсюда корыто рѣки, жолоб для стока, и самое теченіе и пр. То же—вр. *рус-т*: *ру́стом*, руслом, ручьем, струею.

Первая возможность—в предположеніи, что *с* перед *т* суффикса — из зубной одновременной ¹⁾. В таком случаѣ—

¹⁾ Ср. *прясло*, *пряслица* соб. чѣм прядут (см. Даль; лат. *spréss-lisa*, *прялка* — заимствовано, но с туземным начальным *s*: *spréžu*. прош. *spréžu*, *sprest*, *прясть*, ср. Biellenst. Let. sprg. I, 290).

Прясло. русс. 1. звено изгороди из жердей или досок (от столба до столба), в мостовой пространство от версты до версты; 2, то что замѣчается на этом пространствѣ („прясло ржи“); 3 в стар. яз. (см. Mikl. Lex.) верста в см. мѣры, степени, уровня. Микл. относит к *прат-* (прятать, ронеге); я думаю — к (с)*прад-*: лит. *sprendžiū*, *spresti* обнимать (изв. пространство) пядью, лат. *spréžu*, *sprest*, распростирать (*strecken*), обнимать пядью, за тѣм измѣрять, оцѣнивать, изрѣкать приговор; лит. *sprindis*, — *džio*, лат. *sprédis*, — *ža*, пядь, *враппе*; лит. *splendū* расширяться. Понм. (Wg. Wb. IV 739) присоединяет сюда др. вн. *spreiton*, *pandere*: лат. *kājas is sprédis stāw*, *er steht mit aus ein ander gespreizten füs-*

кор. *руд* = *ард*. Скр. *ард-* с предлогом *нис-* вытекать, с *пра* и в причин. ф. — заставляя стекать, *âрдра́*, сырой, мокрый, свѣжій, сочный, мягкій; гр. *ἄρσ-ειν* орошать. Сюда ли серб. *рудина*, луг, как сырое мѣсто? Данич., Когіені 21, относит к ⁺*ардн*, через ф. с ж. Сюда ли лит. *rudis* осень, как дождливое время? Связь греч. *ἄρσω* с *ἄρσα*, нечистота, грязь, подтверждаемая и другими сочетаніями знач. литья влаги и *скверны* (на пр. в этом словѣ, кор. *скар-*), дает возможность предположить, что русс. *рудить* марать, грязнить может относиться и сюда, а не непременно к *руд* — *рыжь* и *руда*, кровь.

Сходно с слав. *пль-сьнъ*, *боя-зьнъ*, — *изна* = *ина*, и в литовском перед *н* суфиксов является непонятное *с*, требующее ассимиляціи предыдущей зубной одновременной: *kąsnis*, кусок, кор. *kand-*. Принявши суф. — *sn* — для лит. *Rusnė*, правый рукав Нѣмана, получим и для этого слова кор. *руд* = *ард* и основное значеніе *русла*.

серб. Т. о. *пращло* 2. значит соб. то, чѣм обхвачено — то, что обхвачено.

вр. *услб*, часть тканья; „как велико усло?“ т. е. сколько на ткал? лит. *aud-mi* v. *audžiū austi*, ткать, при чем тот же суфикс что и в русском словѣ (*кла-с*, как признано нѣсколькими учеными, кромѣ рода = слав. +тло, дло) означает не орудіе, а произведение: *aude-klas*, ткань, холст. Зенд. *badh* — одѣваться, др. ви. *wât*, *gewand*, *rüstung* (Fick).

От шнырянья туда — сюда, как челнок при канвѣ (ср. *weben* — *schweben*) — *о вод ѝ* (начальное *о* неясно), лит. *idas*, id. и лат. *id-ega*, *id-aga*, хвост (чѣм виляют, машут). Относительно упомянутой связи летанья насѣкомых (и нѣкот. птиц) с витьем, *снованьем*, ср. *мотыль*, мр. *метелик*, при *мотать*, и серб. загадку о пчелѣ: „*мотовило*—*вило* по гори се *вило*, *кули* долазило, соли *нелвзало*.“ Подобная русс. и серб. загадка о ласточкѣ („*шило*—*мотовило*“, „*спријед шило*, *страга вило*“) относится к клюву и хвосту похожему на вилы или на мотовило. Думалось бы, что подобное значеніе витья, *снованья* (тканья) лежит и в основаніи вр. *на-утъ*, овод (кор ⁺*ват*?). Сродно ли это послѣднѣе с *на-укъ*, *рајакъ*? Не произошло ли к из *т* в *паутина*, а не на оборот? Что могло побудать обойти такое обычное сочет., как *паучина*?

При этом вспомним уже встрѣченныя выше в литовском сочет. *ry* (*ru*) перед согласною, не смотря на возможность в этом языкѣ непосредственнаго соприкосновенія *r* (*r*) с согласною; *luszis, rudû* (?), к коим б. м. можно присоединить еще *rustus*, гнѣвный, сердитый, *rustai* сердито, очень, чрезвычайно, если оно вяжется с вр. *epestаться*, н. луж. *jeréšís se*, сердиться (соб. ерошиться, К ист. зв. 95). Потт, *Wz. Wb.* II, 2, 459, указывает на скр. руш-, по 1 и 4 — *laedere, interficere*, по 4 и 10 — *irasci, furere*, находя, что б. м. сюда же скр. *рѹкша*, *asper* „*horridus*.”

Вторая возможность объясненія слова *русло* в том, что зубная суффикса = ⁺*тло* измѣнилась под влияніем конечной *свистящей* корня, как в *масло* (маз-). В таком случаѣ — корень *арс-*, тот же, что предполагается в сл. *Русь*. Тоже предположеніе возможно и для литовскаго *Rusnė* и необходимо для тѣх, мнѣ из первых рук неизвѣстных названій Нѣмана, в коих послѣ *s* стоит гласная. Во всяком случаѣ связь между Русною и Русью может быть лишь отдаленная и посредственная, а не связь заимствованія.

Из предыдущих случаев *ry* = ⁺*ар* перед согласною, к коим жожно присоединить и относительно поздній серб. стар. *русai regio, regnum*, маляр. *ország*, (Mikl. Femdw.), видно, что *Русь*, *Руси-нѣ*, кромѣ суффиксов, могут соотвѣтствовать скр-му *рш-а-бна* бык (= ⁺*арсабна*) ¹⁾, зенд. *арш-ан*, *арш-ана*, самец, муж, греч. *ἄρσ-ην* (*ἄρρην*, тема — *εν*), мужескій, мужественный Т. о. *рус-инѣ* значило бы „муж,” а *русь* — собирательное „мужи,” и оба слова были бы вполне туземны. За корень слова *ἄρσ-ην* и пр., принимается *арс* = скр. арш (рш-) течь, орошать, в смыслѣ изліянія сѣмени, оплодотворенія (Curt. Grundz² 307). Этот признак лежит в основаніи нѣскольких названій самцов. В другом смыслѣ тот же корень может давать названія

¹⁾ Не могу судить, на сколько случайно совпаденіе этого имени, которое могло служить почетным эпитетом мужей, с именем Половецкаго князя, убитаго в 1103: *Урусоба* (Поуч. Моном. Лавр. 104, 119).

рѣкъ, как текущих, орошающих. Сюда м. б. *Рось*, приток Днѣпра, и многія другія, связь которых с *Русью*, как и этого послѣдняго с *Русною*, может быть лишь посредственная, как членов двух нисходящих родословных линій.

Кому может быть на руку такое объясненіе имени Русь? Конечно тѣм изслѣдователям, которые, отчаявшись найти Русь в Швеціи и гдѣ бы то ни было, кромѣ Руси, отдѣляют Русь от Варягов., приписывают Руси, согласно с употребленіем этого слова до весьма поздняго времени, происхожденіе преимущественно южное, приурочивают ее к землѣ Полян, Тмуторокани, Русскому морю, а с большими сомнѣніями и к галицкой и угорской Руси. Знаменитое мѣсто лѣтописи „В лѣто 6370.. идоша за море к Варягом к Руси (сиче бо ся зваху тѣи (тии) Варязи Русь, яко се друзни зовутся Свое (Свее) и пр.)“ очевидно заключает в себѣ глоссу составителя лѣтописнаго свода. Возможно, что Варяги, пришедшіе на Русь, стали называться Русью, т. е. такими же мужами, воями, как и туземные, что свидѣтельство об этом дошло до лѣтописца и заставило его, при забвеніи этимологич. значенія слова Русь, предположить, что они называли себя так и у себя дома. Возможно, что „род Русскій“ за морем создался под вліяніем особаго пониманія таких мѣст, как в догов. Иг. (под 6453): „мы от рода Русскаго съли и гостье,“ т. е. послы (не принадлежащіе к роду Р-а) служащіе представителями рода Русскаго. Во всяком случаѣ вѣроятно, что лѣтописное свидѣтельство о призваніи, как это принимает Д. И. Иловайскій, нѣкогда звучало иначе, на пр. так, как читается в лѣтописцѣ Никифора патріарха: „при сего (Михаила) царствѣ придоша Русь: Чюдь, Словенѣ, Кривичи к Варягом“ (которые стало быть небыли Русью), „рѣша: земля наша велика..“ П. С. Р. Л. I, 251 (Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси, 300).

По моему гаданію, напрасно однако же и на югѣ искать *илемени*, носившаго имя Руси; его не было до того времени, когда многія племена объединились под этим именем и появился народ русской. Русь в смыслѣ мужей, т. е. воев и гостей, выходила из разных племен, но преимущественно из крайних,

болѣе сталкивавшихся с иноземцами. Переход слова Русь от значенія состоянія к значенію народа, от представителей к представляемым есть предположеніе, напоминающее былое. Так из козаков, бывших первоначально людьми малыми в смыслѣ количества, но не в смыслѣ бродила, вышел в XVII в. „люди козако-русскій.“ Б. м. между козаками и Русью есть и другого рода связь: б. м. крайнія поселенія Руси, как Тмуторокань, были архаическими формами позднѣйшей сѣчи и других козацких общин, формами неуспѣвшими развить в себѣ семейной жизни и потому неустойчивыми. Относительно названія племен по представителям напомним словопроизводство проф. Гейтлера: *Хърватъ* = литов. *szarwotas*, т. е. или оплит, латник (латы могли быть и не желѣзные, а роговые или кожаные), или вооруженный, снаряженный, стало быть тоже муж, храбр, воин (ср. нынѣшнее серб. *храбар* *рабар*, *војно*, муж — *magitus* и молодец, как мр. пѣсенное *козак* по отношенію к *дівкѣ*). При этом можно поставить и другое имя: *сърбъ*, судя по скр. *сърбъ* *ferire*, *laedere*, *occidere*, значит воин, боец. Как эти имена, так и Русь принадлежат к корням или совсѣм забытым или крайне затемненным.

10 Окт. 1878.

Мелюс.

„Будем ми до байраків, до мелюсів добігати,
І будем ми тернове віття, верхи стинати,
І будем тобі, найменьшому брату, пішій пішаниці, на
[признаку покидати.....

Далі з байраків, из мелюсів вибігали,
І нестало пі байраків, ні мелюсів ставати,
І тільки поле лиліє,
На ёму трава зеленіє.

(Ольшана, Харьк. г., Богодух. у. Дума о побѣгѣ трех братьев из Азовской неволи, запис. М. В. Нѣговскій, Ант. и Др. I, 108). Слово это считается непонятным (Костом. Историч. поэзія. В. Евр. 1874, XII, 574). Ср. п. *mielerz*, *stos z drzewa*, на kształt stogu porządnie ułożony, z którego węgle kurzą (Linde, s. v. ссылка на *Siennika M. Herbarz*, 1568 г.); ч. *milir*, id, нѣм. *meiler* id (стар. $+mfler$). Конечное с в мр. = поль. *z = rz* и служит указаніем на заимствованіе именно из польскаго, от Мазуров. В мр. думѣ это слово могло находиться с самого ея сложенія между концем XV и нач. XVII в. (Ант. и Др. I. 133). Значеніе этого слова в думѣ не может быть то, что в п., ч., нѣм., ибо в степи по направленію от Азова к верховьям притоков Самары и Муравскому шляху нѣкому, нѣ-из-чего и нѣ для чего было жечь угля. Я думаю, что старшіе братья намѣчали свой путь не только свѣжесрубленными терновыми вѣтками, но и сухими, которыя они брали с костров, а что это были за костры, отвѣтом служит обычай, о древности, распространенности и значеніи коего см. Котлярев.

О погреб. обр. 93—6: бросать на могилу похороненного у дороги вѣтки и т. п. Я сам видѣлъ выросшую таким образом порядочную кучу, если память необманывает, именно близъ Ольшаны. Понятно, что эти кучи кончались там, гдѣ и байраки и терны: нестало байраков, нестало и мелюсов. Тогда братья стали рвать платье и оставлять „на признаку.“ Но пѣвцу эта связь тернов и мелюсов была неясна и он дошел до их отождествленія:

„Видно, Іх (братьев) Азовська орда доганяла, І посякла порубала, Мене найменьшого брата, пішу пішаницю, у тернах, у мелюсах (стало быть в чем то, в чем можно скрытись) на спочинку минала“ (Ант. и Др. I, 110); „Вовки сі романці набігали, кості по байраках, по мелюсах розношали“ (ib. 111).

— „Поле леліє“ І. с., блистит, т. е. виднѣется. Ср. в моем соч. Сл. о П. Иг. 96—7.

„*Опрани* кульбаки, добич из коней зкидайте“ (вариант той же думы, запис. П. А. Кулішом, З. о Ю. Р. I, 37, Ант. и Др. I, 114). Пѣвец замѣтил: „кто ёго знає, що то було таке?“ Издатель перевел вольно: „дорогія сѣдла,“ а впрочем вѣрно, ибо здѣсь — *kulbaki*, *oprawne w srebro albo złoto*. Именно только в этих тяжелых сѣдлах, да в зеленых жупанах, подбитых красною и желтою китайкою, да в оружіи могла состоять „добич,“ „добро турецьке“ (ib. стр. 24, 83, 171—2, 202), а вьюков могло и небыть.

Китиці, кити. В той же думѣ (Ант. и Др. I, 108): І ну (читай *нум*) думати гадати, З під червоного каптана чорні китиці видерати, Своему брату... на признаку покидати.“ Но зачѣм „китиці“ (кити) *под* каптаном? Под вліяніем такого сомнѣнія, пѣвец дальше сказал „коло своїх каптанів чорні китиці видирати (109, ст. 76). Думаю, что *китиці* появилось здѣсь как замѣна менѣе понятнаго *кити*: „один на собі каптаи має, Та з нід того жовті та чорні *кити* видирає“ (ib. 121, ст. 56, а дальше, ст. 60 — *китиці*), а *кити* есть искаженное *китай*. *Китай*, п. *kitaj*, бумажная ткань, есть первообразное общезвѣстнаго и употребленнаго в других вариантах той же думы *китайка*; в мр.

прилагательное образовано от этого первообразного: *китаѣ-вий*, а не *китайковий* (хотя есть и это, и *китайчаний*) и на оборот, *каламайковий* пояс, а не ⁺*каламаѣвий*.

Обітріє (мр.). В варіантѣ той же думы:

...Стала їх темна нічка обіймати,

Став брат старший до середульшого промовляти:

„Станьмо, братіку, тута, коні попасімо:

„Тут могили великі,

„Трава хороша

„І вода погожа;

„Станьмо тутечка, підождімо,

„Поки сонце обітріє,

Чи неприбуде ік нам наш піший піхотинець.

П. А. Кулиш (Исторія возсоединенія Руси, I, 341) замѣчает об этом мѣстѣ: „Перепечатывая думу эту из моего сборника, издатели „Истор. пѣсень мр. нар.“... напечатали *обітріє*. Нѣтъ, *обітріє* значит *обвѣтріє*; но двѣ согласныя губныя не позволяет украинская фонетика произнести, и потому кобзарь Архип Никоненко пѣл так, как у меня напечатано“ (т. е. в Зап. Ю. Р. I, 40, гдѣ—вольный перевод „обождем здѣсь до свѣта.“ На вопрос о значеніи этого слова Н. отвѣчал: „Се як вітром перейде від час исходу сонця, от сонце и обітріє.“

На это скажу: такого *украинскаго* закона, чтобы из *бв* перед гласною выходило *в*, как извѣстно, нѣтъ. Был нѣкогда общерусскій и общеславянскій, теперь нарушаемый в пользу этимологической ясности. О непозволительности форм, как *обвѣязати*, *обвѣдти*, не может быть рѣчи. Ф. обітріє из *обв-*, конечно возможна, но несмотря на объясненіе кобзаря она не дает удовлетворительнаго смысла.

Обітріє = *обвѣтрьють*, с *і* из *у*, как в *оірок*, *дїброва*. Менѣе вѣроятно, что основная ф. есть *ютро* откуда *і* как в чеш. Ср. „щей сонце негаразд *обвѣтрьє*, кожне йде в степ.“ (из над Десны. Основа 1862, VI, 58). *Утро*, (кор. *vas*, откуда *овсень*, *усень*, лит. *dėna aušz-ta*, день разсвѣтает, *aušzra*, денница) несовсѣм ясно относительно предполагае-

емой основной ф. (+аустара-, -с суф. -тар, или аус-тра-с т вставным и суф. -р-, как лит. auszga, при чем в обоих свойство свистящаго зв. составляет вопрос) и условий исчезновения с перед *m*; но кажется нѣтъ возраженій против сходства с латыш. *austras* восточный, др. вн. *ôstar*, adv. восточно (Fick; Mikl. Gr. II, 174; ср. устры ризы, ib. 85, Lex. s. v.) и само *утро* имѣет и знач. востока, как страны свѣта. Особенность значенія глагола средняго с об- и наличным подлежащим видна из сходных: совр. „мы обвечерѣем там-то,“ т. е. будем находиться вечером или вечер нас застанет, „обнимет“ там-то (ср. обечеритисл, *vespere deprehendi*, Mikl. Lex.); „и съступишася трижды и омеркоша быющеса,“ П. С. Р. Л. I, 254, а также Mikl. Lex. s. v.; в том же см. *освѣнжти*, серб. осванути: јеси ли мирно освануо?, а о свѣтилѣ м. б. просто появиться, взойти рано: „освану звезда на ведром небу;“ ср. без предлога „свенувъ же Авраамъ за утра,“ Быт. 19, 27, Горск и Невостр. Опис. С. б. Отд. 1 14. Таким же образом „обутрѣвъ же Гедюнь за утра, Суд. 6, 37. Макар. Мин. I, 73; обутрѣвъ Ааронъ наутриа, Бусл. Хр. 165.

И так „солнце *обітріе*“ можно объяснить так, как серб. „када сване (разсвѣтет, безлично) и о́гране сунце:“ с. появится на востокѣ.

Кално-фойскій, фамилія южнорусскаго писателя XVII в., объясняется вліяніем извѣстнаго польскаго звуковаго явленія: *wiejski* (из *wieśski*), *miejski* (= +*mieścki*), *Zamojski* (= +*moścki*), однороднаго со случаями *dojrzec* (= *doźrzec*), *skojca* (*skośca*, род. при *skocięc*, мѣлкая монета), *grójca* (*grodzca*). Стало быть: +*Кално-хвостьскій*. Упомянутое стремленіе или еще несуществовало, или было весьма ограничено в XIV—XV вѣкѣ (Ср. Бод. де Курт. О древнем. п. яз. § 26). До появленія его можно предполагать нѣчто напоминающее *щ* из *ш-ш*, *ждж* из *ж-ж* (яжденж и т. п.), стар. поль. *ščedł* (Bibl. Zof. zczedł, 16 = съшьдль), *żdżęł* (Bibl. Zof. szdżęł, 69 = жжегль = съжьгль) и вост.

мр. формы *крашчій* (= +крашшій), *дужчій* (—+дужшій), Зам. о мр. нар. 85. Именно, я думаю, что основныя сочетанія -ш(ь)ск- могли, по крайней мѣрѣ в нѣкоторых случаях, давать *ц'к-*, через посредство *с-ск-*, +*сцк-*. Что до перехода *с-с* в *сц*, то, кромѣ вышеприведеннаго, ср. мр. *сцати*, *сце* из *с-сати*, *с-се* (съсати). Затруднительно только объясненіе перехода +*сц'к-* в *ц'к-*. Предположеніем этой послѣдней ф. можно объяснить русс. (Ип. л.) и мр. *лядьскій*, которое вовсе не необходимо предполагает *ляда* (ср. *Nehring. Ueber den namen für Polen u. Lechen. Arch. f. Sl. Ph. III, 468*), ибо могло возникнуть из +*ляцьскій*, а это из *ляцьск-*, минуя предполагаемое нѣкоторыми +*ляд-*. Сюда же

Mazowiecki, при коем — Мазовешьскій, Мазовешь (Ип.¹ 185), *Mazowska*. Мое предположеніе по поводу послѣдняго слова, коего объясненіе мнѣ не встрѣчалось, находится в связи со слѣдующим:

Считается признанным, что нѣкоторыя из слав. *ль* = основ *а*, т. е. вѣроятно *ā*: *бльль*, латыш. *bāls*, лит. *balū*, *balū*, Mikl. Altslov. Lautl.³, 55; *мльль*, *срета*, латыш. *māls* глина, лит. *molis*, id.; *мльль* (ст. сл., мр.), *жѣлок*, кор. мар., сродно с *мелю* и *мал*; *вѣко* глаза, скрини, лит. *woka*; *рѣна*, лит. *garė*, латин. *gара*. Можно думать, что здѣсь *ль* из *ai* возникшаго на слав. почвѣ. Сюда присоединю:

Цѣвь. Вр. обл. *чѣвье* (Арх. „у палок чѣвья отламались,“ т. е. рукоятя; „в чѣвьях копья поламались,“ Кир. П. IV. 11, 15) предполагает общерусс. *цѣвь*; но на начальное *ск* указывает *щевье*: „стрѣла (лети, оборотись) *щевеем* (стволом, древком) во древо, перо (стрѣлы) во птицу, а птица—в небо, клей во рыбу, а рыба в море, желѣзо—во свою мать желѣзную“ (Заговор на оружіе, Майков, Вр. заклин. N 331). Осн. тема +*скав-и*, кор. *ску*, который ср. с одной стороны со *ска*, *ia*, *iaj* в *ско-угопек*, вр. *ще-врѣнок*, *жа-воронок*, мр. *жайворонок*, и *гайворон* = сръб. *гавран*, а с другой с скр. *ку* = *ку* *звучать*. *Цѣвь* (из +*кави-*, +*каи-*

ви-) могло значить *смирль*, затѣм—переход от цѣви, цѣвниці, какъ музыкальнаго инструмента, къ знач. тонкаго ствола вообще (мр. цівка), стержня, дровка, берцовой кости и пр., какъ в *пицаль*, поль. *piśczel*.

Миклошичъ, *Altstl. Lautl.*³ 288—9, обращаетъ вниманіе на начальное слав. *сц* при *ц*. Ц частью предполагаетъ *сц* (*цѣдти*, лит. *skėdu, skėsti*, разжигать; *цѣстити* *purga* при *чист*, *чистити* и лит. *skīstas*, жидкій, чистый (о жидкости, в противоположность с *tirsztas*, густой = сл. *тѣлсть*, *цѣпити* *findere* при *сцѣпити*), частью, повидимому — нѣтъ, какъ в *сцѣна* при *цѣна*, др. бактр. *каѣна*, *strafe*, лит. (по Микуц. в Шавель. у), *кайна*, *сцѣл* при *цѣл*, гот. *hails*.

Относительно *цѣна*: б. м. при объясненіи этимологіи этого слова нужно будетъ принять в расчетъ особенность его значенія: мр. молоко хороше і в *цѣни*“ (харьк.), т. е. дешево, противоположно обычному „в *цѣнѣ*“, т. е. дорого; „що-ж там на Дову коні *поцѣнно*?“; Купала на Йвана, 16, = дешево; хорут. сѣп дешево, серб. *цѣјене* дешево, сравнит. ст. *цѣене*; в этомъ же смыслѣ вр. „нужла цѣны неждет“ т. е. малой, низкой. По этому можно бы думать о скр. *канјаса* младшій, *кан-ја-са* мизинец, *кан-ѹјанс*, *кан-ништа*, меньшій, малѣйшій, при чемъ *ль* в слав. было бы из *а*, а *дорогъ*—*драгъ*, *magņi pretii*, сближаемое с *дѣржати*, могло бы быть сближено с *+дарна*, *дѣль*. Ср. шедрующіе просятъ: „Дайте намъ дохид *довгий*“, хотя под этимъ, конечно, могутъ разумѣть и долгую колбасу.

Ст. сл. *сцѣль* при *цѣль*, хотя и неподтверждено достаточными примѣрами, даетъ одну изъ вѣроятностей, м. б. наибольшую, при объясненіи мр. *сцѣльникъ*, сот, „пастѣнокъ меду“ (Павловскій, Малор. грам. 60): *+цѣльникъ*? В восточ. укр., именно у Квитки, изрѣдка встрѣчается *сц*. вм. ст. (*госці* = гости, гости), но мало вѣроятности, чтобы это спорадическое явленіе могло встрѣтиться в началѣ слова и стать в этомъ словѣ исключительнымъ, такъ чтобы можно предположить ф. *+стельникъ* в см. наслоенія, пласта, или *стѣльникъ* (ср. выше „пастѣнокъ“) с *л* вм. *н*, какъ мѣстами в вр. *свѣцельникъ*, в мр. *мизильний* палець, *Mikl. Altstl. L.*³ 58. На-

конец тоже сомнительно, что ⁺цѣль—из ⁺скаил—, ⁺скаир=⁺скѣр=кѣр в лит. *koris*-s (⁺kârgjas), сом, латыш. во мн. ч. *kâri* id., гр. *κῆρ-τον* id., *κῆρ-ος* воск, лат. *cēra* (Fick '351), откуда б. м. *цѣрь*, *сѣра*.

Цѣста, *platea*, хорут. *césta*, ч. *cesta*. Человѣкъ рвет на ходу землю, а жук, неоставляющій слѣда „идет—земли не дерет“ (Сах. Ск. Р. Н. I, 2, 94). Вр. *цѣлик* есть не только земля нетронутая плугом или сохою, но и неѣзженная, нетореная, и в последнем смыслѣ—противоположность дороги. На оборот, нѣкоторыя названія дороги, тропы могут быть сближены со словами означающими *рвать*, *бить* и т. п. Вят. *косма́*, колея на дорогѣ, ср. серб. *кас* рысь, *касати* бѣжать рысью, мр. *чесати*, *чухрати* бѣжать, лит. *kasti* рыть, *kasiti*, скребницею чистить коня, чесаться в головѣ, почесываться (мр. *чухатись*), царапать.

Срб. *прт*, ж., *-ина* слѣд на снѣгу, ч. *prt*, слов. *рурт*, у подгальян *perc*, мр. (галиц.) *перть*, лѣсная, горная тропа, ср. *прати*, *conculcare*, лит. *spiriti*, между прочим, бить землю ногами, о конѣ. *Тропа* и серб. *трап*: „кола на широки, узани—воз с широким, узким ходом, т. е. слѣдом; ср. вр. *трѣпать* топать, стучать ногами, тяжело ходить. Б. м. *дорога*, *драга*, *via*, *vallis* (серб.), *vestigium* (в. луж.), слово оставляемое без сближенія Миклошичем,—в связи с *дергать*—*рвать*, *дернуть*—, быстро побѣжать, а серб. *траг*, слѣд, с *тѣрати*. Согласно с этим в *цѣста* можно видѣть или к. *скид*, скр. *чид*, лат. *scid* в *scindo* и пр., или *скад*, скр. *склад*, оба почти одинаковаго значенія: ломать, колоть. Микл. Лех. к *цѣста* относят и *цѣшта*, ради, ссылаясь на аналогію с нѣм. *wegen*; но с этим несогласно серб. *цѣжѣ*, *цѣи* ради, в коем *h* указывает на *m*, а не на *st*. Можно думать о *скаит*—в лит. *skaititi* считать, читать.

Если нѣкоторые слав. *ль* возникли (через *ал*) из основного *а*, при том, судя по *бѣль* независимо от перехода *ј* суффикса, что, кажется, нѣкоторые предполагают для *цѣль* (⁺калја); то а priori возможно, что при *ль*, может встрѣтиться этимологически равносильное ему *а*. *Мѣз* в *мѣзинь*, мал, *мѣзиньць*,=лит. *maž-as*, мал. Почему хорут. *тази*

нес должно предполагать *ь* в *мъз* (Mikl. Altsl. L.³ 58)? Допустивши, что *а* здѣсь основное, получим вѣроятность, что *Mazo-wsze* = *Мазо-вьсье* (как *wsze* = все) = Мало-весье. Если бы ненашлось историко-географическаго объясненія старинному употребленію этого имени во мн. ч. („do Mazowsz“, Linde), то можно бы найти объясненіе в производных значеніях множественнаго числа, о чем при другом случаѣ.

Ви-ти, мать, и сродныя, — по поводу замѣчанія Ак. И. И. Срезневскаго: „*подвойскій*, кажется, другого происхожденія“, чѣм *войскій*, военный (Замѣчанія о книгѣ С. А. Гедеонова „Варяги и Русь“, Отч. о 20-м присуд. наград гр. Уварова. Прил. к XXXIII т. З. А. Н. 681).

+*Вати*, +*вь-ѣж* в значеніи *мать* предполагается, аналогично с *лѣти*, *льж*, на основаніи литовскаго *wėji*, *wiī*, гнать, преслѣдовать, серб. *нѣвити*, *нѣвиѣм*, као накнадити, соп-репваге, вознаградить (как рус. *нагонять* наверстывать), *дѣвити* се, *дѣвиѣм* се чему, домыслити се, догадаться (ср. *улонка* сметливость и др. аналогич. случаи)¹⁾, *вијати*, *вијам*, тјерати. В скр. *ви*, *вѣти*, ити, гнать, зенд. *viđiti*, гр. *For* в *οἶσω* (см. Fick). Даничич, смѣшивающій это *ви*, с *вити*, *vięge*, относит сюда серб. *вила* (Kogieni 207). Я думаю теперь, что это слово в серб. и вообще южнославянс. значеніи (не в руск. *вила*, *юла*), слѣдует отнести к *ви* гнать, п. ч. *вила* *сноялетъ* облака (писам *вила*“ говорит дѣвица, „да збијам облаке“, н. п.), как и волкодлакъ (см. *вьлко-длакъ*, Mikl. Lex.), или потому что она носится по воздуху (мр. „*заняе*“; ср. лит. *wajoj*, herumjagen).

Думаю, что в нынѣшнем рус. (вр. и мр.) „солдаты (москалів) *попали* на войну“ неслѣдует видѣть критическаго отношенія к явленію. Оно употребляется без мысли о принудительности и насиліи и в этом смыслѣ есть, кажется, остаток глубокой старины. Ср.

¹⁾ Серб. *довѣја*, монастырская кухня, и производныя — от греч. *δοχεῖον*, (странно)примница Matzenauer 145.

Польс. *wić*, напр. *wiści wojenne na rozpolite ruszenie*“, зн. соб. *поиунъ* (повелѣніе, приглашеніе) *на войну*. Сущест- вующія объясненія смѣшиваютъ с *wić*, гибкая вѣтка и пр. Бѣльскій: „*listy królewskie na wojnę, że dawniej (будто бы) do wiści przywiązane były i na wiściach je noszono, wi- ciami dziś jeszcze zowią*“. Чауцкій: *wiści były (?)ognie zapalo- ne (маяки, фигуры) któremi uwiadamieli siebie naczelnicy o obrocie nieprzyjaciół, i te sznury, restes, w smole obwi- nięte mogły służyć za dawane znaki. Po obwieszczeniach na piśmie, to imię zostało jako pamiątka dawnego zwy- czaju (Linde).*

Гнати имѣло юридическое значеніе: ч. *rohmati, roho- niti, poháněti* k soudu, ku pravu, na soud, do soudu, позы- вать, требовать к суду; *půhon, pohnaní, obeslaní* ku pravu, citatio in jus, accusatio (прямо судьей или через коморника или кмета); *rohončí, půhončí, komorník, executor, qui discus- sam caussam executioni mandat (Jungm.)*. Предполагая подобное значеніе в *виту*, думаю что *вита* значило также приглашеніе к суду, а

Витський, возный, судебный пристав и т. п.; „присла король угорьскій *вицькаго*, река: „поими дщерь ми за сы- на своего Лва“, Ип. 185 (под 1250 г.).

Поль. *zawity rok*, послѣдній, конечный судебный срок, наступающій послѣ сообщенія сторонамъ *възъ* трехъ витей; *termin na którym strona pozwana koniecznie stanąć musi*; „wszak nie zawity rok, będzie to jeszcze w czas“; Реж; *vza- wicie* stanąć, bezodzwоніе, bezapelacyi; „на роцъ [на] пред- реченымъ сторонамъ въ Медыцъ въ недѣлю на вутрей светого Луки ев. *завитъ* и конецъ вложенъ. осудили есмь. (Правая червонорус. гр. 1404, А. Ю. и З. Р. I, N. 9).

Поویتъ, п. *powiat* (podział wojewódstwa w którym sądy ziemskie bywają) на основаніи *wić*, можетъ объяснять- ся не только какъ судебный, но и какъ военный уезд, округ.

+*Вой* какъ ном. actionis, могло имѣть значеніе какъ судеб- наго такъ и военнаго „погнанья“ (ч. *rohnaní*), но в п. *wojski*, можно предполагать лишь послѣднее (*wojskich powinność by-*

ła przestrzegać bezpieczeństwa w swoich ziemiach, skoro szlachta wyciągnie na pospolite ruszenie, Linde), а в *podwojski*, woźny miejski—лишь первое. Кажется подобное значение и в русс.: „под городом застрѣлиша Олдана подвойскаго“ Новг. I, 48, (под 1231 г.). Ср. *витьскый*. Т. е. *подвоискый* не предполагает значеній *вой*, *воинъ* (т. е. *воинъ*; у Микл. в кр. строкъ *воинъ*) *войско*, *воєвати* (в вр. п. „кто со мной (*bis*) на вой воевать идетъ, кто со мпой?“), но принадлежит с ними к одному семейству. *Вой* как *nom. agentis* могло значить „погоня“, как древняя колядка идеализует войну в видѣ погони (Ант. и Дрог. Ист. п. I, 31 сл.) и как в козацкія времена война с татарами преимущественно было погоней.

Мр. *личман*: „вопи (діти, жінка) на сім світі такіж госьці (*sic*) як ти и усякий чоловік, чи царь, чи пан, чи архерей, чи салдат, чи *личман*“, Квітка; „перш жадала поповичів, далі спустила на писарів з ратуші, забажала послі вже й хлібороба, так ба! й *личман* недивитця“ *id.*—человѣкъ низшаго состоянія. Невидно связи с польск. *liczman*, счетная марка. Ср. Нѣм. *abgaben dienste*, *robot* (=роботу, панщину) *leisten* отбывать панщину и пр. Стало быть—*ist mann*? Относительно *st*, или б. м. *št*—*ч*, ср. мр. *квац*, помазокъ, преимущественно дегтярный, хорут. *кваѣ*, вѣхоть соломы, нѣм. *quast*; при этом сближеніе *квачъ* с скр. *куѣа*, трава вообще, в частности род травы из коей вьют веревки (Гильферд. в Матер. для сравн. слов. I. 317) излишне. Сюда ли отмѣченное у Дала нврс. *личман* старшій чабанъ, смотритель над овчарами, или, как думает Даль, к *личить*, п. ч. считает, повѣряет?

Вопрос о нѣмецких словах в малорусском распадается на два: а) о заимствованіях через польскій на пр. *бавовна* (*bawełna*, *baumwolle*) *бікус* (бигос, соб. *соус*, *begussa*), *бляха*, *броварь*, *вані*, *вірша*, *галун* (квасц), *ганпувати*, *геть-*

ман, *голдувати*, *груба*, *цунство* („бранное на ребят слово: густвѣньска душа, собачья, Павл. Мр. грам.—hundsfoft), *кѣнок*, у Павл. во мн. ч. *кѣнки*, *крыльцо* (*gang*), *кѣнѣць* (короткій нож у сапожников, *kneif*) *кѣтъ*, *драбина*, *дѣкувати*, *дѣкѣлик*, *жартувати*, *карбувати*, *кажля*, *коштувати*, *крам*, *кухоль*, *кушнѣр*, *купервас* (купорос), *ляда*, *лѣх*, *лихтарь*, *люби-сток*, *малювати*, *мандрувати*, *мѣркувати* (*mercken*), *мож-дѣр-мушѣр* (*mörser*), *мордувати*, *муровати*, *мусити*, *набор-набѣр* (*na-borg*, *borgen*), *обцѣньки* (*hufzange*), *орчик*=*ort-scheit*, *паля* (*pfahl*), *паля* (удар липейкой), *панѣвка* (*pfan-ke*), *паньчоха* (чулокъ, *bundszuh*), *парахвѣя*, *плѣндровати*, *пляшка*, *прас* (утюгъ, Павловск. грам.), *ратувати*, *рахувати-рахуба*, *рѣмарь*, *рѣнва*, *риштуваннѣя*, *саквѣя*, *смак*, *смѣлецъ*, *спѣж* (бронза, *glockenspeise*), *спис*, *стельмах*, *стусан*, *узналь*, *большой гвоздъ* (*hufnagel*), *шинок*, *школа*, *шляхъ*, *шма-рувати*, *шорувати*, *шпарувати*, *шпикувати* (*spicken*), *цѣм-рина* и др.

а) О заимствованіяхъ помимо польскаго языка. Тут возможны опять заимствованія черезъ Словаков со стороны Угорщины, и заимствованія непосредственныя отъ Нѣмцевъ, селившихся на Руси изстари. Ср. в Ип. л., под 1259: „Данило..вача призывати (в Холм) прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь“ (Ип. 1196); под 1268: въ Володимери „Марколтъ.. Нѣмечинъ (=Нѣмчинъ) зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ: Василка, Лва, Воишелка, и начаша обѣдати пити и веселитися“ (ib 204); под 1287: созва бояры Володимерьскыя... и мѣстичѣ Русци и Нѣмцѣ“ (ib. 216), под 1288: по Володимерѣ Васильковичѣ плакали: „все множество Володимерцевъ, мужи, и жены и дѣти, Нѣмци и Сурожьцѣ, и Новгородци и Жидове плакахуся яко во взятѣ Іерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ Вавилоньскый“ (ib. 220). Пока можно указать на нѣсколько слов, которыхъ у Линде нѣтъ, хотя, конечно, нельзя ручаться, что они заимствованы именно непосредственно: *бѣрма*, пѣна на вѣкипаченѣм меду, вареньи, нѣм. *bagme* (*bärme*) fet; пѣна всплывающа на верхъ и осадокъ (Grimm Wb.); *бендѣюи*, дроги, роспуски (*bindwagen*?), *рѣптух*, (*reiftuch*?) ; *рундѣк* (крыльцо, *rün-*

ding, от полукруглой формы); *швидко*, образованное, как *прудко*, *хутко*, от *g'schwind* (напрасно, думаю, Гейтлеръ, Rad. XLIV, 133, считая мр. слово туземным, сближает его с лит. *swėdža*, *swėsti*, хлестать); *линтварь*, овчипа (linde waage?); *цмирь*, табачный сок в трубкѣ (*schmiere*, мазь, коломазь); *шпритвас*, кадка, перерѣзъ (*schrotfass*).

Мр. *бѣшкет*, слово на востокѣ обще извѣстное: „А що нам суча баба з серця утнеть який бѣшкет, так і того треба боятись,“ Квітка; „розкажу тобі, який мени бешкет зробили у Безверхім хуторі,“ id. (именно „гарбуза́ піднесли,“ отказали); тільки великим грішникам часто і даром проходить, а маленьким—такого завдають бешкету, що і на старість буде в пам'ятку,“ Котлярев. В послѣднем значеніе неопредѣленно, в родѣ „задать жару, чосу и т. п., в 1-х—пакость, стыд. Линде поль. *biszkont* объясняет: *psi figiel*, *psota*: „*psych pełen biszkuntów, kradzieżą niewskórawszy, udał się do buntów*“ (XVIII вѣка). Это единственный приведенный у Л. примѣр; слово, значит, в польском весьма мало извѣстное. Невѣроятно, чтобы в мр. оно было заимствовано из поль., тѣм болѣе, что в послѣднем оно и в звуковом отношеніи кажется болѣе искаженным, чѣм в мр. Оно перешло или из др. верхне нѣм. в то время, когда в нем основное *sk* (*sk*) перед *i* еще неизмѣнилось в *sch* (*sch*), а *t* (*t*) еще неперешло в *z*, или — из одного из герм. нарѣчій и в болѣе позднее время сохранявших эти звуки. Ср. др. вн. *riscigan*, срвн. *bescizen*, агс. *bescitan* (герм. ф. корня—*skit*, сканд. глаг. *skíta*, *skeit*), нов. вн. *bescheiszen*, а) concasare; б) inquinare; в) impudenter decipere; нов. вн. *beschiss*, frau: list und beschiss; on hintergang, on allen beschiss, lug trug und b.; mit *beschiss*, dolose (Grimm Wb.). Замѣчательно, что в мр. сохранилось значеніе предполагаемое нѣмецким, именно пакости, дѣйствія постыднаго для того, кто ему подвергается (ср. русс.: „его в таком-то журналѣ, как водится, обо...“), между тѣм, как производнаго значенія (frau) невидно. О первообразной формѣ (*skid-*) нѣмец. *bescheid* нельзя думать, по несходству значеній.

Мр. *не до шмиги*, синоним мр. не до діла, не до ума (индик сплечений не до ума), не до смаку, не до соли: „що ни о́зме, до чого ні кплетця, усе не так, усе не до шмиги“, Квітка, неладно. В брусс. *недошмиги* (Слов. Носовича) вошло с тѣм же значенієм из мр., на что указывает ы из и. Собств. значеніе: не по угольнику, стало бытъ не по мѣрѣ, неточно: поль. *szmiga*, нѣм. *schmiege*, *węgielnica z bokami składanemi, dla naznaczenia różnej ukosności; ztąd „przyrznać na szmige, t. j. na ukos; robić co na węgielnicy i szmige“* (Linde). Отлично от этого Поль. *szmigać*, ч. *švihati*.

Мр. *ченчиковати*, *чимчиковати*, ити, плестись, брести. В звуковом отношеніи можно бы ср. *чѣнчик* (=чернчик; ср. мр. *чернѣць*, род. *ченця*, мн. *ченці* (у Квитки и *чѣнці*), но оставалось бы сомнительным объясненіе „брести, какъ странствующій монах, каких было много в XVI—XVII в.,“ если бы не слѣдующая аналогія: „Первые благочестивые царіе христіанскіе пішо въ пустыню *драбантовали*“ т. е. шли. Іоани из Вишни, в транскрипціи П. А. Кулиша, *Исторія возсоединенія Руси I, 297.*

— Мр. „*Вершлин* хоч шклянку розбиває, Та штуку з криці вигинає,“ Гребенка, =так тяжкій млат, Дробя стекло, кует булат, Пушкин. Нѣм. *verschlag-hammer*—у мѣдников (*die starken bläche dünn zu schlagen*) и *vorschlag-hammer des vorschlägers*, у кузнецов. В словарь Л. нѣт.

— Мр. *хѣморода* и пр. Запорожец, показывавшій фокусы, „то він *хѣмородою хѣмородив*. Сказано—каверзники.“ З. о Ю. Р. I, 79. Попытка объяснить это сл. в моем соч. „О нѣкоторых симв. Харьк. 1869, 35, сближеніем с зима, неудачна. Как и нѣкоторыя другія сл. названія знахарей и знахарства (хорут. *сѣргѣја*, *сѣрпник*, при др. вн. *zourag*; мр. *характерник* при *характѣр*, п. ч. он защищает себя или других от пули, сабли и т. п. посредством амулетов, таинственных письмен и т. п.; ср. серб. (тур.) *амажлија*, Кар. Рјеч.; хорв. *grabancijaš*, см. *Jagić, Volkssage von dem Gra-*

bančijaš dijak Arch. f. sl. Ph. II, 437 сл.: словац. *bosorka*, вѣдьма и нѣкр. др.) это слово м. б. заимствовано. Именно в *хим.* может заключаться нѣм. *geheim* (как в *швидко*—*g'schwind*), а в *род*—нѣм. *rath*. В связи с этим может находиться вр. *химостать*, ворожить, кудесить; врать; м. б. и *схимистить* стянуть, украсть, предполагающія ⁺*химость* в коем можно до болѣе удовлетворительнаго объясненія подозревать нѣм. *geheime kunst*. Это послѣднее слово, извѣстное чуть ли не во всѣх слав. нар. кромѣ болг. и серб. (между прочим в мр. *кунит*, рисунок, гравюра, *кунитик*, *id=kunst stück*), могло зайти в русс.—в другой диалектической формѣ: *konst*, *chōst* (в Аппенцелѣ), *kūst*, *kust*; *kunst*, др. вн. *chunst*, собств. *scientia, doctrina, disciplina*, и само по себѣ, без эпитета, имѣло значеніе сокровеннаго знанія, волшебства, как и сред. вѣм. *künnen* („sie kan só vil“—она знает, т. е. она вѣдьма, „вона не прѣста“): „mit künsten oder mit kräutern“—чарами: *kunstbuch*—чорная, волшебная книга, „das geheime künste lehrt“ (Grimm, Wb.).

По поводу предположенія, что *хим.* из *g'heim.* (*g'hlm.*) ср. также вр. *шиматься*, таиться, скрытничать.

— Мр. *чакловати*, колдовать; „дѣ-що мішати та варити на чаклуванья“ (Квитка) м. б. из ⁺*шакловати* (ср. прозвище *Шакловитый*, думный дьяк, казненный при Петрѣ). Ср. связь между мороченьем, *blendwerk, gauckelwerk*, обманом, шутовством и колдовством, на пр. в серб. чаратан (Карадж. Рјечн.), чаратаник, *чарлатан* (Jagić Arch. II, 454—5) *шарлатан*, и затѣм ср. нѣм. *schäcker, der schäckert, scherz treibt, schalk; einem etwas abschäckern*,” „einen mit etwas beschäckern“—betrügen. Далѣе отстоит по знач. *schächer* и *schäcker, räuber, übelthäter, bösewicht, schelm, armer schelm*.

О НѢКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ ВЛІЯНІЯ НЕБНОСТИ НА СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Статья эта была окончена в Январѣ 1878 г. С сокращеніями она изложена профессором Ягичем в его *Archiv für Slavische Philologie*, III. Теперь в ней прибавлены лишь нѣкоторыя ссылки на сочиненія, которых я не зналъ при ея составленіи.

А. II.

Харьк. 21 Янв. 1879.

I.

1. *s, ц, с*. Ссылаясь на Mikl. O slov. *s* и пр. в Rad. J. Ak. IX; Leskien, Beitr. VII, 140; Mikl. Altsl. Lautl.³ 251, 266—7, принимаю, что *s* (зѣло), отличное от *z* (земля), предполагается всѣми славянскими нарѣчіями и что случаи мнимаго удержанія гортанных (в русс. ногѣ, пеки, словац. *nohe*, Geitl. Fonol, 106—107; Mikl. Altsl. Lautl.³, 240, 242, 257, новѣ их измѣненія (нозѣ, нозѣ, пеци¹).

Наиболѣе ясны условія возникновенія *s, ц, с* из *z, k, x*, перед *ь* и *и* из *ai*:

а) В падежах: нозѣ, бозѣ, бозѣхъ, боси, друзси, друзѣмъ = ржцѣ, вълцѣ, вълцѣхъ, вълци, ции, тацѣми = снѣсѣ, доусѣ, доусѣхъ, доуси.

¹) То, что до сих пор принадлежность на пр. всему древнерусскому языку форм, как *друзи, ржцѣ*, признается не всѣми серьезными изслѣдователями, служит не столько упреком тѣм, которые доказывали это положеніе, сколько свидѣтельством о недостаточной принудительности доказательств, свойственных нынѣшнему языковеденію.

Аналогично с этим *zi* должно измѣниться в *zs* (ср. поль. *miazdze, drzazdze*) откуда диалектическое *zd'* (д' небное), *zd*, а *sk* в *sc*, откуда диалект. *st'* (т' небн.), *st*.

б) В нарѣчях: *blasъ* = *льгыць* = *тисъ*.

в) В повелит.: *вьрси*, — *сѣте* = *пеци*, — *цѣте* = *вьрси*, — *сѣте*.

г) В корнях: *сѣло*, *сѣница* = *цѣл*, *цѣна*.

Твердое произношеніе, как поль. *w bodze*, предполагает болѣе небное, я думаю, без того шипящаго оттѣнка, который слышится в нѣкоторых польских говорах (*dziś* и пр.), такое, как в юж. врус. говорах (не только бѣлорусских) на пр. в *пайдзице*. Для людей незнакомых непосредственно с этим произношеніем слѣдует замѣтить, что небные *дз'*, *ц'* вовсе не равны сочетаніям *д-з'*, *т-с'*. Эти послѣднія мы имѣем полную возможность произносить так, что их стихіи несливаются, стало быть, совершенно отлично от цѣльных *дз'* *ц'*: ювр. *дзѣло* (= дѣло), *цѣло* (= тѣло) даже по мѣсту произношенія совершенно отличны от *д-зп*, *т-сп*. Это не какая либо тонкость: это факт, доступный всякому внимательному русскому наблюдателю. Былобы поразительно услышать на *рѣтсѣ* *ч*. на *рѣтси* вмѣсто на *рѣцѣ*, на *рѣци*. Тоже слѣдует сказать о различіи по мѣсту произношенія твердых сочетаній *д-з*, *т-с* и цѣльных, недѣлимых звуков *дз* (на пр. в диалект. мр: *дзеленый*), *ц*; сочетаній *д-ж* (на пр. мр. *рад-же* = *радъ же*) *т-ш* (напр. в поль. *ти* из *trz: trzeba*), *д-ж'*, *т-ш'* (с небными *ж'*, *ш*) и цѣльных звуков *дж'*, *ч'*, *дж*, *ч*. Это распространяется и на тѣ случаи, когда звуки на пр. *ц*, *ч* несомнѣнно возникают из *т-с*, *т-ш*, на пр. в мр. *оццѣ* из *от-се*, мр. поль. *орчик*, валец для пристяжной, из нѣм. *ortschät* = *ortscheit* (Linde, Matzenauer). Весьма распространенное, поддерживаемое и Славянами ученіе о *всегдашней* сложности *дз*, *дж*, *ч* и пр., если не ошибаюсь, имѣет національную нѣмецкую подкладку. С русской точки произношеніе на пр. *метшу* вм. *мечу*, *мечю*, *вид-жу* вм. *ви Цу*, *ви Цю* (серб. Ц) очень далеко от дѣйствительности.

В вышеупомянутых случаях возникновение *s*, *ц*, *с* вряд-

ли может быть названо йотацизмом, если под последним разуметь участие *j* (не мифического, подобно жизненной силѣ или ологистону, а дѣйствительнаго) в измѣненіи согласных, непосредственно к нему примыкающих. Приняв за исходную точку сочетанія глубоко-гортанных с *ai* (не *aj*), можно думать, что по мѣрѣ того, как *ai* в *gai*, *kai*, *xai* подвигалось по направленію к *ê* (переднему по отношенію к *e* в жена) и острому *i* (звукам опредѣленным близостью конца языка к зубам), гортанные *g*, *k*, *x* направлялись к той же точкѣ и дали наконец звуки *dž* *ц'* *с'* произносимые при помощи конца языка и самой передней части неба, покрывающей корни передних зубов. Посредства *ij*, *kj*, *xj* могло все небыть. Путь гортанных миновал также область произношенія заднеязычнаго *j* и шипящих.

[Позднѣйшее примѣч. Взгляд Миклошича на разсматриваемое явленіе виден из слѣдующаго: „*ki* переходит в *kji*, *tji*, *tси*, откуда *вѣтси*, то есть *вѣтци*; также измѣняется *и* в *dji*, *dзи*, откуда *бодзи* из *боги*; из *бодзи* позже *бози*. Измѣненіе „*x* (Микл. пишет *h*), состоит в том, что в силу слѣдующаго *и* (*i*) стѣсненное дыханіе („*der aus der enge hervortretende luftstrom*“) направляется к зубам, а не к небу, откуда *грѣси* из *грѣхи*.“ *Altslovenische Lautlehre*³, 239.

„Измѣненія *k*, *t*, *x* происходят от того, что древ. слав. (*asl.*) в туземных словах незнает *k*¹, *t*¹, *x*¹ и что поэтому ему чужды сочетанія *ки*, *ти*, *хи*. Когда поэтому во мн. ч. склоненія -ъ (-а) *k* встрѣчается с *и*, то мѣсто произнесенія должно передвинуться от границы твердаго и мягкаго неба на перед, при чем образуется *t*, соединяющееся с паразитным *j*, которое переходит в *з*, откуда *ки*, *tji*, *tзи*, *tси*, *ци* (раки, рацы). Т. о. *и*, *dji*, *dзи*, *зи*. В других случаях паразитное *j* переходит в *ж*: *ки*, *tji*, *tжи*, *tши*, *чи* (влаки — влачити); *и*, *dji*, *dжи*, *жи* (убаги — убожити),“ *ib.* 256.

Мнѣ здѣсь неясно, слѣдует ли считать *ки*, *ти*, *хи* за ступени дѣйствительныя, или идеальныя, т. е. существовавшія лишь в мысли говоривших, как недостижимыя цѣли? В последнем случаѣ: гдѣ начинается дѣйствительное произношеніе? С *tji*? или с *tзи*? или прямо с *tси*? Сколь-

ко ступеней пройдено мыслью, прежде чѣмъ появился звукъ? Если *ки* и пр. приняты за дѣйствительныя ступени, на что повидимому указываетъ мнѣніе что вр. *неки* и пр. есть остатокъ старины (ib. 240), то вмѣстѣ съ этимъ принята извѣстная степень небности гортанных, отсутствіе которой в началѣ должно было между тѣмъ служить объясненіемъ измѣненій этихъ гортанных в *ц* и пр.]

Случай *вльсѣть*, *вльсѣи* своимъ с из *х* показываетъ, что вліяніе сочетаній *вль*, *ви* на предыдущую гортанную можетъ быть таково же, какъ и вліяніе непосредственно слѣдующихъ *ль*, *и*. Были ли свойственны упомянутыя формы (*-сѣть*, *-сѣи*) и западнымъ славянскимъ нарѣчіямъ? Судя по аналогіи съ ниже слѣдующимъ, нѣтъ.

Ц. сл. *звѣзда* (Срезн. Пам. юс. письма 91, 121) нов. болг. *дзвезда*, русс. *звѣзда* и пр., но поль. *gwiazda*, полаб. *gjozda*, н. луж. *gwězda*, в. луж. чеш. *hwězda* изъ *gwězda*. В позднѣйшемъ періодѣ русс., поль. мы видимъ, что гортанная ставши небной уже неподлежитъ *дзетацизму*: б. русс. *нагѣ* (= *nah'i*), руки, поль. *gier* (*gra*), *kieł*, *poگی*, *гѣкі*. Можно думать, что переходъ в *с*, *ц*, *с* есть слѣдствіе временной невозможности непосредственной палатализации гортанных. Согласно съ этимъ в основ. слав. *звѣзда*¹⁾ гортанная удерживалась лишь до тѣхъ поръ, пока *в* было твердо. За тѣмъ в одной половинѣ *в* достигло той степени небности, при которой предыдущее *з* тоже стало небнымъ, откуда *з'вѣзда*; в другой *в* смягчалось лишь до степени превращенія предыдущаго *з* в *с*.

Другіе извѣстные случаи этого рода: *звиздати* хорут. *zvizdati*, русс. обл. *звизнуть*, свиснуть, т. е. сильно ударить, *звѣздануть*, id. (м. б. по ошибочной этимологіи отъ *звѣзда*, ударить такъ, чтобы в глазахъ зазвѣздило), поль. *gwizdać*, в. л. *hwizdać*, ч. *hwizdati*. При *свист-* слѣдовало бы ожидать западно славянской ф. *х'вист-*, однако есть н. луж. *šwicaś*.

¹⁾ Первое лит. *ž*, лат. *z* в *žwaigzdė*, *zwaigzne* образовалось независимо отъ слав.

Цвисти, цвѣтъ при поль. *kwiatki, kwiat*, полаб. *kjot* и пр. Русскія формы с *к* легко могут быть заимствованы из польскаго: они нигдѣ неустраивают форм с *ц*, свойственны южным и западным областям и самим значеніем указывают повидимому на заимствованіе: мр. *квітка*, преимущественно искусственный цвѣток, украшеніе на шапкѣ молодого и т. п. Форма с *т*, на пр. в ситском говорѣ *тѣтъ*, и с *с* (*свѣток* ів., ср. Два изсл. о звук. Р. яз. 86; *твѣток*, *твѣток* и в кур. губ.) по видимому предполагают *ц*.

Цвѣльты, цвѣльты, в серб. болг. *ц*, в русс. ст. *цвѣльты* (Сл. о полку Иг., Ипат. лѣт.¹, 201), русс. обл. *твѣльты* (Погарь, Черниг. г.) б. м. из *твѣльты*, *цвѣльты*. Впрочем относительно врусс. *квѣльть* (квѣльть?), доводить до слез, дразнить, замѣченнаго во многих врусс. губерніях от орловской до архангельской, а равно относительно *квѣльій*, *квѣльій* пискливый, чувствительный, слабый, вряд ли можно сомнѣваться, что это не заимствованія. Ср. в Палеѣ 1494, представляющей слѣдов западно-славянскихъ говоров: „какo ударю в' подружье мечем и росквѣлю дѣти мои?“ (Пам. стар. русс. литер. III, 56). Старинная форма с *к* могла здѣсь удержаться и вопреки стремленію, сказавшемуся в *звѣзда*, быть может, под влияніем старанія сохранить звукоподражательность слова? Ср. на пр. в витеб. г. *хвисток* свирѣль (Этн. сб. II). Мнѣ кажется, что подобнаго рода отклоненія от общихъ звуковыхъ правилъ возможны во всѣхъ періодахъ языка. Ср. на пр. русс. *гаркать*, *каркать* вопреки правилу, что *ар* между согласными даст или ѣр, ѣр (=ор, ер) или *оро*, *ере*.

Отличны от разсмотрѣнныхъ условія образованія *з*, *ц*, *с* в глаголахъ *-а-ти* и именахъ ж. р. на *-а*.

Глаголы, образованные какъ *подвизати*, *нарицати*, *насмисатиса*, имѣющіеся в ц-слав., серб., хорут., с большою вѣроятностью могут быть предположены и для древняго періода остальныхъ слав. нарѣчій. Они есть в стар. русскихъ памятникахъ. При том сходство ихъ с литов. *bėgijoju*, *bėgioti* (т. е. бѣгѣю, безъ *j*, ср. Микуцкій, Варш. Унив. Изв. 1874, Наблюд. и выводы 23) слишкомъ велико для того, чтобы

счесть их рѣшительно явленіем только діалектическим. Діалектичны только ф. с *ст* из *ск* (*блистати, ристати*) в коих *-ста-*, равно как и *-са-* в *насмисатиса* должно было произноситься отлично от твердаго *стати, сад*. Глаголы эти лишь по степени длительности сходны с гл. измѣняющими конечную зубную корня в *жд, шт* и пр. (*враштати*), но в звуковом отношеніи образованіе их неодинаково (ср. против этого Geitl. Fonol. § 127, 2; 128 3), ибо гл. как *врашта-* предполагают характер *и* (*врати-*), а глаголы как *-саза-* непосредственно примыкают к болѣе первообразным безхарактерным формам (*саг-* в *сашти*). Если для *-саза-* нужно предположить, в отличіе от случаев *нозь* и пр., цоту (*-саг-ја-*), то этот звук был переднебный, близкій к *и, ъ* в *бози, бозь* отличный от заднебнаго *ј* во *врашта-ти* и пр.

Такое же *ј*, измѣняющее *і, к* в *с, ц*, и отличное от *ј*, измѣняющаго *і, к, х* в *ж, ч, ш* (вельможа), находим в именах:

Стъза, стъзи, род. *-са* (на пр. Срезн. П. юс. п. 121); поль. *ż* в *ścieżka* ср. с *ż* из *dz*, пронеседшим в силу новаго смягченія, на пр. в *xięzyc* при *xiądz, pieniązek* при *pieniądz*; в русс. при *стега* — областн. *стега́* (кур. пск.), *сыга́* (витеб.), *га* (через *+здыа, +здыа*): зап. русс. „того слѣпый плачет, что стеги (ср. „и зги,“ „ни зги“) невидит“ (Мивуцкій).

Польса (полси, Срезн. П. юс. п. 113), русс. обл. *польса, мр. пільса*.

Сльса (Срезн. ib. 96), поль. *łza* из *slza, ślźza*, полаб. *slādza*, болг. *сьлзда*, кор. *сарг-*, как и для *селех* (т. е. *селы*), *селезень* (К ист. зв. 167); *і* в хорут. *sraga, stilla*.

Поль. *jędza*: русс. *яа-баба=стъза: стъга*. Я думаю теперь, в отличіе от прежняго (О мифич. знач. нѣкотор. обрядов 91), что это *jędza* лучше объяснить сближеніем с литов. *angis*, слав. *жъ* (=змѣй-баба, Афанасьев, Поэт. возвр. III, 588), при чем *з* из *і*, а чеш. *d* (*Jedu-baba* при *Jezinka*) остается неясным, как и русс. *д* в *млод* при ст. сл., серб. поль. *мло*, *srataegus*.

При *стыса* находится странная хорут. ф. *stezda*, сходная с хорут. *žlězda*, серб. *жлїезда*. Миклошичъ считает *d* вставным, как в *mezdra*, *d-jama* (Vergl. Gram. I, 254), но случаи эти несходны. Как ниже я пытаюсь объяснить ст. сл., болг. *жд* из *дждж*, так здѣсь можно бы предположить ⁺*стысса*, ⁺*жлысса*, т. е. *дздыса*. Возраженія против этого никак недолжны опираться на предполагаемую невозможность произнести двойное *s* перед гласною. Я думаю, что иностранцу может показаться невозможным („laut physiologisch unmöglich“) восточно-малорусс. двойное *ж*, *j*: *збїж'жя*, *вїяя'* (*vїja* = *оје*, дышло). Принимая ф. ⁺*жлыса* (= *желъса*) нужно предположить, что и поль. *zółsa* из *зълса*.

Звуку *s* в *стыса* соответствует *ц* в суф. *-ица* и в *лице* и т. п.

Имена на *ль* (при коих *лгъ*, Mikl. V. Gr. II, 317), *-лиць*, *-ыць* имѣют то общее с именами, как *стыса*, что *s*, *ц*, в них, в отличіе от случаев, как *нось*, *ржць*, измѣняет слѣдующее *ль* в *и*: мѣстн. *кнлси*, *-силъ*, *отъци*, *-циль*, *лици*, *-циль*. Это указывает на присутствіе в формѣ предполагаемой данною *-ль* и пр. вышеупомянутаго преднебнаго *j*.

Несомнѣнное позднѣйшее отвердѣніе *s* в *xiqdz* и предполагаемое с большой достовѣрностью в *слъса* дают нѣкоторое основаніе отнести к случаям с основным *s* и ст. сл. *тризъ* (⁺*тризь?*) = лит. *treigis*: „взьми ми юницу тризу и козу тризу и овньъ триз“, *atwesk man treigę karwę ir treigę ožką ir treigę awuņą*, Бытія 15, 9. Кажется менѣе удовлетворительным мнѣніе, что *тризъ*, *treigis* — сокращенія из *тризимъ*, как *bitus*, *trimus* — из *bihimus* (Mikl. Gr. II, 49). Хотя на сильныя сокращенія (в родѣ врусс. *-сь* в *да-сь* из *су*, *сударь*, *осударь*) и нѣтъ правила, но они могут быть принимаемы лишь на основаніи не предполагаемых, а данных посредствующих форм. При том для литовскаго в этом случаѣ нужно бы предположить, кромѣ формы с *ž* = слав. *з* (*žета* = *зима*), еще ф. с *z* (*treigis*).

Неостанавливаясь здѣсь на разсмотрѣнїи болѣе трудных случаев ст. сл. *s*, неподтверждаемаго польским (*свѣрь*)

и соответствующаго литовскому *ž*, а равно и случаев діалекческаго (поль., мр. серб.) *dz* из *z*, прибавлю еще одно замѣчаніе к вопросу, о коем Jagić, Stud. ūb. Zogr. ev. Arch. II, 222, слѣд.

С точки зрѣнія языка, в коем сочетанія *sz*, *cz*, *sz* и *sz*, *cz*, *sz* (из гортанных) чувствовались, как небные самаго передняго порядка, нужно предположить, что и согл. *d*, *t*, *z*, *s*, *b*, *p*, *v*, *m*, *r*, *l*, входя в такія же сочетанія (*гради*, *градъ* и пр.) тоже становились переднебными, стало быть измѣнялись существенно, хотя и не настолько, чтобы это могло отразиться на практическом правописаніи. Поэтому можно принять не менѣе трех отгѣнков этих звуков: а) *da* и пр. (конец языка и низ передних зубов); б) *dz*, *dz* (конец языка и основаніе верхних передних зубов, или самая передняя часть неба); в) *de*, о чем — ниже. Глаголам с корнем на гортанную и с измѣненіем ея в *s*, *cz*, *s*, (—двизати) соответствуют в кругу глаг. с корнями на другую согласную такіе, в коих эта согласная неподвергается видимым измѣненіям (заплѣтати). Небыло ли тонкаго различія между таким *da*, *ta* и совершенно твердым?

II.

ж, *ч*, *ш*, соответствующіе зубным в сочетаніях *de* и пр.

Гортанные измѣняются в *ж*, *ч*, *ш*, во 1-х, при тѣх условіях, при коих *d*, *t*, *z*, *cz*, *s*, *b*, *p*, *v*, *m*, *n*, *r*, *l* остаются на письмѣ в ст. сл. неизмѣнными, т. е. измѣняются лишь слабо (ср. *боже*, *можеш* с *brate*, *ведеш*); во 2-х, при условіях, при коих *d*, *t* и пр. измѣняются по правилу в ст. сл. в *jd*, *шт*, *ж*, *ч*, *ш*, *бл*, и пр., *н̂*, *р̂*, *л̂*: *движеш*, но *страждеши*. Здѣсь рѣчь только об измѣненіях в шипящѣ перваго рода. Из того, что мы незамѣчаем разницы в произношеніи между *ж* в *можеш* и *движеш*, конечно послѣдует, что ея никогда и небыло.

Болѣе замѣтные относящіеся сюда случаи слѣдующіе:

1. Перед *e*:

а) зват. *боже*, *иноче*, *душе*, *вълшве*, *кѣнаже*, *отъче* при роде, *горазде*, *brate*, *крѣсте*, *съпасе*, *рабе* и пр.

б) очесе, ижесе (иго), ушесе при чудесе, небесе.

в) В глаг. с характером=основн. а в темъ настоящаго вьржешн, печешн, вьршешн при веде-, плете-, грызе-, пасе-, гребе-, пьне-, бере-.

г) В корнях: жена, чело, шесть при *дебел* и пр.

2. Перед плавными в словах, соотвѣтствующих русс. полногласным: жлѣбъ—желоб, шлѣмъ—шелом, чрѣпъ—череп и пр.

3. Перед *ь*: а) внутри слов: в корнях перед плавными (жълтъ, чьрнъ, шьреть) и другими согласными (жьдати, шьдъ, чьнж) и суффиксах: -ьск (божьскъ и пр., кьнджьскъ, отьчьскъ, но господьскъ и пр.), -ьн (вляжьнъ и пр., княжьна, дьньшьнъ (дньсь), но плодьнъ и пр.), -ьда, -ьба, -ьство; б) на концѣ: рьжь, льжь и пр., но ядь, кость, рьль, рѣнь, голжь и пр.

4. Перед *д* в корнях (жати, чадю, но датьль, сладж) и суф. (идоша, но нѣса; мѣсаць; отроча, кьнажа, но русс. *поті*).

5. Перед *и* а) в корнях (жити, чити, но дивъ, зима, сила и пр.) и суф. -иѣ, -ин, -ит- (Грьчинъ; но людинъ, русинъ, от рус-, а не от русь;—очить но мастить), -имъ (отъчимъ), и-ти (тжжити, точити, вьршити, кьнджити, коньчити, но водити, платити, возити, носити).

6. Перед *а*, стоящим на мѣстѣ этимологически—требуемаго *ai*:

а) В корнях: *жалъти*, лит. *gailėti*, нарѣч. *жалъ*, лит. *gailu*.

Чары (= +каир-), лит. *kėrėti, kirti*, чаровать.

Часъ (= +каис-), зенд. т-каеша, herkommen, tübung der gesetzlichen vorschritten, *abschnitt, vers, paragaff* (Fick Wb.¹, 46), согласно с чѣм *часъ* значило бы *zeit-abschnitt*. Если же *ча-съ* (Mikl. Gr. II, 318), то—к *чаяти*, как *юдъ, время* при *жьдати*, или, что кажется лучше непосредственно к *кѣ* лежать, аналогично с *чи-нъ* ряд (соб. положенное), момент: *не въ чинъ*, не в пору (Mikl. Lex.), *о тѣ чинъ* (Нестор, Влад. Моном.)—в тот час, в ту пору.

Чажити (= ⁺чѣи-жа-си), кор. кѣ (по-чѣти), так что эдѣсь надѣяться=полагаться на что.

Русс. *Ча-х-нуть*, сохнуть, *чажина*, сухія дрова, скр. *сјајате*, *brennen*, *frieren*, гот. *hai-s fackel*, кор. *кѣ*. (Fick. Wb.¹, 43, б. м. ошибочно относит сюда *сияти*, отдѣляя это от *силь*, *силь* (ib. 47).

Жасъ, мр. *жах*=литов. *gaizas*, ночное зарево, сѣверное сіяніе (как внушающее ужас), подобно тому, как, согласно с русскими летописными и нынѣшними свидѣтельствами об ужасѣ, возбуждаемом сѣверным сіяніем и т. п., это явленіе в врусс. (сѣв.) называется *спѣлохи*, мн., и б. м. подобно хорут. *burjava*, сѣв. сіяніе, при чеш. *buriti*, поль. *burzyc* в зн. возмущать. Что до объясненія *жасъ* из *гѣдс* (лит. *gandu*, *gastu*, *gasti* пугаться) через *гѣдс*, *гѣс*, *гѣс* (Geitl. Fopol. 101), или через *гѣнс*, (гѣнс), *гѣс*, то замѣчу только, что литов. *gand* — находит полное соответствіе в врусс. *жудѣ* ужас, *жудко* (ошибочно пишут *жутко*, согласно с приложеніем), гдѣ необычно только *у*=*ж* послѣ шипящей (ср. *вждоу*, + *пѣжкѣ* при правильном *пѣжкѣ* = русс. паук, павук). Для перехода доисторич. слав. *ен*, которое само по себѣ сомнительно, в *ь* (Schmidt, Zur Gesch. des ind. vocal. I, 85—7) я немог усмотрѣть ни одного убѣдительнаго для себя примѣра, что, конечно, важно лишь для меня. Предположеніе для древне-славянскаго яз. сочетаній гортанных с *ь* (⁺гѣс-) считаю невозможным, точно так, как и встрѣчаемое на письмѣ в позднѣйших яз. сочетаніе шипящих с *ь*. Согласно с этим, предполагая для *жаба* форму до слав. *гаиб-* (из *габн*, а не из *гамбн* из коего вышло бы *ѣжа* или ⁺*ѣжа*), я недумаю, чтобы выраженія „*жаба kann mit gabn nur durch жѣба vermittelt werden*“ (Mikl. Gr. II, 15), или „*жаба weist auf гѣба*“ были вѣрны.

б) В суффиксах внутри слова (но не на концѣ, гдѣ в этих случаях падежное *ь*=*и*): гърчай но хоудѣи; пржжалъ, печаль, пишталъ, но вждѣль; бѣжати, но хотѣти, оубожати, но хладѣти.

Какого рода шипящiе (то есть =*можеши* или =*дѣжеши*) перед *а*=*я* (нѣ=ѣ), как в суф. *-арь* (гърньчарь),

и *хлюд* (нехлюд), то и другое в предѣхах русс. яз.; *kibić* и *chybić* сущ. ж., *kibitny* и *chybitny*; поль. *x* из *k* здѣсь непосредственно, по крайней мѣрѣ без посредства какого либо свистящаго или шипящаго звука. Подобное происхожденіе слѣдует принять и для части общеславянских *x*. Этот вопрос требует подробнаго изслѣдованія. Приведу лишь немногіе примѣры:

Лих, оставшійся, излишній, нечетный и пр. может быть, как это и дѣлается, отнесено лишь к одному семейству с скр. *рич*, *ринакти*, *λεῖκω*, *linquo*, лит. *lėkmi*, *likti*. Между прочим общеслав. *лих*, *лихо* нечетное число [ст. сл. токѣмоѣ и лихоѣ, серб. тако или лихо, поль. *setno-licho*, чеш. *suda*, *sudo* (=скр. *сандһа*—соединеніе) *neb lich* (=čili *licho*), мр. *чим чи лишка*] = литов. *lyg' ar lėk*.

Русс. *про-рѣха*, *прорѣх*, *прорѣзанное*, *пропоротое*, *прорванное* мѣсто в платьѣ, вед. *рѣкһа* и пр. (Fick Wb.¹, 168), литов. *rėkiu*, —*kt*.

Соха, столб или бревно, шест съ развилиной = лит. *szaka*, вѣтвь, развилина оленьих рогов (русс. *сохатый*, лось) и пр., б. м. к *сак* рѣзать, куда и *соха*, земледѣльческое орудіе, через посредство значенія вѣтви, развилины, или, что менѣе вѣроятно, непосредственно. Ср. Fick. Wb. *sak*, *schneiden*. Иначе Mikl. Alstl. Lautl.³, 263.

Отложивши вопросы, каково именно было основное *k*, от коего — этого рода славянское *x*, — можно сказать: если *x* в *лих* предполагает одновременный гортанный звук (все равно *k* или *kh*, *kk*), а не свистящій, как в *сух* = *sausas*, то лишь из *x* можетъ быть выведено не только *ш* в *лиштити*, но и *с* в *лиси*, *листь*. Этим увеличивается вѣроятность того, что и *с* в *сусть*, *суси* то же из *x*, а не сохранившееся первоначальное *s*.

Невидно основанія утвержденію Гейтлера, что сочетанія *хai* в славянском никогда небывало. Напротив, в виду литовских форм с *ai*, *oj*, можно думать, что *и* в им. мн. вѣлци (лит. *wilkaì*) и *ь* в дат. ед. ржцѣ (лит. *rankai*) и мѣстн. ед. ж. (лит. *rankoje*), в нарѣчях на *-ь* (лит. *-ai*), образовалось в славянском независимо от литовскаго. С вѣ-

роятностью можно думать, что и *ль* в мѣстном ед. м. р. вѣлцѣ (греч. *οι* в *οἴχοι*) и мн. вѣлцѣхъ (греч. *-οις*) образовалось на славянской почвѣ. В сочетаніи *+xai*, все равно, возникло ли в нем *x* из *к* (лицѣ) или из *с* (сусть), твердое *x* могло стоять с таким же правом, с каким оно стоит перед твердыми гласными в *лhx*, *сух*, формах общеслав. и в формах діалектических с *x* из *с*, как вр. мр. колыхать, — ти (п. *koľуsac*), мр. прохати, волохатий, пелѣхатий (пелес), жак и др. ¹⁾. Из этого *-xai* при стяженіи *ai* в *ль* возникло переднебное *с*, соответствующее *s*, *ц* и отличное от *с* = лит. *с* (*сух*—*sausas*) и = лит. *sz* (*соха*—*szaka*). Что же до *с* в *куповасте*, то оно дѣйствительно могло непереходить через *x*, так как, сколько знаю, нѣт древних примѣров сочетанія *x* с послѣдующим *т* твердым, а тѣм болѣе с *-те*. Слѣдует ли тоже сказать и о серб. *-смо*—*-хомъ*?

2. Ряды *s*, *ц*, *с* и *ж*, *ч*, *щ* (из *г*, *к*, *х*) неполнѣ аналогичны, т. к. звуку *з*—*dz* должно бы соответствовать не *ж*, а *дж*. Этот послѣдній звук можно предположить лишь весьма гадательно, ибо на серб. *джаскутисе*, на темное *джебрак* (поль. чеш. *žebřak*, н. луж. *žebřic*—поль. *žebřac*), на болг. *джельзо*, мр. обл. *джерело*, *джук*, *джаворонок*, поль. *dźgac*, жигать, колоть, можно смотрѣть, как на явленія позднѣйшія, предполагающія чистое длительное (*spirans*) *ж*, как в серб. *джак*—нѣм. *sak*, как в мр. обл. *дзелений* при *зелен* (*с з*—лит. *ž*), в поль. *bardzo* вм. стар. *barzo* (Malinowski, *Modlitwy Wacława*, § 78). Во всяком случаѣ, если *дж* и было когда либо в *боже* и т. п., то оно потеряло свой одновременный элемент гораздо раньше, чѣм *s*, измѣнившееся в *з* лишь в части нарѣчій, независимо друг от друга.

Отношеніе *ч* из *к* к *ж* из *г* слѣдует тому закону, по которому в русс. чеш. хорут. из отзвучной зубной *тj* выходит *ч*, *ц*, отзвучная одновременная (русс. *свѣча*), а из

¹⁾ Гейтлер думает иначе: „zakon mѣnѣni *s* v *ch* ne pouze vznikl, ale i skonal než vznikla nařečí (Fonol. § 150). Против этого I. Jireček, *Rozprawy*, 66.

звучной д₁—длительная (spigans): мажа, мезе, межа. Другими словами: при известных условиях, языкъ легче освобождается отъ звучныхъ элементовъ в *дж*, *з*, чѣмъ отъ отзвучныхъ в *ч*, *ц*. Эти условия требуютъ болѣе точнаго опредѣленія сравнительно съ тѣми, при которыхъ такой разницы между звучными и отзвучными замѣчается (латыш. *аужу*, *пушу* при литов. *ауджю*, *пуцю*, франц. *chien*, *jardin*, при болѣе древнемъ *ч*, *дж*) или замѣчаются обратныя явленія: превращеніе отзвучныхъ в длительныя при удержаніи звучныхъ на степеняхъ одновременности: *хрѣстѡвъ* но *ѣѣѡ*, *отѣѡ*.

3. С болѣею увѣренностью, чѣмъ относительно *з*, можно думать, что измѣненіе *х* в *ш*, *с* произошло безъ посредства такой ступени, какъ ⁺*дж* по отношенію къ *ж*. *Х* во время этихъ превращеній было *spigans tenuis* и вовсе не заключало в себѣ того эксплозивнаго элемента, какой позже развился в в. луж. *кн* из *х*, а частью из *к*. Соответственной этому общеславянскому *х* *spigans media* *н* вовсе не бывало. Если бы она существовала, то в условіяхъ образца *босль*, *боже* измѣнилась бы в *з*, *ж*. Если в польскомъ в словахъ заимствованныхъ изъ южн. и зап. русс. (*Sapieha*=Соцѣха, *Садѣха*, с а из о неударяемаго) *н* передъ *ль* даетъ *ж* (*Sapieże*), а не *з*, то это—явленіе относительно позднее, какъ и однородныя съ нимъ поль. *skrusze*, *pusze*, w *Polszcze* (вм. -сѣ, -сцѣ), чеш. *dště*, *vojště*, *čestí* (изъ *šče*, -*šči* вм. -сцѣ-сци) и стар. зап. русс. у Витьбще, у Смоленще (Грамота Рижанъ къ Витеб. князю, Срезн. Пам. русс. письма 240; Русс.-лив. акты № 49, около 1300 г.).

4. Къ вопросу о способѣ происхожденія *с*, *ч*, *с*, и соответствующихъ имъ *ж*, *ч*, *ш*. Мнѣ кажется, что принятый в II. сл. письменности способъ выражать небность согласныхъ (*ь*, *л* и явно йотированныя *ѣ*, *ю*, *ѣ*, *ѣ*) не в мѣру повліялъ на объясненіе относящихся сюда явленій. Людей, непосредственно знакомыхъ на пр. с русскимъ или польскимъ произношеніемъ „голубя“, „gołębia“ несбиваетъ начертаніе *би=бя=bia*, пока рѣчь идетъ о знакомыхъ имъ случаяхъ. По крайней мѣрѣ я могу сослаться на свои слова, что—*i* в *и*, *ю*,—не самостоятельный звукъ, а небность предыдущей сог-

ласной (Замѣтки о мрусс. нар. 9—10), хотя и сам, употребляя недостаточно ясное выражение „мягкія гласныя“ (Два изсл. 68), мог дать повод думать, что говорится не о гласных, обусловленных предыдущими небными согласными, а о гласных именно йотированных¹⁾. Для иностранцевъ латинская транскрипція *golibja*, недѣлающая разницы между *бл*, *бля* (b' небное + ja), *бля* (b' твердое + ja), или влечет за собою прямо ошибочныя заключенія, или даетъ одностороннее рѣшеніе там, гдѣ требуются еще предварительныя изслѣдованія. На пр. изслѣдователь, изобразивши *миють* в видѣ *jašjuŭ* и имѣя за тѣмъ дѣло лишь с этимъ послѣдним, говорит о вліяніи „des parasitischen j“ на слѣдующую гласную (чеш. *ještný*) (Beitr. VI, 139), тогда какъ еще вопрос—существовала ли форма *миють* со звукомъ j и неизображало ли *ио*, какъ я въ этомъ увѣрен, слога изъ недѣлимой небной шипящей со слѣдующею гласною? Или: „Das griechische *ρῆμα* wird abulg. *ръма* (NB в памяти. XV в. *рюма*, в болѣе древнемъ *роума*). Damit ist der weg gewiesen, wo wir den diphtong *eu* im slavischen zu suchen haben“, именно между прочимъ в *љубѣ*, *људіе* *бљудѣ*.... „Der diphtong *eu* ist also im slavischen wie im nordischen auf seinem zweiten elemente betont gewesen. Dadurch sank das erste zu *i* und weiter... zu *j*“ (Zeitschr. XXIII, 348—9). Стало быть +*люб*, +*льуб*, *љуб*. Я не думаю здѣсь доказывать, что дифтонга *eu* (eu) в слав. языкѣ вовсе небыло. Можетъ быть онъ и былъ, но пусть средствомъ вывести его на свѣтъ неслужитъ начертаніе *љуб* (e ĩ или с l?) весьма далекое отъ дѣйствительнаго произношенія *люб*. Сперва нужно доказать что это *люб* (л небное + у) возникло изъ *лју*, т. е. по русскому написанію, *люю*. Покаместъ я

¹⁾ О томъ, что въ литов. написаніи *turiti*, *bisiti* означаетъ лишь *tur'it*=*турю*, *bisit*=*бусю* см. И. Юшкевич, О говорахъ лит. яз. Матеріалы для слов. и грам. V, 419, Ср. Kursch. Gr. der Lit. spr. § 38 сл. Необходимо отличать *рѣкю*, *рѣжу*, *клянуры* *клянуре* шапка и т. п. отъ случаевъ присутствія j: *вляну* (Лат. *плиуну*), *аньимты* (ар'jimti) обнять, *аньемимас*, объемъ.

считаю себя в правѣ думать, что во множествѣ случаев переход слогов твердых в мягкіе совершается без посредства *j*. Как *лыко* = *луко* переходит в нѣкоторых мр. говорах в *лико* (со средним *л*) без посредства ⁺*лужико*, так без такого посредства *л*, *н*, *р* достигают и крайней небности произношенія. Ср. на пр. *нутрянной* замок и вр. обл. *лютрыной*, *рама* (rahmen) и мр. *ряма* (лит. *reimas*), *струк* (strak) и *струк*, *друк* (drag) и мр. *дрюк* и пр. (Два изсл. 130); также *дужій* и вр. *дюжій* и пр. ¹⁾. Замѣтим, что сочетаніе согласной с *j* вовсе не составляет трудности для многих говоров и слоги с *j* на пр. в *ръяній*, *ръюсть*, *лю*, *ничью* рѣзко отличаются от *ря*, *рю*, *люб*, *чю*. И так, прежде всего надо сдѣлать вѣроятным существованіе ф. *ljub*, а затѣм — показать возможность *ь* перед гласною в ⁺*ljub* (ибо когда в *знање* *ь* было гласною, то оно стояло перед согласною *j*), наконец — возникновеніе этого *ь* из *e*.

Этим я нисколько неотвергаю дѣйствительности существованія и важности „паразитнаго“ ²⁾ *j* в слав. нарѣчіях. И кто рѣшился бы сдѣлать это в виду на пр. мрусс. форм, как голубьята, голубьята и пр. (Два изсл. о звуках 129) или *мя* (mja) из *мзя* = *мд*? Все дѣло в мѣрѣ. Вмѣсто того, чтобы в случаях *либо*, *щитъ* говорить о том, что паразитное *j*, неполнѣ соединенное с предыдущею согласною, возымѣло силу уподобить себѣ слѣдующее *y* (Beitr. VI, 136—7), я считаю болѣе правильным говорить об измененіи слогов *лю*, *щю*, вовсе не заключающих в себѣ *j*, в *ли*, *щи*. При этом остается вопросом, можно ли в подобном стремленіи цѣлаго слога различать *уподобленіе* гласнаго

¹⁾ В число этих примѣров я помѣстил было (Arch. f. sl. ph. III, 367) мр. *люшня* предполагая что оно из ⁺*лушня*, *лушня* (по дугообразной формѣ). Сравненіе с поль. *lubnia* и пр. заставляет принять мнѣніе, что это из сред. нѣм. *liuhse*, fulcrum laterale vehiculi, Matzenauer Cizi slova, 246.

²⁾ „Паразитнаго“ в смыслѣ развившагося для удовлетворенія потребностям чисто фонетическим, лишеннаго этимологическаго основанія.

элемента согласному. Не на всякой ли ступени эти элементы в слогѣ гармонируют друг с другом? Я думаю, да.

Обращаясь к шипящим и свистящим порядка з, ч, я думаю, что предположивши с одной стороны двойственность состава на пр. ч в $+ret\check{s}e\check{s}i$, а с другой усматривая вездѣ паразитное *j* и имѣя основанія думать, что *j* может переходить в шипящую на пр. послѣ *p* в чеш. поль., весьма естественно было принять, что \check{s} в $t\check{s}=ч$ возникло именно из *j*.

Это—способ объясненія весьма распространенный, не смѣю сказать, единственный. Приведу для примѣра слѣдующее:

„Для *печеш* от *пекж* переходныя ступени слѣдующія: $+pek\check{j}e\check{s}i$ (т. е. вмѣсто *e* появилось *je* или, выражаясь б. м. точнѣе, между *k*, которое с самаго начала (von vognе hegen) перед *e* и *i* было болѣе небо, т. е. произносилось в болѣе передней части уст, чѣм перед *a* и т. п., и между *e*, *i* само собой возникло *j*), отсюда *pečješi*, наконец *pečeši*. Посредствующая ступень сохранилась в написаніи *běšje*.¹⁾ и др. Против принятой т. о. ступени $+pek\check{j}e\check{s}i$ можно возразить, что если уже для болѣе древняго времени принять $e=je$, то из *plateši* (от *pleta*) должно было выйти $+plešeši$. Против этого однако слѣдует напомнить, что *звук j* былъ очень слаб, как и тот, который появляется теперь в слав. языках перед небными гласными, и что повсюду гортанные скорѣе и легче подвергаются вліянію *j*, чѣм зубные..... Может быть в болѣе древнее время произношенія *je* вм. *e* вовсе небыло послѣ зубных (как на пр. его нѣтъ в нынѣшнем сербском и др.), а появленіе *j* послѣ гортанных зависит лишь от того, что эти звуки сами по себѣ перед *e*, *i* произносились небо (Leskien, в Beitr. VI, 264—5). Для объясненія себѣ перваго из этих двух предположеній, я принимаю, что под „ein sehr leiser j laut“ может разумѣться на пр. *плетеш* (=pl'eteš), форма существующая

¹⁾ *Былъ? бышъ?* Но вѣдь это, кромѣ ринезма, не что иное, как ст. русс. *бышл*, т. е. небое $ш+a$, а не $ш+j+a$.

нынѣ в вр. и предполагаемая формою *плетѣш*. Если это так, то здѣсь нѣтъ даже слабѣйшаго *j*, а есть лишь небное *те* = *te* = *tě*, незамѣтно переходящее в бр. *че*, которое, я думаю, предполагается болѣе шепелеватым польским *cie* = *се*. Аналогично с этим *те* было бы не *че* (из *к-*), а *ке*, которое и точно есть в ювр. (*пекѣш*, *пекѣш* = *плетѣш*, *плетѣш*) и сколько извѣстно необнаруживает стремленія ни к *че*, ни к *кѣ*. Допущеніе такого произношенія *плетѣш* для общерусскаго и общеславянскаго крайне затруднительно. Это, по видимому, признавал и проф. Лескин, допуская и другое, по моему единственно возможное, что в *плетѣши je* вовсе не было. Если при этом он принимает *j*, как условіе перехода гортанных в шипящія, то аналогія между *плетѣши* и *печѣши* (из ⁺*pekješi*) устраняется. Я же думаю, что устранить слѣдует предполагаемое *кѣ*, но удержать равенство *-те-* из *та* с *че* из *ка*, т. е. такую близость этих *те*, *че* в др. слав., какая только возможна при их явственном различіи, и аналогичность в ходѣ их сближенія от противоположных точек.

Взгляд проф. Миклошича можно видѣть на пр. из слѣдующаго:

„Послѣ *ч*, *ж*, *ш* прејотация (в ст. сл.) по правилу теряется (*мжчж* и пр.)... Однакоже именно в древнѣйших источниках она нерѣдка (послѣ шипящих и шт): *čjuеši*... *ašjutь*... *česь*, *učje*, *pričja*..“ Этому написанію автор, как и Шмидт, Beitr. VI, 129, на котораго он ссылается, придает буквальное значеніе, т. е. полагает, что *j* есть здѣсь дѣйствительный звук: „Прејотация послѣ *č*, *ž*, *š* и послѣ *št*, *žd* трудно объяснима, и если бы вывод этих звуков из *kj*, *gj* и т. д. немѣла столь прочнаго основанія, то формы, как *čjuеši*, *hoteštju* ¹⁾ могли бы потрясти всю теорію. Нужно принять, что из *kju* (= русс. *кѣу*) сначала возникло *tšu*, *ču*, а из *ču* лишь через паразитное *j* (J. Schm., Beitr.) — *-čju*, Altslov. Lautl.³ 291—2.

¹⁾ Mikl. изображает *x* посредством *h*.

Мнѣ кажется, что в ст. сл., др. русс. произношенія *šja*, *šju*, в ст. сл. *štja*, *ždja* и пр. небыло, как нѣтъ его и в современных рус. говорах; что *чѣ*, *итю* значило лишь то, что по польскому написанію *szu* (= *с'и*) и пр.; что теорія образованія *чу* и пр. из *тшу*, а этого — из *kju* (*к'ю*) невѣрна.

Невижу никаких основаній предполагать, что нынѣшнее ювр. и свр. (Два изсл. 67, 89) *кя*, *кѣ*, *кю* (только в суффиксах, а не в корнях), или литов. *кя*, *я* [*кяуне* куна, *кяурай* сквозь, *кяла* (у Куршата *kałwa*) холм, *кяльс* дорога, *ялда* жолоб] образовалось через *kja* (= *к'я*) или *k'ja* (*к'я*); что через посредство явного *j* происходит дальнѣйшее измѣненіе этих *кя*, *ки* и пр., на пр. с одной стороны *к* небное в *т* небное (Ваньтя, Переясл. Влад. г. и личное произношеніе Тіевъ, ложки=ложки, вилти), с другой в *ц'*, *дз'* (которые могут и отвердѣвать), на пр. в одном из польских говоров (в памят. XV в. *drodzim* = *drogim*, Бод. де Курт. О древнеполь. я. § 48), или в латышском *цауне* куна, *цельш* дорога, *дзесна* (гаисма) утренная зоря, *Bielenst. Lett. spr.* 170, *дзезузе* кукушка. Я думаю, что вышеупомянутое *кя* и пр. аналогично с *чя*: Подобно тому, как *кя* — из переднегортаннаго *ка* через ряд ступеней с недѣлимым *к*; древнее (а изрѣдка и новое: хорут. *čisel* = *кысел*) *чя*, *чю* и пр. происходит из заднегортаннаго *ка*, *ку* через ряд столь же неразложимых ступеней, между коими нѣтъ ни *kja*, ни *tja*, ни *tша* и за коими (т. е. за *чя*, *чю*) слѣдуют *ча*, *чу*. Подлежит объясненію не появленіе здѣсь паразитнаго *j*, мнѣ кажется, небывалое, а направленіе рядов от *к'а* к *кя* и от задняго *ка* к *чя* и *ча*. При этом, если под объясненіем разумѣть не установленіе звуковых рядов, а указаніе их соответствія направленіям в измѣненіи органов и условіям этих измѣненій, то это внѣ средств нынѣшняго языковѣдѣнія.

5. При объясненіи происхожденія шипящих, кромѣ паразитнаго *j*, обыкновенно принимается, что еще до шипящих существовали готовые звуки *е*, *ь*, *д*, *и*, *ль*. Однако, если не без основанія можно думать, что *з*, *ц*, *с* (в *бозь* и пр.) не предполагают готоватаго *ль*, но возникали вмѣстѣ с ним,

по мѣрѣ его образованія из *ai*; то стоит допустить, хотя бы лишь за тѣм, чтобы вызвать доказательства противнаго, что и гласные, стоящіе послѣ шипящих, не предполагаются этими шипящими, но возникли вмѣстѣ с ними на славянской почвѣ.

а) *ai* = *a* въ *жа*, *ча*, *ша* (позднѣе *жа* и пр.). *+ai* превращается в *a*, предшествует ли ему гортанная, переходящая при сем в шипящую, или же *j*: *z*, *k*, *x* + *ai* = *жа*, *ча*, *ша*, как *j* + *ai* = *я*. Ср. бивѣ и т. п., а также *ад-но саутер*, *ustio* (к. *idh*, ср. скр. *ēdhac*, гр. *αἴθος*, Fick. Wb.¹ 26); *яз-ва*, *foramen*, *forea*, куда и *jas-kinia* *srecus*, латыш. *aiža* (Mikl. Wb.) лит. *aiža*, щель, *ižti*, *inža* трѣскаться, лопаться, шелушиться, *aižinti*, шелушить, *ižas* льдина (Микучкій); *яръ-ость*, осн. ф. *+air-*, лат. *ira* и пр. (Fick Wb.¹ 22); ср. еще *исти*, *искати* и нѣкоторые другія мѣнѣе извѣстныя как пол. *jask-rawy* при лит. *aiszkus*; врусс. *яса*, перемѣна кушаньев, при *ис* (*искати*) в значеніи желать, подобно тому, как *выть*, кор. *av* (*aveo*), позыв на ѣду и ѣда); врусс. *язаться*, браться за что, рѣшаться и пр. (ŭgh, литов. *igiti*, Fick. Wb.¹, 23).

Мнѣ кажется, что из этого соответствія между *gailu* и *жалъ* с одной стороны и *aiža* — *изва* с другой неслѣдует непременно, что как *ja* из *jai*, так *жа* из *jai*. Этот послѣдній случай может имѣть мѣсто там, гдѣ *j* этимологически дано, как в глаголах *-е-ши*, *-а-ти*. Там, гдѣ этого нѣтъ, упомянутое соответствіе может означать лишь то, что гортанная, постепенно измѣняясь в шипящую, дѣйствует на *ai* также, как *j*, т. е. сообщает перевѣс первому элементу *a* (болѣе гортанному) над вторым *i* (болѣе зубным). Мѣста произношенія *j* в *изва* и *ж* в *жалъ* были смежны и находились болѣе назади, чѣм мѣста *z*, *ц* (*zъ*, *цъ*) и чѣм нынѣшнее обл. вр. и мр. *жаль*, *чяс*. Если из одного *gai* выходит с одной стороны *zъ* в *zъло*, с другой *жа* в *жаль*, то виною может быть не то, что в послѣднем *jai*, а отношенія тоническія: *ai* в первом случаѣ и *ai* во втором.

Общеслав. *жа*, *ja* из *jai*, *jai* может вовсе предполагать не только ступени *ъ*, но и ступеней *жъ*, *jъ*. Русс.

ьду, ьхати, ьсти — не из *ја*, а из *јѣ* с переднеязычным *ј*, аналогичным с *з* в *зъло*. Польское *бялы* предполагает уже стяженное из *ai*, *ѣ*, слѣды котораго имѣются в памятниках XII — XV вѣка (Бод. де Курт. О древнеполь. яз. § 84). Это мнѣніе находится в связи с мнѣніями о замѣнах в поль. основных *ь* и *е* (К исторіи зв. 71—3). Из *ѣ* могло развиться *ea* ¹⁾, но этот дифтонг *вовсе не непременно* предполагается польским *бялы*, ибо графическія указанія (*Beala* *ib.*) скудны и при шаткости правописанія недостаточно убѣдительны (*Beala* может значить лишь тоже что *Biala* = Бяла) ²⁾, между тѣм, как в обл. ювр. *вдѣу* из *ведѣу*, *веду*, дано *я*, образовавшееся, хотя и при других условіях, из *е* помимо дифтонга.

Примѣч. Остается вопросом, слѣдует ли для древняго языка предполагать ⁺*гаі* и пр. = *жа* и в тѣх случаях, когда сравненіе с другими языками к этому непобуждает? Не возможно ли *жа* (= *жа*), невызванное сочетаніем *ai* в ⁺*гаі*? Если *ai* в этих случаях необходимо, то в нѣкоторых словах оно может быть исключительно славянским, на пр. в *жаба*, *жаръ aestus*, *чадъ* при *кадити*, в врусс. *жаровой* лѣсе, Арх., высокоствольный, с вѣтьями лишь ближе к вершинѣ, при латыш. *ga'r'sz* (⁺гаряс) долгій, *gar'* вдоль, *gar'at* вдоль мимо, мр. поуз.

Принимается, что слав. *а*, *я* начальное = *ǎ* в *азъ*, *язъ*, лит. *až* = *asz*, *янд агнис*, *язьно* = скр. *аджина* руно, шкура, при *аджа* возел, лит. *ožuz* гр. *áyc*. Последнее сближеніе подкрѣпляемое аналогіями скр. *урана* баран (+ вара-на) и *урнѣ* волна, скр. *мѣща* баран и лит. *maisgas*, слав.

¹⁾ Возможность развитія дифтонга из звука цѣльнаго, не представлявшаго никакой двойственности стихій, не только долгаго (в Поль. XIV—XV в. если и не всѣ то многія замѣны *ь* срединнаго и конечнаго долги), но и краткаго, на пр. *ъ*, *ь* (К ист. зв. 106) неподлежит сомнѣнію.

²⁾ Ср. чеш. *Scaeslav* (Чяслав?) в пам. 1175 (Филол. Зап. 1877, V—VI, 71), лит. *peaklon* (пякло-н, в ад) в пам. XVII в. Schl. Lit. Gr. 8).

мѣхъ, Fick.; Mikl. Altsl. Laut.³, 267, можетъ быть подвергнуто нѣкоторому сомнѣнiю. Если исходить изъ ф. *язьно*, *язь-ень* („Иракла глаголють во лѣѣ язвени ходяща,“ XVI в., А. Попов, Обз. хроногр. I, 14) и думать что *язьно*, *язно*, *кожа*, *шкура* изъ *язьно*, то можно неотдѣлять отъ *язва* (лат. *aiza*), имѣя въ виду относительно значенiя лит. *iz-in-ės* мн. шелуха (соб. трѣснувшее или содранное) и названiя шкуры съ представлениемъ драть: *скора*; поль. стар. *lupież* шуба, тулуп: „*kedi ktho pagany abo othzowye skazanya* (рѣшенiе) *papa krakowskego... lupyeze gronostayowe to gest take koszuchi... ma dać*, 1449; *lupieze laszuczne... liazue, kunye*. Lelew. Кс. Ust. 62, 70. Если противъ сближенiя *язьно* съ *aiza* сослаться на ф. *азно* (Mikl. L.), то вѣдь и я изъ *ai* встрѣчается въ видѣ *a*: *азва*, *адро* (ядро, нѣдро).

Какъ бы ни было, если начальное слав. *я* и не встрѣчается въ другихъ языкахъ *ai*, то все таки одна изъ возможностей—его происхожденiе изъ слав. *ai*, а другая—прямо изъ *a*:

Ячя, библ. 1499, Бусл. Матер. 51: въ *ичьица* златыя=чашницы; русс. *ячя*, лунка, очко невода и сота. Mikl. Gr. II, принимая за осн. ф. *ячя*, считаетъ темнымъ. Geitler Rad. XLIV, 128, исходя отъ *я* и отъ значенiя *haustrium*, *анса*, *manutrium*, считаетъ за кор. *юм* (чеш. *jiles*, *manubrium*): + *я*тѣя, а со вставкою *к*—+*я*(*т*)*къя*=*ячя*. Я считаю *я* невѣрнымъ; значенiе *рукоятки*, если оно есть, производнымъ отъ знач. сосуда (какъ на оборотъ мрусс. *крючок*—корчик, чарка, отъ рукоятки *крючком*), а за тѣмъ возможнымъ сближенiе съ лит. *akas* (око, ср. *akis*) ополонка, прорубь, латыш. *aka* колодызь. и въ началѣ этого слова и *a* суффикса=*ня* произошли ли одновременно и одинаково?

б) Слѣдуетъ ли думать, что образованiе шипящей изъ гортанной передъ *л* предполагаетъ уже въ этомъ послѣднемъ элементѣ *е*? Мнѣ кажется, нѣтъ. Мнѣнiе мое о первоначальномъ произношенiи *ж*, *л* (въ соч. К исторiи зв. 209—20) я и теперь удерживаю въ существенномъ ¹⁾. Разсматривая юсы са-

¹⁾ См. Jagić, wie lautete *ж* bei den alten Bulgaren, Arch. f. sl. ph. III, 312 сл.

ми по себѣ, мы простираем отвлеченіе слишком далеко, именно до того, что устраняем черты, нужныя для различенія этих звуков. Как вообще так и здѣсь гласная подлежит разсмотрѣнію сама по себѣ лишь на столько, на сколько она сама по себѣ может составлять слог. Поэтому мы можем говорить об отдѣльно взятом ж (ж-гроба, ж-трѣнь), но не о таком же л, в опредѣленіе коего входит то, что оно встрѣчается лишь послѣ j и других согласных (кромѣ гортанных) извѣстной степени небности. Мое предположеніе, что первоначально в обоих юсах составным элементом было а, неговоря о других его сторонах, неточно в том, что, строго говоря, гласная не может оставаться тою же послѣ согласных столь различных как заднегортанные и шипящія; но за тѣм я бы сказал, что в kǝ (ка̄н=кж) было а гортанное, в čǝ (ча̄н=чл) — небное, то которое выходит, когда мы стараемся произнести а послѣ средненебнаго j. Стараюсь произнести гортанное а̄н послѣ j мы получаем, по моему предположенію не ѣ, а ж с задненебным j. В этом характерѣ j и гласной, на сколько она им видоизмѣнялась, состояла разница между винит. +земjж, откуда стар. поль. *zem'ǝ* (в коем а), русс. землю и родит. ед. +земjл, откуда ст. поль. *zem'a*, *zem'e* ст. русс. земля, земле. Вышеупомянутого различія между а гортанным в ж и а небным в сочетаніи средненебной согласной с л и без общепринятаго предположенія что общеслав. ж=ǝ, л=ę достаточно для объясненія нынѣ существующих замѣн юсов. Предположеніе, что общеслав. ж=ǝ, л=ę, на мой взгляд, не может объяснить нынѣ и издавна существующих форм, как поль. обл. *śelǝ* (=ан), русс. теля и т. п., поль. обл. (кашуб. и др.) *baǝ* (байда̄н). Раннее появленіе діалектических замѣн юсов ограничивает время их предполагаемаго основнаго произношенія (с элементом а), но недоказывает невозможности такого произношенія. Так б. м. уже в XII—XIII вѣкѣ в различных болгарских говорах существовала склонность к замѣнѣ л через е, которое предполагает е. Это послѣднее сохранилось еще в началѣ нашего вѣка у Болгар Седмиградія („tvui-te řvente rantze, Кочубин. От-

чет о занят. слав. нар. II, 51 отд. отт., Запис. Новоросс. Ун. XX), а по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, изъ коихъ послѣднее М. Ст. Дринова, сохраняется до нынѣ около Костура в Македонии, гдѣ $\lambda = \text{en}$ (еѣ, ѣ: *ремѣе* мн. но *ред*, *иензик*, *тред*, *пендесе*), $\lambda = \text{ъм}$, *ѣ* (*мѣдро*, *ѣмби*, *ѣмби*, но *рѣка*, т. е. *рѣка*), Период. списание на бѣлг. книж. дружество, год I, XI—XII, 163—4. Отсюда явствуетъ поспѣшность мнѣнія, что „den bulgarischen denkmälern der frühesten zeit sind die nasalen vocale eben so fremd, wie dem heutigen Bulgarisch“ (Arch. II, 282). В другихъ болг. говорахъ можно, мнѣ кажется, усмотрѣть слѣды элемента *a* в замѣнахъ не только λ , но λ ¹⁾. По крайней мѣрѣ трудно утверждать, что бы природныя Болгары, какъ Миладиновы, безъ всякаго основанія ставили *a* в „азъ ша да смира,“ „паднало,“ „паднаха,“ *сѣ* (*сѣ*) молать (=ать) (Б. н. п. 62) и пр. Понятно, что 2-е и 3-е *a* в *паднаха* не тоже, что первое, но изобразить это слово в видѣ *падняхъ* значило бы стереть особенность этихъ глухихъ. Проф. Дриновъ в примѣч. къ пѣснямъ, записаннымъ имъ в Панагюрищѣ, говоритъ что *a* (=основному *a* и =ъ, ь: *танка*, *ладжика*), произносится какъ чистое *a*; *â*, между прочимъ в *сâ*=*сѣ* (прочудо *сѣ*) и в *сâ*=*сжъ* (дошле *сѣ*)—нѣсколько глуше; λ (*да ти кажж*, 1-е л. ед.; *сж*=*сѣ*=*сжъ*)—какъ широкій и такъ сказать глубокий глухой звукъ; соответствующій ему небный звукъ „похожій на темное *e*“ Дриновъ изображаетъ в видѣ *ê*: *повика ê* (=ж), Период. сп. I. с. 147—9. Если мѣстами произносится *рока*, *рука*, *рака* (ib. 161, 171), то можно думать, что послѣднее произношеніе болѣе близко къ основному $\lambda = \text{аѣ}$, чѣмъ два первые.

Подобнымъ образомъ неподлежитъ сомнѣнію, что в нѣко-

¹⁾ Тѣ самые случаи в Слѣпч. кн., в коихъ пр. Лескинъ видитъ подтвержденіе своего мнѣнія о переходѣ *ja* (=а, ѣ) в *je*, именно *раждащи*, *грьдетъ* (Arch. II, 284) допускаютъ и другое объясненіе; т. к. в томъ же памятникѣ $\lambda =$ не только *ѣ*, но и *и*: *достолийъ*, *вънезаълж*, *ѣще* (=ище, аще), *тръвнъ* (=травнъ), Срезн. II. юс. п. 115.

торых польских говорах уже в XI—XII л склонялось к *e* с предыдущей небной (Бод. де Курт. О др. п. яз., 80), но не из этого произношения, а из болѣе древняго, заключающаго в себѣ *a* объясняется преобладаніе начертаній *an*, *a*, а для *л* в болѣе поздних памятниках (на пр. Malinowski, Modl. Wacł. §§ 57—63) и нынѣшнее діалектич. произношеніе *swiańty* и пр.

Недумаю, чтобы могло считаться доказанным, что ст. русс. *жадати* (жядати, но отнюд не *zjadati*), ст. поль. *żądać* = *żądać*, чеш. *žádati* произошло из *žodati*. Обратное предложеніе считаю болѣе вѣроятным. Общее между основн. *žand* — и лит. *gend* (если сюда относится лит. *daug jo pasi-genda* многіе его (мертваго) жалѣют, гесп. бажают) может заключаться никак не в элементѣ *e*, а развѣ в начальной точкѣ движенія славянолитовскаго *and* — по направленію к средненебному *жа*. Mutatis mutandis — тоже самое об отношеніи *лак* (*lak* со средненебным *л*, отличным от нынѣшняго русс. *лж*) в *лштти* к лит. *lenkti*.

в) К вопросу, что именно предполагается славянским *ь* в *жьлтъ* литовское *geltas*, *чрвь*, литовское *kirmis*. Есть случаи, относительно коих нѣтъ разногласія в том, что *ь* предполагает звук в родѣ и (i), на пр. в суф. — *ь* = *is*, *ьскъ* = *iskas*, *iskas*, *-ьба* = *iba*. Этих случаев, по качеству (не по количеству) гласной, нѣтъ основанія отличать от случаев слав. *и* = лит. *ī* (живъ = *gīwas*, *чистъ* = *skīstas*). Косвенным отвѣтом на вопрос о качествѣ этого дославянскаго *i* дает то, что оно сочеталось с предыдущими гортанными, неизмѣняя их в шипящіе. Если, как и я, не считать возможным, что оно измѣняло глубокогортанные в небогортанные, то оно немогло быть сходно с нынѣшним врусс. и польским *и* или врусс. острым *i* (из основн. *ь*, *o*, *e* иногда *у* и *и*). Судя по предполагаемому мѣсту произношенія глубокогортанных, это основн. *i* могло быть или то же, что врусс. поль. *ы* = *у*, или тоже, что вост. врусс. среднее *и*, весьма мало отличное от вышеупомянутаго *ы*¹⁾. Этот звук

¹⁾ Отсюда неслѣдует, что мр. среднее *и* есть вмѣстѣ древ-

был конечно цѣльный, недѣлимый, отличный от предполагаемаго дwoегласнаго *ы*. Переход от ⁺*ыск-* к *жъск-* (божъскъ) и от *ыи* — к *жи* (живъ) мог, мнѣ кажется, совершиться без посредства *j* (не мифическаго, а различаемаго слухом туземцев), как в болѣе новое время и при других наклонностях органов—переход от *ышу* к *тыу*, от *руки* к *руки*, от *strzechy*, существующаго и нынѣ, к *strzechi*. Предположивши и для *чръ* ступень *кървыс*, *кърмыс*, можно думать, что на этой ступени *ь* немогло существовать даже, если краткое *ы* произносилось глухо. На этой ступени могло существовать лишь минимум разницы между зародышами *ъ* и *ь*, так что язык легко мог пойти и к тому и к другому звуку. Возникновеніе *ь* совпало с нѣкоторой палатализацией предыдущей согласной. Независимо от этой согласной свойство *ъ*, *ь*, как и *л*, неопредѣлимо (К Истор. зв. 32). Считаю возможным процесс от *-ыр* к *ьр*, почти обратный тому, который видим в *Тырново* (как русс. корреспонденты с театра войны изображают болг. *Трново*), *тырло* (как юрусс. чабаны произносят болг. или серб. *трло*, см. КараѢ Речн). Г. Кочубинскій, на этот раз недостаточно чуткій, говорит: „В теченіе моего долгаго шатанья между Чехов, я вездѣ внимательно вслушивался в выговор слов, как *vlk*, *plný*, особенно при пѣніи, и слова эти иначе незвучали для меня, как *vylk*, *pylný*, гдѣ *y*—глухой звук“ (Основн. вокализ. I, 110). Я со своей стороны теперь думаю, не во вред основной слав. формы *вълкъ*, *пълкъ*, что в настоящее время, кромѣ м. б. нѣкоторых говоров ¹⁾, в чеш. *vlk* звучит гласное *l*

нее общеславянское, ибо на пр. мр. *жи*, чтобы достигнуть нынѣшняго своего произношенія=*žy*, должно было перейти через ступень, условленную небностью *ж* : *ži*.

¹⁾ В одном из моравских говоров (опавском) *surdečko*, *myrkva*, *vylček* (*vľček*), *pylny* (*plný*), Šemb. Dialektol. 56. „Valaši Unvaldští kladou toto *y* po *r*: *pruv* (*prvé*) *hrynes*, *srup*“ ib. Это доказательство, что мѣстные наблюдатели по меньшей мѣрѣ не хуже посторонних могут замѣтить гласную спереди или сзади *r*, *l*, гдѣ для этого есть основанія.

среднее, т. е. конец языка прикасается не концу зубов, как в русс. поль. *la*, а к небу над самыми губами, и глухого звука ни спереди, ни сзади *l* неслышно.

Укажу здѣсь на нѣчто, хотя несообщающее вышеизложенным гаданіям непоколебимости, но объясняющее их происхождение и во всяком случаѣ, мнѣ кажется, заслуживающее вниманія изслѣдователей.

И. Юшкевич говорит: „Без всякой причины во многих литовских книгах употребляется у (ы). В литов яз... есть только мягкое і (и)“... Слѣдовало бы писать *gīvas* ч. *gīvas* вм. *gyvas*. Широкое у (ы) можно бы удержать только в восточно-литов. говорѣ (в вост. половинѣ шавельскаго уѣзда и к вост. от р. Невѣжи), в котором оно употребляется, хотя впрочем довольно рѣдко, на пр. *svigūnaly guļeja*, в клѣти он спал (Матер. для слов. и грам. изд. Ак. V, О говорах литов. яз. 421).

Schleicher, Lit. Gr. 9: „i, i, y ist das gewöhnliche i... Kurzes i wird aus und anlautend, bisweilen auch im inlaute etwas dumpf gesprochen, nach e zu, ähnlich dem poln. y, doch nicht so stark von i unterschieden als dieses, so z. b. in *ir* (und, auch), *kąsgi* (quisnam); diss findet sogar bei betontem i statt: ein*l* (du gehst); *kirvis* (axt); diser unterschied ist indes fein.“

В книжкѣ „Букварь Жмудско-русскій... по методѣ Золотова, перевод И. Кречинскаго“ (Букварс жемайтишкай-русишкасис и пр.), Ковно 1865, гдѣ переводчик немудрствуя лукаво передает русским правописаніем (с ерами) звуки жмудскаго говора, мѣстности коего я опредѣлить немогу, находим:

(а) *ы* вм. *е*: *мотеры*, *паты* (жена), *карвы* (корова), *бо-бўты* (бабушка), *мѣргайты* (дѣвушка), *кяпуры* (шапка); *несчѣсты* (несчастье), *ўпы* (рѣку, вин. ед.), *чѣсы* (мѣстн. ед. от *чесас*, час), *обывды* (обывдѣ, обѣ), *ѣды* (ѣл); *дѣвы* (дал).

(б) *ый* вм. *ѣ* рядом с *ій*: *вѣна*, *выйна* (одна); *дена*, *дійна*, *дыйна* (день).

(в) Постоянно в суф. неопр. *-ты*, *-тый-с* (*ѣйты*, *кѣлтыйс* подняться), в *ыр* (*и*, но *ира* (*īга*) есть), *сы* (пасыслепты

скрыться), дѣделей (очень), тѣктай (только), высус (весь) и пр.

(г) В суф. жувыс (рыба); вальтыс (лодка); шунѣс (собака); дивына абрѣзда (чудесную картину); пукрѣвыдигы ¹⁾ (обидѣть); девышкас (божій), но кудыкишкас (дѣтскій), дангишкас (небесный), жемишкас (земной).

(д) В корнях перед *р*, *л* на мѣстѣ славянскаго глухого зв.: дырва (нива); пыртис (баня), ант пырмос (на первой), галвовѣршис (темя); твыртс (твердый); неужмыршик (незабудь); падырбты (сдѣлать); вырпети (дрожать), мѣрты (умереть); апсывылксу (надѣну), вѣлна (волна, шерсть); выльнис (волна).

Что звук здѣсь неочень опредѣленный, на это указывают такіе же случаи с *и*: кирсты (жать); кирпты (стричь); киртей (в банѣ); *мѣлтай* (мука); вилкс (волчок, юла); вилнес (волны). Шипящіе, по видимому, в этих и других случаях требуют *и*: шилкай (шелк); ширдыс (сердце); чистас.

Из того, что этот звук *ы* в нѣкоторых случаях (на пр. на мѣстѣ *ѣ*, в—ты) должен быть признан поздним, еще не слѣдует, что он таков же на пр. в *кырмыс*. Что в послѣднем случаѣ ему предшествует болѣе острое *і*, это должно быть еще доказано, а до тѣх пор мы имѣем право думать, что если дѣйствительно есть литовскіе говоры с *-ыр-*, *-ыл-*, далеко отстоящіе от небности, предполагаемой латышским *si'grt* (стричь), *si'rst* (бить, рубить), *se'gme* (червь), то эти говоры в этом отношеніи могут быть древнѣйшія. В таком случаѣ форма *кырмыс* своим *ыр* так же мало указывает на слав. *ь* в червь, как ф. *вьльнис*, *вьлна*, *дылмас*, *пылмас* могут заставить предположить общеславянскія *+в'лна*, *+в'лно'*, *+д'льнъ*, *+п'льнъ*, между тѣм, как на это *ыл* не указывает ни одна из наличных славянских форм.

г) На вопрос, предполагают ли шипящіе зв. в началѣ полногласных слов нынѣшнее *е*, я в своем соч. К ист.

¹⁾ *ди* долгое. Ср. гивѣну, гивенты (жить), гиволис (животное), гивастис (род. ед. жизни), гимине (семья), милю (люблю)—милѣты, лѣты (лечь), даугибе (множество), туртибе (имѣніе).

зв. 160 отвѣтил т. о: „Начальная шипящая в *жолоб* и *жльб*, а равно и там, гдѣ в русс. *ере* (*жрѣба*), свидѣтельствуе только о том, что до возникновенія формы *жльб* и пр. между начальною гортанною и слѣдующею нлавною стояла гласная, при помощи которой возникло *j* при *юртанной*, откуда *-ж, ч, ш...* Но *ж* в *жолоб*—*жльб* и пр. само по себѣ несвидѣтельствуе, что этою гласною послѣ гортанной было именно то самое *e*, которое мы застаем в слав. нарѣчїях в историческую пору. Покажет мнѣ некажется невѣроятным, что при гортанной перед основным *a* могло возникнуть неорганическое *j*, повліявшее на эту гортанную, но неизмѣнившее *a* в *e*, как на пр. в *жаба* (от *габн-*) или в частицѣ *ча* при *-ка*“. Здѣсь я впал в рутину относительно *j*. Теперь считаю излишним говорить здѣсь о неорганическом *j*: *ча, ха, ка* могло измѣниться в *жа* и пр. без его посредства.

За тѣм нахожу вѣроятным, что ф. *жлаб*, *члан*, *жлаза*, *жласти* легче могли развиться из форм, в коих послѣ шипящей стоял звук породы *a*, чѣм из *же-, че-* ¹⁾. Русскіе слоги *ло* в *желоб*, *шелом*, *шеломя* могли возникнуть из *ла* или одновременно с предполагаемым измѣненіем *жа* в *же* *ша* в *ше*, или позже. *Жо, шо* в русском суть явленія поздня, діалектическія, происхожденіе коих в одном из главных дѣленій русс. яз., именно в ювр. настолько ясно, как и *ѣ*: *жолоб* но *желобок*, *шолом* но *шеломя*, холм. Мнѣніе, что „die färbung von *zelb zu zolb reicht.. in sehr alte zeit zurück, da r. zolob, poln. os. zlob gleichmässig aus zolbz entstanden sind“ (Schm. Zur gesch. des vocal. II 91) предполагает общерусскую ф. *жолоб* болѣе древнюю, чѣм *желоб*, с чѣм я не могу согласиться.

Что предполагать в первом слогѣ, послѣ шипящей

¹⁾ Предположенія, что *жлаб*—из *жльб* через *жляб*, или, на оборот, *жльб*=*žlěbъ* из *жлаб*, кажутся маловѣроятными. Ссылаться по поводу *длїето-долото* на болг. *трѣва* (Schm. zur Gesch. d. voc. II 169) трудно, ибо *трѣва* есть лишь *трѣва*, а не *trěva* и относится к *трава*, как мр. *рѣма*, *комора* к *рама*, *комора*.

в *жрѣбѣ*, звук ли *е* (жеребя) или *а*, будет зависеть от рѣшенія, происходит ли *ь* в *жрѣбѣ* из *е*, или из *а* через *аі*. В послѣднем случаѣ осн. ф. *-†жѣраіѣ*. Но если бы было доказано, что *жрѣ* предполагает *жере-*, *гере*, в этом *гере* нужно бы принять глубоко гортанное *з-*, сходное с вышепредположенным *кы* в *†кырмыс* (чървь), от котораго к *же*-могло совершиться движеніе по направленію к среднему небу.

д) Предполагается ли *ке* и пр. сочетаніем *че* в *печени*? В своей статьѣ, напечатанной в Ж. М. Н. Пр. 1873, X и перепечатанной в соч. К исторіи звуков, стр. 19, я высказал предположеніе: „первое *е* в *везете* древнѣе, чѣм второе, котораго в лит. *vežate* еще нѣтъ, из чего слѣдует, что сходство слав. глагольнаго характера (или т. наз. связочной гласной) *е* в *везете* с греч. *ε* в *ἔχ-ε-τε* лишь случайно, т. е. невосходит ко времени единства этих языков“: „Случайно“ можно бы выпустить, чтобы неподавать мысли об отсутствіи достаточных основаній. Из одинаковых основаній в отдѣльных друг от друга нарѣчійх возникают весьма сходныя явленія, при чем весьма трудно допустить взаимное вліяніе этих нарѣчій. Ср.: на пр. твор. мн. ч. на *-ма* (*tenkúma prstama* и пр.) в чеш. морав. *Šembera Zákl. Dialektologie* 12, 36, 63) и в сѣв. вр. (частыма молебнама Гило. был. 700, конима добрыма *ib* 712); чеш. *vleču vlěču (vleku, vlekou) mŕži, mŕžou (mohu, mohou), Šemb. ib. 11* и мр. *волочѹ, волочѹть, мѹжу, можѹть* вм. *волоку, волокуть* и пр.; чеш. обл. *mnoho vojakach (Šemb. ib. 20)* и серб.; русс. областн. (не общерусс.) мѣстный ед. м. р. темы *а*—на *у* с перенесеніем ударенія на послѣдній слог (на *свѣтѹ; стогѹ, берегѹ, вм. на свѣтѣ, мр. у стѹзі, на бѣрезі*) и тоже в серб. *свѣјет, свѣјету* (что, как признано, предполагает *свѣтѹ*), *брѣг—брѣгу*.

Проф. Шмидт (*Z. f. v. spr. XXIII 361—2*) тоже находит, что 2-е *е* в *везете* не могло быть общеевропейским. С этою частью его мнѣнія я согласен.

За тѣм считаю сомнительным то его мнѣніе, что *а*

др. в. н. *wegat*, лит. *wežate* уничтожает между прочим литовско-славянское единство, а равно и слѣдующее:

„Единственная теорія.. равномерно принимающая в соображеніе всѣ факты, состоит в том возвышеніе тона *a* в *e* („die tonerhöhung des *a* zu *e*“) во флексіи настоящаго вр. постепенно и волнообразно распространялись на предков европейцев. Во 2, 3 л. ед. дѣйств. (act.) оно проникло ко всѣм; но во 2 л. дв. и во 2, 3 ед. сред. (med.) движеніе было недостаточно сильно, чтобы дойти до литовцев и германцев, сохранивших свое *a*; во 2 л. мн. волна достигла еще до нѣскольких германских племен, но не проникла до остальных и до литовцев“ (ib. 362).

Мнѣ кажется, что теорія заимствованія в таких случаях оставляет такой же простор для случайности, т. е. неизвѣстности причины, как и теорія самостоятельнаго движенія основнаго звука по сходным, но не тождественным путям. Представить себѣ издалика катящуюся волну, которая занесла в слав. языки второе *e* в *везете* и ослабѣла у берега литовскаго языка (*wežate*), по мнѣ труднѣе, чѣм думать, что внутри славянскаго языка возникло стремленіе породившее второе *e* в *везете*, *ведете* и измѣнившее в соотвѣтственных случаях *ja*, *ka*, *xa* в *же* и пр. (печете). Внутреннее движеніе, произведшее в литов. *e* в *ези*, *еззіс*, *еззітас* и пр. Из донынѣ существующих *аси* и пр. (К ист. зв. 20—1), дало и лит. *esz* при *asz* (=аз). Трудно усмотрѣть, почему в этом случаѣ „нельзя построить даже единой пралитовской формы“ (Schm. ib. 338) и почему для этого *esz* нужна волна, идущая от армянск., *es*, греч. ἐξών, латин. *ego*, гот. *ik*?

Такое же отношеніе, как между литов. *sukate* и слав. *печете*, существует и между лит. *suka*, *sukawa*, *sukata*, *sukawo* и славянскими *печеть*, *печевъ*, *печета*, *печемъ*. Спорно мнѣніе Шмидта, что „в ед. ч. изъявит. н. дѣйств. (ind. act.) всѣ европейскіе языки согласны в том, что во 2 и 3 л. измѣнили *a* в *e*.. Отклоненіе литовскаго яз. в 3 л. лишь мнимое. Считаю невозможным, что на пр. лит. *wéza* равно скр-му *ваха-ти* и потеряло личное окончаніе

(как учит Шлейхер); потому что вѣдь *tí* и сокращенное из него *t* сохранилось послѣ гласных, как и послѣ согласных в так называемом безсвязочном спряженіи: *ei-tí, eít* идет *dús-tí, dús-t* даст и пр., так что предположеніе, будто окончаніе потеряно во всѣх темах настоящаго на *-a-*, насильственно.“ Поэтому, мол, лит. *weža* есть первоначально 3 л. мн. ч., из ⁺*wežq*, ⁺*wežant* (ib. 258).

Это можно допустить для множ. числа, хотя может быть и 3-е ед. поставлено вм. 3-го дв. и множ. как русс. *они есть*, Что же до насильственности объясненія лит. *weža* из *wežatí*, то она такова же, как объясненіе на пр. мр. *vezé* (ювр. *везе*) из существующаго рядом *везѣть*: *ть* в *везе* опущено, но в безхарактерных глаголах не опускается: *ѣсть, вість, дасть*, кромѣ *е* рядом с *есть*. Стало быть нельзя заключать от сохраненія *tí* в *dústi* к невозможности его опущенія в *weža*.

IV.

Измѣненія юртанной + тѣ или ть.

При объясненіи ц. сл. *шт* в *пешти, пешть* и пр., кажется необходимым, несмотря на существующія возраженія, по примѣру Шлейхера и др. принять вліяніе *и*, в слѣдующих за *т*. Возраженіем служит супин, но болѣе достовѣрная форма его есть не *пешть*, а *пештъ* (Mikl. V. Gr. III, 118; Altsl. formenl. in paradigm. 37). *Пештъ* может представляться неправильностію сравнительно с *битъ* и требует объясненія, но само по себѣ есть фактъ достаточно прочный. В стар. русс. супины, на *ть* при неопредѣленном на *-ти* довольно часты (Из запис. по русс. грам. II, 298—9). Пр. Лескин замѣчает: „Schleicher nahm an (Comp.³ 293), dass hier eine analogiebildung nach dem infinitiv (облещти) vorläge; zu dieser annahme ist aber weiter kein grund vorhanden, als etwa der weiche vocal *ь* im auslaut, dieser jedoch erklärt sich ebenso gut, wenn man annimmt, *шт* sei das prius, da nach dieser lautgruppe eben *з* nicht stehen kann“ (Beitr. VII, 131) Ср. Mikl. V. Gr. I, 189. Но *ь* в древ.

ц. сл. стоит послѣ *шт* вовсе не потому, что это сочетаніе само по себѣ недопускает послѣ себя *ъ* и др. твердых, а потому что *ь* условлено его происхожденіем. Сочетанія *шта*, *што*, *штъ* в позднѣйших нарѣчіях русс. серб. болг. вполне возможны. При том, как упомянуто, *облещтъ* аналогично со ст. русс. супин. „поидоша воевать“ (Ип. 33), гдѣ конечно не может быть рѣчи о том, что *т* само по себѣ требует послѣ себя *ь*. Мало вѣроятности, чтобы *облещтъ* могло быть *prius* сравнительно с *облещтъ*, ибо есть довольно достовѣрные древніе случаи, указывающіе на выпаденіе *к* перед твердым *т*, так что из ⁺лектъ (из легтъ) должно бы выйти не *лещтъ* а *леть*:

— *пле(к)тж* при лат. *plectere* и дрвн. *flehtan*. Fick. Wb.¹, 376.

— *леть* при лит. *lėkiu*, *lėkti*, *lėkioti*, глаг. *лет-ь-ти*, *-шии* предполагает или *и*мя в родѣ *леть*, или глаг. в родѣ *плетж*; *т* в нем встрѣтилось с *ь*, *и*, *ь* уже послѣ выпаденія *к*; *лещтж* предполагает чистое *т*, а не *кт* (+лектж), как думает Фик (Wb.¹, 602).

— *нето-пырь* и в сл. Дан. заточн. по сп. XVI—XVII в. (Калайд. Памят. росс. слов. 237) *номотырь*, что Калайдовичъ, я думаю, основательно исправляет в *нотопырь*. Первая половина—из *не(к)то-*, *но(к)то-*, 2-я или из *н'т-ыр-ь* (кор. пат., как думает пр. Гаттала), или из *-пырь* от *пар* (=пур). Во всяком случаѣ: „ночной летунъ“, что может быть соглашено с полаб. *netipar*, *netipart*, мн. *netipordé* (по Шлейх. Polab. Spr. 102, а здѣсь = *ä*, из *ы*; *t* суф. как в папоротъ), мотылекъ, т. е. ночная бабочка?

— *пѣтъ*, лит. *penktas*, латин. *quin(c)tus*. *Пѣтъ* (сущ. ж.=пятерка) или образовано от прилаг. *пѣтъ*, как *седьмь*—от *седьмь* (прилаг.=са(п)тама-) или *четвьртъ*—от *четвьртъ* (Mikl. V. Gr. II 55), или, хотя восходит к времени до потери *к* в *пѣтъ*, и=скр. *панкти*, но подобно этому *пѣтъ* и вмѣстѣ с ним потеряло *к* потому, что в то время *ти* еще неизмѣнило предыдущей гортанной в шипящую. В противном случаѣ мы ожидали бы ф. ⁺*пѣтъ*, ⁺*пѣчъ* и т. д.

Чтобы получить из ⁺*пек-ти* форму ⁺*пѣтѣ*, из коей

кажется удобным производить наличный слав. ф. *нѣшти*, *нѣћи* и пр., Даничичъ предполагает форму $+нѣшти$. Было уже замѣчено, что эта послѣдняя не находитъ аналогіи ни в том предполагаемом пути, по которому из $+гребѣти$, $+метѣти$ через $+гретѣти$ и пр., выходит *грети*, *грѣти*, *тети*, *чрѣти*, ни в том стремленіи в силу коего $д, т, з, с + т = ст$, аналогично с $чѣм б, п + ти = бсти, псти$: от *вед* — *вести*, *весть*, от *вѣд* — причастіе *вѣстѣ*, *вѣсто*, от *вез* — *вести*, *греб* — *гребѣти*, серб. *гренѣти*, русс. *грести* ¹⁾. Если бы при господствѣ этих законов возникло $+нѣшти$, то из него бы вышло или $+нѣсти$ или $+нѣсти$.

Допустивши однако $+нѣшти$ при романских звуковых

¹⁾ Лескин видит во *власти* (влад-) диссиміляцію, в *вести* (вез) ассиміляцію, а в *забѣти* (заб) вставку (Beitr. VII, 133). Мнѣ кажется, что здѣсь во всѣх случаях одно и тоже стремленіе держать несліянно конечную согласную корня и *т* суффикса, приноровляя их однако к удобству произношенія. Принявши, что, *д, т, з* в *вед, мет, вез* произносились так, что языкъ находился у внутренней стороны передних губов, выше их конца, и что при произнесеніи *т* в *-ти* конецъ языка находился ниже острія переднихъ зубов, прикасаясь к нему; затѣм, скользя языкомъ по внутренней поверхности переднихъ зубовъ отъ перваго положенія ко 2-му, мы получимъ — *дѣти, цти, вѣсти*, откуда — *сти*. Сходный результатъ получится, если *д, т, з + ти* передвинуть на одну ступень къ среднему небу, что, кажется, будетъ ближе къ дѣйствительности. Такимъ образомъ *с* является здѣсь среднимъ между вышеописанными *д, т, з* с одной стороны и *т* с другой. Другого рода, такъ сказать губной призывокъ *с* появится при непрерывномъ движеніи произношенія отъ *б*, *н* внутрь къ вышеописанному *т*: отсюда *с* в *гребѣти*, какъ посредникъ между губною и зубною. Существованіе нов. чеш. ф. *řict*, конечно, не можетъ быть приводимо въ доказательство, что вышепредположенное *-цт-* должно было уцѣлѣть. Неизвѣстно, что будетъ дальше с этимъ *řict*. *с* изъ *ц* и *č* (небн.) изъ *č'* (небн.) есть въ свр. говорахъ (Два изсл. о ав. р. я. 87, Колосовъ Замѣтки о яз. и нар. поав. Отч. 5, Арх. Волог. и Перм. г. 330) (v. 46). На сколько это объясненіе измѣнится если принять въ расчетъ лит. *vėsti* (ved. латыш. *vez* — *с* *з*?), *mėsti* (met, лат. *mest*), *neszti* (лат. *nest*), *vežti* — *vėszti*? Ввиду лит. *-bti, pti*, слав. *-бсти, -псти* слѣдуетъ считать спеціально славянскимъ.

наклонностях, мы все таки неполучим *нетји*. Франц. *fait* не аналогія, ибо в подобных случаях *i* возникает не из зубной, которая остается (Ит atto и пр), а из гортанной посредством ея палатализаціи и превращенія в *j*: *amie* (*amicum*), *delié* (*delicatus*), *doyen* (*decanus*), ст. фр. *preier* (прованс. *pregar*, ⁺*preg'ar* с *ia*, *prejar*, лат. *prescare*), ст. фр. *sairment* (*sacramentum*), ст. фр. *lairmé* (*lacrymam*), *Joret Du C*, 50—1. При том относительно мѣста возникновенія *j* большая разница между *fait* и ⁺*нетји* из *нетти*. А можно ли переносить в древность слав. яз. потерю *j* перед зубною (вр. поди) и вмѣстѣ обнаруженіе ея дѣйствія позади (серб. дођи, дођем), сомнительно.

Что до принимаемой Эбелем аналогіи ⁺*нетји* (отк. ⁺*нетји*) с кимвр. *noith* (пох) из ир. *nocht*, то Лескин справедливо замѣтил, что хотя есть ф. *xto* из *кто*, но для перехода *x* в *j* нѣтъ аналогіи, если не считать *glavaj* = *glavach* у угорских словеницев (*Beitr.* VII, 132). Дѣйствительно, можно сказать, что никогда наклонность к палатализаціи гортанных в слав. яз. небыла так велика, как теперь. Между тѣм до нынѣ во многих нарѣчіях *x* болѣе гортанно, чѣм *i*, *k*, на пр. в поль. *strzeszy* при *поги*, *гѣки*. Поэтому в то отдаленное время, о коем рѣчь, трудно представить себѣ возможность перехода *k* в *x* (⁺*нохъ*), а еще труднѣе—*x* в *j* (⁺*нойтъ*).

И так, мнѣ кажется, нужно воротиться к предположенію вліянія *-ти*, *-ть* на предыдущія гортанные, вліянія, отвергать которое на том основаніи, что *л*, *н*, *р* неассибilirуют гортанных (*омь*, *ирьхъ*, *иривь*, *хльвь* и пр.) ошибочно: эти звуки по мѣсту произношенія во всяком случаѣ были ближе к гортанным, чѣм *т* в *-ти*, *-ть*, а чѣм далѣе друг от друга взаимодействующіе звуки, тѣм болѣе замѣтных измѣненій можно ожидать в том из них, который менѣе устойчив, или в обоих.

Видимая неизмѣнимость *-ти*, *-ть* там, гдѣ оно слѣдует за гласной или согласной негортанной, заставляет думать, что и в сочет. *-кти* и пр. условіем измѣненія *т* послужило предварительно измѣненіе гортанной, так что сначала

имѣла мѣсто регрессивная, потом прогрессивная ассимиляция.

Исходя от регрессивной ассимиляции, предположим, что во время перехода *кти* и пр. в *ци* и пр. существовало по группам нарѣчій неменѣе трех способов произношенія *-ти, ть*.

а) в связп. нарѣчійх *-ти, ть*, было наиболѣе остро, т. е. непереходя в запад. русс. ц' (ходзиць) было наиболѣе близко к мѣсту произношенія сего послѣдняго. Отсюда из ⁺*пекти*—⁺*печти*, из ⁺*нокть*—*ноц-ть* (два слога) из ⁺*могти*, ⁺*моить*—*модѣти*, *модѣ-ть* и ⁺*моцти*, ⁺*моцть*. Затѣм из ⁺*печ-ти*—⁺*печци*, *печи* и пр. Это, по крайней мѣрѣ, по результатам, сходно с итал. *direzzare* (из ⁺*directiare*), *sezione* (*sectionem*).

б) Во второй группѣ нарѣчій, которая в это время в других отношеніях могла уже не представлять единства, *-ти, -ть* (предположим) произносилось при помощи части неба над самыми верхними зубами, может быть нѣсколько мягче, чѣм в нынѣшнем вост. мр. *пекти*, во всяком случаѣ с другими результатами относительно дальнѣйших измѣненій *-кти*, что могло быть условлено, иным, болѣе глубокогоортанным характером *г, к*. Отсюда, сходно по результатам с итал. *succiare, tracciare* (⁺*suctiare, +tractiare*), из ⁺*пекти*—⁺*печти* и за тѣм ⁺*печчи*, из *могти*—⁺*модѣти*, ⁺*моцти*, ⁺*моцчи*. Из ⁺*печчи* и пр.—в одну сторону русс. *печи*, хорут. *реѣи*, хорв. (около Вараждина) *реѣи, носъ*, а в другую, с превращеніем перваго *ч* в *спігана* (сходно со *што* из *что*, мр. *штити* из *читти*, *пошта* из *почта*, а может быть с серб. *шћи, шћера*, если оно из ⁺*чћи*=*дћи*, а не из *хћи* (*Jagic Arch. III, 375*)—*пешчи, кошчъ* ¹⁾). Эта послѣдняя ступень с полною достовѣрностію предполагается ц. сл. -мъ *пешти*

¹⁾ В области свистящих звуков со *-шчи* из *-чи* аналогично поль. *śc* из *śc*: ср. в *Bibl. Zof. dwanaście* (162, 168), *osznaczące* (172), *dwanaście* (162), т. е.—*śc* из *d'śc* = *дѣсѣте* = *десѣте*) с болѣе поздним *-śc* (уже *ib. dwanaście* 163, *czwartego na szcze dnia* 164).

о чем — ниже. Относительно *врѣтити* возможно сомнѣніе, должно ли было коренное *-ити* перейти через ступень *-чти*, *-ччи*, что указывало бы на эксплозивность древняго *x* сравнительно с нынѣшним, кромѣ влужицкаго.

б) Караджичъ совѣтуетъ Русскимъ произносить серб. *ћ* в *доћи* какъ *дотьчи* (NB. с удвоеніемъ? ъ конечно лишь какъ показатель мягкости), аналогично с *дође*, какъ *додъжье* (Lex. 1852 г., 2-я нумерованная стр.). Повидимому эти звуки занимаютъ середину между русс. небнымъ *т'*, *д'* и поль. (Варш. и др.) *ć*, *dź*. Такъ и в разсматриваемомъ случаѣ предположимъ, что в серб. сочетаніе *-ити* и пр. пошло по пути среднему между предположенными для группъ *a* и *b*, именно *+нећти*, *нећћи*, *нећи* и аналогично с этимъ *моћи*, *врћи* (вршемъ). Первоначальное отсутствіе или малая извѣстность особаго начертанія для этого трудноуловимаго звука—причина древне серб. (XII в.) написанія *мокъ*, *къки*.

Общій смыслъ этихъ гаданій тотъ, что в разсматриваемомъ отношеніи ни над сербскимъ (ср. Даничичъ, Rad. I, 121), ни над какимъ либо другимъ слав. нарѣчіемъ время не прошло безслѣдно: всѣ они болѣе-менѣе одинаково далеки отъ исходнаго *-ити* и пр.; разъединеніе ихъ умѣряется параллелизмомъ путей развитія.

V.

Измѣненія сочетаній ск, ст и зз, зд.

Сочетанія с гортанными (*ск*, *зз*) имѣютъ в томъ отношеніи свойство чистыхъ гортанныхъ *к*, *з*, *х*, что подобно имъ, измѣняются в шипящія, и при томъ до неразличимости в настоящее время одинаково, в обоихъ условіяхъ, упомянутыхъ выше (II), именно в случаяхъ аналогичныхъ с *можешш* и *движешш*. Сочетанія с зубною раздѣляютъ свойство чистой зубной, измѣняясь в шипящія только в случаяхъ *движешш* = *страждеши*. Здѣсь я разсматриваю измѣненія сочет. *ск*, *ст* с одной и *зз*, *зд* с другой стороны лишь со стороны ихъ сходства, думая лишь напомнить нѣкоторыя частности, на которыя придется сослаться ниже, между прочимъ и по поводу мнѣній г. Кочубинскаго.

1. *ск, ст* во всей сѣверной полосѣ слав. нарѣчій или очевидно измѣняются в *шч'* с небным *ч*, или предполагают это измѣненіе.

а) Всѣ русс. говоры предполагают, а отчасти сохраняют ф. *ѣщ'е* (щ гораздо болѣе небо, чѣм вост. мр. *ищэ, шэ*; ср. скр. *ати*, греч. *ἔτι*, лат. *at, et, et-am*; *ѣще* предполагает *аст + ја-*; ср. лат. *ast=at*)¹⁾, *свищю* (щ'и), *ищю* и пр. Замѣтим измѣненіе *ч'* в *т'* (небное) в перм. *штювѣтъ* (мр. вост. *цркувѣтъи*, поль. *szczwać* с потерей гласной корня в силу отсутствія ударенія, падавшего, как в русс. на характер *а*), новг. тв. *шти* (щи), *штянѣи*; отвердѣніе этого *т* в твер. *ѣшто* (из *ѣщѣ*). Другое врусс. діалектическое измѣненіе—*щ* в *ши* (ѣшшо, ишшо и пр.; в мр. спорадически *шо=що*), *си* (два изсл. о зв. 70, 88). Это послѣднее древнему яз. было на столько чуждо, что вм. *ис-шло* и при *и-шло* (= +из-шьло) находим *ищло* (1284. Зам. о мр. нар. 86), форму выходящую за предѣлы русс. яз.

б) Для польско-кашубекаго *щ'*, болѣе-менѣе твердаго, необходимо принять ступень *щ'* между прочим потому, что еще в XV в. существовала небность всѣх шипящих, а равно и с *dz* (=ц. сл. *шт, жд*), хотя вѣроятно не во всѣх говорах: ср. в *Bibl. Zof. roszyótek 11, szyószczy 16, 17, szyuczyc 59, wyeczyoor, do wyeczyora 64; mlodsyó, starsyó 33 (=щ'ó), szyosty 62, naszyó 71, straszyc 163, oprassye*

¹⁾ Ясно, что для объясненія общеславянскаго *щ* в *ѣще*, я принимаю основное *ст + j*. Так и в *Arch. III, 376*. Пусть это предположеніе невѣрно, но с другой стороны ничѣм не вызвано опроверженіе г. Б. Раича (*Arch. III, 721*), который без всякой нужды доказывает, что из одного *ати* могло выйти только *ѣтъ*, а из *ати + а* — только несуществующія діалектическія *ѣса, ѣше, ѣче*. За тѣм предоставляю судить другим, лучше ли исходить при объясненіи *ѣще* от скр. *ати* = греч. *ἔτι*, которое значит *еще*, или, как I. с, находить в *ѣще* частицу = скр. *ча*, лат. *que* (ѣ-ш-че)? Замѣчу только, что этимологически безусловное *с* перед *т*, на пр. в *-ство* = *-ства-н* кажется менѣе достовѣрным, чѣм подобное же *с* перед *к*.

(=opaše) 163; dszdzyc 51 (dźdź'e), na puszczyŃ (=čŃ) 61
zadzyczyczenym 16 (=zaščiczenim), gedzyeno 80 и др.

Обще со ст. русс. ст. поль. *šč'* из *c-u*: słońce weščło, ziarna weščły, wščedł (Linde Sł. wzejść); в Bibl. Zof. zczedł 16; slunce weščdło 186, szczedszi 188 и аналогично с сим *zž=ždž*, ogyen szdzegl 69. Диалектич. (Мазовец.) *sc* вм. *šč*, а равно и *z*, *c*, *s* вм. *ž*, *č*, *š* могу считать столь же относительно поздним явлением, как и соответственное явление в сѣв. вр. (Два изсл. 86—8) и смежных бѣлорусских мѣстностях (ib. 72—3) ¹⁾.

в) К упомянутым поль. говорам примыкает в этом отношении полабское, в коем *sc* или *sl* из *šč'*, в отличие от нынѣшняго мазовецкаго, до конца сохраняло небность. Пограничней мѣрѣ иначе я немогу объяснить ф. каковы *stinaŃ* (сѣина, щеня), *stjauko*, *skieuko* (щука) и др. Schl. Polab. spr. 38, 140.

г) В н. луж. неразличают написаніем *šč* v *šč*=русс. ш от *šč*=поль. *śc*=русс. ст': *hysce* (*hyscze*) и *szcena*=*ścena*. Тоже в в. луж.: *hišce* (еще) и *šcernišco* и пр.

д) В южной полосѣ хорут. *šč* (*jošce* и *još* и пр.). Небность этого сочетанія остается в нѣкоторых (?) хорв. говорах (*šč*, Маѣур. Slovn. Hrv. § 61), в резіянском говорѣ (Болуэн де Курт. Фонет. резіян. г. § 57). То что во многих хорут. говорах слышится „болѣе острое *ш* (Mikl. V. Gr. I, 252), а в бохинско-посавском *šč=š* (Болуэн де Курт. Отчет о занят. по языковѣд. в 1872 г. Вып. II, 101) ср. с вышеупомянутым *шш*, *сш*, *ш* из *щ* в русс., а равно с стар. франц. *sch*=н. фр. *ch*=лат. *sc* (*eschelle*, *échelle*), с итал. *sc* (нынѣшн. *ш*: *angoscia*, франц. *angoisse*), с нов. в. нѣм. *sch* из др. вн. *sc* (=ск) в *schaffen* (*scaffan*), *fleish* (*fleisc*; Grimm. D. Gr. I², 144 (1174).

¹⁾ Удивляюсь, каким образом г. Кочубинскій рѣшается строить заключеніе о невозможности родословнаго древа на таком основаніи, как его утверженіе, что будто тј (=ц. сл. шт) в бѣлорусском и сербском=ц, а дј (=жд) в бр.=дз (Основн. вокализ. I, 35—7).

е) В стар. чеш. до XIV и XV в. идет небное *šč'* (или *šć*) из *st* и *sk* (J. Jireček, O účincích přidechův, Rozpravy etc., 57; Gebauer Hlásokoslovi 104); неменѣе как с XIV в. *šč'* из *sc* (mistři rohanšči, ркп. 1379); но уже в XIV в. является небное *št* из всякаго *šć*: *čestina* и пр.; *dště* (дѣстѣ) *vojště*, *sešti*; *št* из *šč*=*šci*: *němešti*. Аналогично с этим в словенском *sc*, неизмѣнившееся в *šč* в. *šć*, дает первоначально небное, потом отвердѣвшее *st*, а *cc*—*ct*: *deste*, *slovensti*; *macte* (из *massě*, а это из *matcě*), *zahratce* (из *-ccě*, *džcě*, *-dce* от *zahradka*). В том же слов. нар. шипящая перед *t*, *t* из *c* остается: *mačte* (*-ščě* от *mačka*, кошка), *hrušte* (*-šce*, *hruška*), Hattala, Sr. Ml. § 152.

Рядом с господствующим чеш. *št*=*šć*, и это послѣднее или остается в чеш. и морав. говорах, или, как в домажлицком и средне-чешском дает *chě* из *šč*: *chěstí*, *něchěstí*, *chěbetat* (Šemb. Základ. Dialekt. 17, 22, 35, 48). Это послѣднее явленіе слѣдует сравнить с чеш. *hřebí*, *hřibě*, в коих начальная гортанная не только нестарше *ж* (жрѣбий; жрѣба), как думают Гаталла и Гейтлер (Fon. § 126), но предполагает уже ассибиляцію *p* (*p*), или, как в *hliza* (жлѣза) сильную палатализацию *l*. Подобным образом чеш. *trída*, *střemcha*, *střevo*, поль. *trzoda* и пр. из *čřěda*, *čřevo*, *czrzoda*. О послѣднем—Бод. де Курт. О древнеполь. яз. § 57, гдѣ и обратный случай: измѣненіе *rz* в *r* вслѣдствіе палатализации предыдущаго *s*, *z*, *ž*: *šroda*, *žródło*, *žrebie* из *sřoda*, *zřódło*, *žřebie* ¹⁾.

¹⁾ Труднѣе объяснимы во всяком случаѣ далеке отстоящія от этихъ спорадич. явленія, как болг. *брью* (из *брьзо*), мр. „на *млах лободах*“ (в поговорочномъ архаич. выраженіи = на *злах*), что я сравнил (Два изсл. о зв. 137) с *x* и *c* (прохати). Относительно спорадич. рѣдкихъ форм, как *викер* (Паремейн. 1271, Бусл. Хр. 73; дальше правильно *вечер*), мр. (брест. у. гродн. губ. и др.) *кѣрез* (через), *каровати*, *поскепаны* (Сл. о П. Игор.), проскѣпъ (Лавр.¹ 76) = серб. просцијеп, думал (Arch. f. Sl. Ph. III, 378), что *каровати* можно вывести из *чяровати* через неб. *т*: [†]*тяр-*, которое бы относилось к *чяр-*, как свз. мр. покѣмиш к вост. *тjamiш*; но теперь считаю это неудачнымъ, т. к. остается необъясненнымъ переход

ж) Діалектичскія серб. ф., как *шћита*, прямо предпо- лагаются формами, как серб. *штит* и т. п. Аналогично т' из *ћ* перед *н'*: *божитњи*, *силотњи*, *цатњи*, формы пошедшія по направленію очень далекому от превращенія *ч* в *srigans* (врусс. всѣношная, сяр. гащѣник из гащѣник, гачѣник). Отвер- дѣвшее *ч* сохраняется в *ишчишлати*, *ишчупати*, *раишчинити*, *раишчитити*.

з) *Шћ* из *ск*, *ст*, *шт* до нынѣ сохранилось в нѣкото- рых болгарских говорах, как в Дебрском *шчо* (из *что*, *што*

+*тлр-* в *кар-*. Вѣрнѣе будет исходить из явленія, в действительности коего несомнѣваюсь, т. е. встрѣчал его сам, именно из наклонности нѣкоторых дѣтей произносить род гортанной *ш* шипящей: заставляешь произнести *ишеница*, выходит *ишеница*, *на- женица*, при чем *ш* может быть или звуком средним между *ш* и *х*, или чистым *х*. Всѣ вышеприведенные примѣры спорадичны, а потому могут считаться происшедшими от вліянія отдѣльных лиц. Болѣе, так сказать, эпидемическое явленіе того же рода— переход *с* в общеславянское или діалектическое *ш*. В обоих случаях— движеніе по направленію, противоположному переходу гортанных в шипящія.

Иначе думает Миклошичъ:

„Хотя измѣненіе *к* в *ч*—праславянское, однако нѣкоторыя *к* незахвачены звуковым переворотом и сохранились до нынѣ. Так существует хорут. (pal.) *krez* при *črez* вмѣсто *kréz* и *črés*, первое основано на *kerz*, второе на *čerz*. Нов. слов. *krépa*, *ubit lopes*, при *čérp*. Мр. *kerез* при *через*. *Гърло* в праславянском зву- чало: *гърдло*, что сохранилось в чеш. *hřídlo* (*gerdlo*, *grédlo*), ко- его нельзя выводить из *žřídlo* (*žerdlo*); также, именно из *gerbъ* слѣдует объяснять ч. *hřibě*; ч. *hlíza*, *hlíza* при *žlízа* основано на *gelza*; подобным образом ст. сл. *крътъ talpa* — из *kert*; +*крътъ*, серб. *крт* крохкій—конечно (*wohl*) — из *kerts*: гот. *hardu*, греч. *κράτῆς*. Далѣе я думаю, что за основанія для *-апа* в *ишита* *пѣ- ршис*, для *ишити* и *кашити*, слѣдует принять *иш*, *ис*, *кас*, из ко- их первое имѣется в формѣ *иш-*, послѣднее — в *чез*“. *Altsl. Lautl.*³, 247.

Разномысліе идет здѣсь весьма далеко. Я пока невижу необходимости отступать от своего мнѣнія: *krez*, *krépa*, *kerез* — из *чръзъ*, *чръпа*, *через*: *гърло* не предполагает *гърдло*; *hřídlo*, *hřibě*, *hlíza*—из *žr-*, *žl-*; *крътъ* не из *керт-*; *ишита*, *ис-*, *кас* не предпо- лагают *иш*, *ис*, *кас*.

как в русс. говорах), Костурском—*Бобишча, Олишча; Корешча-кол* (Дринов в Период. спис. на Бълг. книж. друж., год. I, XI—XII, 159, 164; ср. Mikl. V. Gr. I, 289—90: къѣсе, дѣѣісіе). В других болг. говорах, со включеніем древ. ц. сл., *шт'* из *шч'* (=ск, ст) возникло многими столѣтіями раньше чѣм в чеш., м. б. еще до начала ц. слав. письменности. При этом ц. слав. язык сохранил в себѣ доказательства такого перехода, именно в формах, гдѣ ч этимологически дано. Из форм как *бес-чина*, которая, Mikl. V. Gr. I, 216, напрасно считает за „unaussprechlich" и „unrichtig" (мы чувствуем полную возможность различенія *сч* и *шч*, особенно послѣ гласных, и не можем в той же способности отказать писцу Супр. ркп. и пр.) возникает *беш-тина, шш-трѣва* (Mikl. ib. 215 — 6, 188). Эти послѣднія объяснимы без посредства полной ассимиляціи свистящей предлога и послѣдующей шипящей; но так как имѣются формы *и-чрѣва, бе-чина* (ib.) *бе-чину* (Срезн. Пам. русс. п. 195), и аналогичныя с ними *и-цѣлти, которыя* удобнѣе всего объяснять из *беш-чина иц-цѣлти*; то, сходно с предложеннымъ объясненіем *пешчи* из *печчи*, можно также объяснять и *беш-чина* из *беш-чина*.

2. з, зд.

а) Основное видоизмѣненіе этихъ сочетаній в русскомъ есть *ждѣж'* (небное дж': бредѣжетъ (брезг-), ѣждѣю), которое частью, по говорам, отвердѣваетъ и даетъ за тѣмъ *жж*, частью сохраняетъ мягкость (мѣстами и до нынѣ), откуда діалектическія формы *ж'ж'* (ѣжжю), *жд'* (ѣждю) *жс'* (стар. новг. дѣжгъ), см. в моей ст. Замѣт. о мрусс. нар. 81—5. Относительно *жд'* ср. на пр. костром. *можд'елѣнок*, теленок, собств. слабый, хилый (мозглый), мозгляк, как *телл* при скр. *таруна*, нѣжный, молодой, гр. *тѣрѣн*; мягкій нѣжный); обл. вр. *мождевельник, можжевельник, juniperus можжесуха*, сушоная можжевельная ягода. Относительно *жч* в стар. русс. памятникахъ см. I. с. 81—2 и Колосова, Очерк, 47, пр. 3; *щ* в *дощ*, встрѣчается в мр. говорах, в коихъ по общему правилу конечныя звучныя неизмѣняются в отзвучныя, но, какъ бы ни было, объяснимо только из *дождѣж*.

б) Что цер. слав. *ражднѣ*, — *ивожденъ* предполагаютъ

ж'дж, в этом убѣждают формы как *въжджелти* и пр., (Mikl. V. Gr. I, 188, 214) из ⁺*въж'д'ж'ельти*, *въз-желти*. Беру назад свое мнѣніе, что „русская форма *дждь*“ (первоначально двусложная) может быть только мнимо тождественна с такою же ц. слав. (Зам. о мр. нар. 83). Здѣсь может быть разница во времени происхожденія, но сходство процесса полное. Неудовлетворительно также ів. 82 выраженіе, что в случаях *иждити* (=из-жити) „ст. сл. язык опускает или, что на то же выйдет, перестановляет второе ж в ⁺*ижджити* (в галиц. св. 1144 г. *ижчивши*). Опушеніе есть здѣсь лишь движеніе *дж'* по направленію к *д'* (тому *д'*, что в русс. *дядя*), а перестановка здѣсь совершенно фантастична.

Предполагает ли нов. болг. *дѣж*, *виж* отвердѣніе конечнаго *жд* (*джд* серб. *дажд*) или же, по крайней мѣрѣ в нѣкоторых говорах, исчезновеніе *д* в *жд* произошло через посредство сильной палатализаціи, как в хорут. *dež*, род *dežja*, *drožje*, во всяком случаѣ эти формы предполагают *дждь* и, я думаю, *джд'ж'ь*, хотя, б. м. в хорутанском—с болѣе слабою ассибилаціею *дж'* чѣм на пр. в русском. Тоже о серб. *мождина* (мозг-) в коем *г* сочетанія *зг*, чтобы стать *д*, должно было перейти ступень *ж'г*.

б) В сѣверо-западных нарѣчія в общем—тоже. В поль. *mażdże*, *drużdże*, *drzażdże* (сред. р. от *drzazg-*), *gwiżdże*. Сходно с мр. *доц*, *доцу*, *вицати* (визг-) в поль. *brzeszczy się* (брезг-), *deszcz* (*deszczu* и *dżdżu*, что указывает на *джджь*) *dreszcz* (*дърѣ*). Кашеб. *jeżdże*. Полаб. *bresdjoje* (*taget*), т. е. *breždjoje* (Шлейх. P. Spr. 141, читает *brezg'o je*, что вошло бы в колею стар. сѣв. вр. *дѣжъ*). — Нлуж. *rozdze*, влуж. *Draždzany*. Чеш. *roždí* (*rozha*), *zmižditi* (*mizha*), *hyžděn*, *hviždí*, слов. *raždie*, *zmiažditi'* (но *družďati*)—из *žďž* с чѣм. ср. *šť* из *šč'*.

3. Основныя *сј*, *зј*=общеслав. *ш'*, *ж'* (*мишж*, *кажж* с первоначально небными шипящими) ¹⁾. Подобно этому

¹⁾ *ш*, *ж* перед *лј* (*мышлѣнь*, *кажлѣнь*) может быть, лишь явленіе діалектическое. Хотя в поль. *myślę* *і* и может быть из

первый шипящий звук в замѣнах *ск, ст, зг, зд* есть явленіе общеславянское. По отношенію ко второму элементу замѣн разсматриваемых сочетаній разница представляемая звуками *шч* (твердое), *ши, ш, шт'* (небное), *шт; ждѣж* (тв.), *жж, ж, жд'* (небн.), *жд, жг'* (небн.)—лишь позднѣйшая. Сомнѣніе относительно первичности шипящаго втораго элемента в замѣнѣ *зг, зг* может быть только относительно одного хорут. *ѣж*. Сомнѣніе это может и неоправдаться, т. к. переход от *ѣ* к *ж* через небное *г'* весьма возможен. Во всяком случаѣ это нарѣчіе немѣшает для *ск, ст* принять общеславянское измѣненіе *ш'ч'* (*ш'ћ*). Шипящій характер втораго элемента условлен таким же характером перваго. Здѣсь, как и выше, относительно замѣн *к, г + ти*, можно принять два момента ассимиляціи: регрессивный и прогрессивный.

Еслибы в предположенном выше западно славянском *+пеци* (=пек-ти) *ти* когда либо прежде возымѣло силу превратить гортанную в шипящую, то вѣроятно получилась бы форма не *пеци*, а *печи*, подобно тому, как в нов. поль. от *szcić*—не *szce* (что могло быть возможно пока *ч* и *ц* раздѣлялось остатком глухой гласной), а *szczę*. Так как западно слав. *ц* (=тj) я пытаюсь объяснить тоже *ц'ц'*, а *дз* (=дj)—из *дз'дз'*, то из невозможности предположить шипящую для поль. *pies* для меня вытекает такая же невозможность для *świeca, przędza*. Мнѣ кажется, что изслѣдователи заключающіе от *chłoszczę, gwizdę* к предшествующей ступени *ч, дѣж* в *świeca, przędza* недостаточно принимают в соображеніе между прочим особенность характера измѣненій основных *ст, зд*.

Другое заключеніе относительно происхожденія цсл. болг. *шт, жд* (=тj, дj), основаннаго на измѣненіи *стj, здж* откладывая до слѣдующаго.

š' (ср. *dušić*, душити), но может быть и нѣт. Подобным образом м. б. лишь діалектична ассимиляція зубных перед *рj* (ц. сл. съмошрж, оумждрен, Mikl. Gr. I, 187). В русс. литер. *мышлю*, но *казню; смотрю, бодро*.

VI.

Измѣненія тј, дј = ч. сл. шт, жд.

1. По господствующему мнѣнію, *шт, жд* в *свѣшта, межда* и т. п. объясняются из перестановки *тш, дж*, которая будто бы подтверждается Дорійским βροδα при βρζα. Признаюсь, теперь мнѣ это объясненіе непостижимо: а) В этом случаѣ предполагаемая перестановка обнимает весь ряд однородных звуков. Другого такого примѣра в области славян. языков нѣт. По крайней мѣрѣ, сколько извѣстно, никто его не указал. Обыкновенно перестановка является лишь как отдѣльный случай, как исключеніе: из мазов. *rzioda* (*środa*), словац. (Гемер. и др.) *zväť* (взял), серб. *свѣ* (всѣ), мр. *шевля* (заблуд. шалвея, *salvia*) неслѣдует что в тѣх же говорах так перестановляется всякое *śg, vz, vs, lv*. Столь же единичны такіе случаи, как мр. *ведмидь* (медвѣдь), *колѣни*, род. *колѣнь* (кобрин. у. гродн. г., вм. конопля, конопель), *тверезий*, вр. *тверезый* (терезвый), *намісто* (у Гуцулов в Буковинѣ *монество*). б) Допустим однако удивительное, что *всякое тш, дж* (=тј, дј) перестановляется. Такой процесс предполагает существованіе в языкѣ раздѣлимых обыкновенным сознанием элементов *т-ш, д-ж*. Но такая раздѣльность нисколько неподтверждается нѣмѣшним славянским и, если не ошибаюсь, романским произношеніем *ч, дж*. Это, как уже упомянуто (I), звуки совершенно цѣльные и весьма отличные от сочетаній *т-ш, д-ж*, которыя тоже встрѣчаются. *Дж, дж'* мы

изображаем двумя буквами лишь чтобы неводить новых начертаний, а не то, если дадим волю своему стремлению к точности, придется потребовать, чтобы читатель для всякаго нашего фонетическаго изслѣдованія выучивался новой азбукѣ, рискуя потомъ прийти к выводу, что игра нестоила свѣчей. Если нѣкогда *ч*, *дж* состояло из двухъ явственныхъ элементовъ, то это должно быть доказано не одною нѣмецкою транскрипціею; если нѣтъ, то в *ч*, *дж* столь же невозможно перестановка, как и в *т*, *д*, или в *т'* *д'*, или в *ћ*, *ѣ*. в) Допустимъ однако, что равенство *ч* и *шт*, *дж* и *дж* доказано. В такомъ случаѣ и брусс. *ц' = т'с'*, польс. *с = ц' = т'с'* и т. д. Что это за странный языкъ *ц. сл.* и *бол.*, который перестановляетъ элементы *тш*, *дж*, вмѣсто того, чтобы слить ихъ в цѣльные *ч*, *дж*, или упростить еще болѣе, что требовалось бы, по видимому, удобствомъ произношенія? И какъ это случилось, что в слав. нар., столь богатыхъ звуками этого рода, мы встрѣчаемся часто со случаями упрощенія, в родѣ хорут. *теја*, н. луж. *chojziś (= chodzić)*, и ни разу, кромѣ спорнаго случая, с перестановкою? Не простиительно ли искать другого пути для объясненія *шт*, *жд*?

2. Сказанное выше (IV, V) даетъ возможность ввести в изслѣдованіе новыя данныя. Если счесть маловѣроятнымъ предложенное выше объясненіе *пешти* из *печчи* через *пешчи*, то все же по меньшей мѣрѣ вѣроятно слѣдующее соображеніе: *шт*, *жд* происходятъ с одной стороны из *ск*, *з*, *с-ч*, *з-ж* (*штити*, *ждити*), с другой стороны—из *ст*, *зд*, *т*, *д*. Несомнѣнно, что в первыхъ 4-хъ случаяхъ *шт*, *жд* должны были перейти черезъ ступень *шч*, *ждж*. Отсюда вѣроятно, что они перешли ту же ступень и во вторыхъ 4-хъ. К этому теоретическому соображенію присоединяются свидѣтельства. М. С. Дриновъ говоритъ: „я имѣлъ случай слышать своими ушами, что многіе македонскіе Болгаре произносятъ *ш* не какъ *шт*, а какъ *шч* или *сч*“ (Период. Спис. год I, XI—XII, 204). Хотя, к сожалѣнію, примѣры, встрѣчающіеся в напечатанныхъ образцахъ, записанныхъ Дриновымъ (см. выше), недостаточны, но все же из этого одного свидѣтельства можно заключать, что произношеніе *шт* или *шт'*

которое древнѣе (шумаштю, Будил. Изслѣд. XIII Сл. Григ. Богосл. 12 и др.), никогда небыло общеболгарским. Извѣстно, что на Руси с незапамятныхъ временъ существуетъ преданіе, что ц. сл. щ или ш слѣдуетъ произносить какъ *шч*, при томъ не только в словахъ, ставшихъ обычными в русскомъ языкѣ, но вообще, безъ исключеній в пользу *шт* или *шт'*. Проф. Лескинъ говоритъ: „Вездѣ, гдѣ русс. языкъ, вм. свойственнаго ему ч (т. е. тш), позаимствовалъ изъ ст. болгарскаго *шт* изъ *тј*, вмѣсто этого *шт* является *шти*, *шч*. Это можно понять только предположивши, что было не *шт*, а еще *штј*, в коемъ *тј* согласно съ русскимъ правиломъ измѣнилось в ч, такъ что возникло *шч*, на пр. изъ *дѣлажштмаго* (*štjago*)—*dělajaštšago*. И тамъ, гдѣ русс. яз. удержалъ ст. болг. *жд*, в произношеніи слышится иногда *ždž*. Оно встрѣчается по Буслаеву в русс. пам. XII в., на пр. в *дѣжць*, и должно объясняться такимъ же образомъ“ (Beitr. VI, 164). На мой взглядъ ж какъ звукъ, а не какъ знакъ небности предыдущей согласной, не могло существовать на пр. в -штја- (изъ тја) послѣ того какъ оно ассимилировало предыдущую согласную. Допустимъ однако сочетаніе *тја*, *тје*, то есть по русс. пониманію *тзя* или *тъя*. Сколько извѣстно, в историческое время нѣтъ такого русскаго закона, по которому бы на пр. *щастье* (-st'je) преобразовывалось в *щаще*, а тѣмъ менѣе *платье* (-t'je) в *плаче*. Допустить прогрессивную ассимиляцію со стороны ш в сочет. *штя* (*štja*), а тѣмъ менѣе в *шта*, какъ стремленіе повсемѣстное, тоже трудно. Правда, есть два примѣра, именно діалектич. *що* изъ *штѣ*, *што*, *что* (Два изсл. о зв. 70, 87—8, 135) и ситск. *ѣщо* изъ *ѣштѣ*, *ѣжѣте* (ib. 88); но рядомъ съ этимъ существуетъ совершенная легкость произношенія *шт* (в што = что не менѣе, какъ съ XIII в.; Грам. Смольнян 1284 г. Собр. гос. грам. и договоровъ II, 6) и свойственное многимъ говорамъ стремленіе превращать свое собственное щ в *шт* (шти, штепка). Если человѣкъ привыкъ на пр. къ своему *жди* (отъ ждаты), то зачѣмъ ему превращать ц. сл. *гашти* в *гащи*? Поэтому мнѣ вѣроятно, что ц. сл. *шч*, извѣстное уже в весьма древнихъ памятникахъ (в Слов. Григ. Слов. *имжиче* и еще 10 при-

мѣров, Будидов. I. с. 24), в первые вѣка христіанства было, если не единственным, то почти всеобщим в Болгаріи, и болгарскими учителями занесено на Русь. Этим наиболѣе удобно объясняется всеобщность русс. щ=шт. Само собою, что это ш'ч' было небо.

Что до жд, то здѣсь на против общее правило требует его произношенія как жд: надежда а не -жджа. Дѣжчъ, как и ⁺дѣждѣжъ есть форма русская, незаимствованная. В основаніи этого слова может лежать лишь ф. с зг или зд, что одно только дѣлает возможным отсутствіе в ней диалектич. различій. Исключенія из правила жд=жд весьма рѣдки: в юресс. поуч. Ефр. Спр. XIII в. *тужчими* (т. е. тужжими), Срезн. Свѣд. и зам. гл. VI, 50). Можно думать, что в самом болг. ж'дѣжъ гораздо раньше превратилось в ж'д' (небн.) и жд, чѣм шч' в шт' и шт.

3. И так мы можем спрашивать не о том, как возникло шт (довольно ясно, что оно — из шт', а это из шч'), а о том, как произошло шч' (=тj), герм. ждѣжъ (=dj). На этой точкѣ стоит г. Кочубинскій с тою особенностью, что по его мнѣнію русское ч (=тj) предполагается всеми славянскими нарѣчьями, это ч=ти, в ц. слав. же „шипящій звук послѣ т (в тш) вызвал впереди второе шипѣніе.“ В доказательство первенства ч перед шт в болгарском он приводит из Супр. реч. (243) „сжштимъ въплъчениимъ“ и из Дебрекой пѣсни, записанной Дриновым, *тѣчеше*. Об этом рѣчь ниже. Для оправданія перехода ч в шч г. К. ссылается только на мр. *шчо* (Основн. вокализ. I, 50—1), которое однако образовалось вовсе не из чо, как думает г. К., а из што, а это из что, что ¹⁾. Я тоже не нахожу аналогій, кромѣ рѣдких спорадич. случаев, которые могут быть чисто личным недоразумѣніем: *Шурцла* (вм. Чурцла, Гильфердинг Емдины 523, —7, м. б. в силу сближенія его шурить), *щетоы* (Рыбц. IV, 59). Другіе примѣры (Колосов, Матер. для характеристик. сѣв. вр. нарѣч. 30) объясня-

¹⁾ Считаю ошибочным предположеніе, что шчо — из ч'чо (в моей ст. „Разбор соч. Житецкаго „Оч. вв. ист. мр. нарѣч.“ 74.

ются иначе: *щанъ* из *дщанъ*, а не из *чанъ* (которое из *ччажъ*), *перчатки* не из *перчатки*, а из перстьчаты, перстьчаты (рукавицы); *помущается*, *пещеры* — заимствованія из книжнаго языка, а не фонетич. преобразованія форм *помучаеши*, *пещера*.

Совѣм на оборот думает Колосов (Очерк и пр. 47): „из *шч* могло явиться *ч* через уподобленіе перваго элемента второму: свѣшчя=свѣчча=свѣча.“ Здѣсь я считаю маловероятнымъ переходъ длительнаго, болѣе легкаго для произношенія *ш* в сочет. *шч* в одновременное *ч*, обратно стремленію мн. русскихъ говоровъ измѣнять *щ* в *шш*, *ш*.

Нѣчто подобное относительно *жд* — в Бусл. Гр. § 36, прим. 6: „смягченіе *д* в *жд* свойственное ц. сл. языку *уцѣльлю*.. на пр. в арх. *урождай*, пск. тв. пенз. *забижда*ть. (обижать), твер. *поваждать* (давать повадку), сиб. *прихождане*, *неурождай*, ряз. *обижда* (обида), *обиждать*. Особенно любопытенъ в областномъ языкѣ остатокъ ранняго ц. сл. смягченія *жд* вм. *жж* в одон. *прѣждял*, *праждял*, Рыбн. II, 253, 255,“ К этому прибавлю из Колосова, Зам. о яз. и народ. поз., Отч. 5, губ. арханг., вологод., перм., 48: *урождай* (в. устюж., сольвычег., ирбит.) *прихождать* (тотем.), *прихождане* (и *прихожане*, арх.), *обвождать* лошадь (тотем., *обводить*; не *обвожжать* ли?), *горождане*, *обижаться* (тот. кадн.), *сѣждене* (тот. сѣденье); в одномъ *ублаждать* (тот. кадн.) *жд* из *г*.“

Прежде всего неслѣдуетъ смѣшивать *жд* из общерусс. *ждж* из *зд*, *зг*, как в *прѣждял* (-ѣждял, -ѣждял, -ѣждал) с *жд* из *дж*. За тѣмъ это послѣднее в русс. говорахъ никакъ не можетъ считаться уцѣльвшимся отъ того времени, когда в этомъ отношеніи небыло разницы между ц. сл. (болг.) и русскимъ. Ни русскоѣ *ч*, *дж* = *ж* немогли возникнуть из *шт*, *жд*, ни на оборотъ. Областное спорадическое русское *жд* допускаетъ двоякое объясненіе: Или это „дѣльной мысли раздраженіе,“ заимствованіе из книжнаго языка, как *младъ* и др., в пользу чего говорятъ формы образованныя по ошибочной аналогіи, как *обижда* (обида), *ублаждать* (благ), *сѣжденье* (ср. впроч. и в поль. *jedzenie* при *jecha*,

wiedza), а равно и то, что в малорусс. ф. с *жд* почти исключительно в слѣпецких думах и псалмах (на пр. в Зап. о юж. Руси I, ненахождали, знахождае, вхождае, 53, 57, 59), или же — что предыдущее объясненіе вѣрно лишь отчасти и что ф. как сѣв. вр. *урождай* образованы самостоятельно через *дж'дж*, *жд'*. Второе объясненіе нахожу маловѣроятным потому, что, судя по *жд'* и *жж* из *зд*, *урождай*, если бы было заимствовано, должно бы звучать аналогично с русс. *вожджи*, *вожди*, *вожжи* (пишут иногда *вожи*; ср. поль. *wodze*, литов. *wadzios*), именно *урожджай*, *урождаи*.

4. При равенствѣ прочих условій, которое установить, конечно, нелегко, объяснять форму русскую из ц. слав. и на оборот, болѣе рискованно, чѣм возводить ту и другую к третьей, ими предполагаемой. По этому правилу ни *юлова* из *глава*, ни на оборот. Т. о. я пытаюсь принять за общую русско-болгарскую форму основного *тj—ч'ч'* (как и для *+к-ти—ч'ч'и*), а основного *дж—дж'дж'*. Отсюда мнѣ кажется легче вывести с одной стороны *шч'*, *ждж'* и *жн'*, а с другой русс. *ч'*, *дж'* (небн.).

Быть может еще в XII—XV в болгарском на мѣстѣ *шт* или *шт'* слышался звук удвоенный. В этом смыслѣ можно понимать то, что в Норов. псалт. относимой к XIII в., при *шт* (просоештаеть) и *щ* (нощиж), стоит *щт*: на сѣдалишти, нощиж, при исходиштихъ (Срезн. Пам. юс. письм. 61, 211). Другой такой памятник—статья болгарскаго происхожденія, со слѣдами большой древности языка в Сборникѣ XV в. Моск. Общест. Истор. и Древн. № 180 (Бусл. Ист. Хр. 151 — 8, 641 — 56), гдѣ рядом с *шт* и *щ* (ib. *жд'*: надежду 157, 20) находим и *щт*: немьщтенъ 156, 10, приѣмъщающтаго 156, 31, ништии 157, 13, аште 157, 14, истъщтити 157, 17. Один раз замѣтил я *щ* вм. *ш*: богатѣйщж 157, 9, гдѣ м. б. просто описка, а не произношеніе, как мѣстами в мр. богатѣищій.

5. Предполагаемое удвоеніе *+свьч'чл* и т. п. находят слѣдующія аналогіи:

а) В вост. мрусс. *ј* в оконч. *је* из *-иѣ* (герср. им, ию,

цји) удвояет предыдущую согласную, между прочим зубную, при чем само, как самостоятельный звук, исчезает: *плат'тя* (=t't'a) из *-тие*, *колод'дѣ* (d'd'a) из *-дие* (Два изсл. о зв. р. яз. 131). То, что здѣсь невозникают ни свистящія, ни шипящія звуки зависит от свойства *ј*: при болѣе зубном *ј* получаютя формы с *ц'ц'*, *дѣдѣ*, встрѣчаемыя мѣстами в брусс.: *плац'це*, *колодѣдѣ* (Носович, Бр. Слов.; Два изсл. о зв. 72); при болѣе заднем *ј* получилось бы *ч'ч'*, *дѣдѣ*.

б) В древ. греч. *τј* между гласными дает или аттич. *ττ* (*κρεττον*), которое могло возникнуть через форму=мрусс. *т'т'* в *плат'тя*, или *σσ* (*κρεστων*, *κρεσσων*). Мнѣ кажется, что в последнем случаѣ *σσ* объяснимо лишь через ф.=брусс. *ц'ц'*, при чем переход *ц'* в *с* (*ś*) и *с*—как в нлуж. *chojziś* (*chodzić*), сѣв. вр. *ясной*=*ьясной*=*яцьной*=*ячьный* (ячменный). В мр. и брусс. первый элемент удвоения *т'т'*, *ц'ц'* столь же небен, как и второй. Поэтому затруднительно принять предположеніе Курціуса, что в греч. сначала *+μελιττα* (с мягким *z*, из *+μελιτја*), за тѣм, „durch den verhärtenden einfluss des τ.“ — *+μελιτσα*, откуда с одной стороны в силу прогрессивной ассимиляціи *μελιττα*, с другой, в силу регрессивной, *μελισσα* (Grundz. d. Gr. Et.² 593). Признаваемая „общепризнанным фактом“ перестановка *ι* (*j*) на сю сторону *λ*, *μ*, *ν*, *ρ* (*οφελω*, *κτείνω*, *φθειρω* из — *λјω* и пр.), а также в случаѣ *κρεσσων* (Curt. ib. 609—10) с точки брусс. *прѣйци* (проти(v)), н. луж. *chojziś* представляется не перестановкою *ј* (ибо в *прѣци*, *choziś*, звука *ј* вовсе нѣтъ), а возникновеніем его в силу небности *ц'*, *з'*. Эта небность при этом может оставаться, как в приведенных примѣрах, из чего слѣдует, что появленіе *ј* спереди согласной не есть вознагражденіе за потерю небности. За тѣм может слѣдовать отвердѣніе согл., как в одном из словац. говоров: *тајс* (из *таѣ*). *тајсери* (=таѣери), *хојсцина* (*hosčina*), Šemb. Zakl. Dial. 78. Вот еще нѣсколько примѣров этого рода из области ю. слав. нарѣчій. В Крижевацкой границѣ: *на vгајнѣицу коћу* (Različ. dela Iv. Kukuljevića Sakcinskoga, IV, Zagr. 1847, 133), *ојсѣш ли*

(хочешь) 134, 135 (но неси), моїмъе (134 et pass., из +мом'че с ж небн.), štraįnga (139, из штрајнга, der strang); aingeſi, Mijaјla arkaįngela (186, Коррѣница, u krіž. v orn.).

Если ζ из ђ в ђζω (и в соответствующих из ѣ (через ђ) и из ј через ђ) предполагает удвоение, что можно предположить, судя по $\sigma\sigma = \tau\tau$ и по $\delta\delta = \delta\delta$ в некоторых древн. греч. говорах (хриѡѡѡ при хриζειν, stridege, Curt. Grundz.² 348—9), то для ζ одна из предшествующих ступеней = брусс. дзѡз, а для $\delta\delta = \text{мр. } d'd'$. Мнѣніе, что беогійск, ѡѡѡѡ произошло из $d\delta$ в ѡѡѡѡ, жну, подобно тому, как будто бы, $\tau\tau$ — из $\tau\sigma$ (Grundz.² 598), кажется менѣе вѣроятным.

Эолийское $\beta\rho\iota\sigma\delta\alpha$ (при общем $\rho\iota\zeta\alpha = \text{Fr}\rho\iota\zeta\alpha$) принимается за перестановку из $-\zeta\alpha$ (Schleich. Zur vergleichend. sprachengesch. и Compren.¹ § 184, 4; Curt. Grundz.² 628) и приводится как единственное доказательство существованія перестановки ζ , $d\zeta$ в *шт*; ζd в ц. сл. и болгарском; но б. м. это σd должно служить аналогіею не для перестановки $d\zeta$ в ζd , а лишь для превращенія перваго элемента удвоенія $d\zeta d\zeta$ в *спігана*. Именно $\beta\rho\iota\sigma\delta\alpha$ и эол. $\sigma\delta\upsilon\sigma\upsilon\upsilon\upsilon\upsilon$ (при общ. $\zeta\upsilon\sigma\upsilon\upsilon\upsilon = +d$ -югам) Curt. ib., м. б. из $\text{Fr}\rho\iota\zeta\alpha$, $\zeta\zeta\upsilon\upsilon\upsilon\upsilon$, т. е. с первоначальным небным $d\delta d\delta$, откуда $\zeta'd\delta'$ $\zeta'd'$ ζd ; ср. выше, стр. 12, хорут. *stezda*. Конечно, удвоеніе из $d\zeta$ не между двумя гласными, а в началѣ слова ($\sigma\delta\upsilon\sigma\upsilon\upsilon\upsilon$) должно быть явленіем довольно рѣдким по затруднительности произношенія. В слав. языкѣ неизвѣстно для этого ни одного достовѣрнаго примѣра, ибо *жедеюуть*, встрѣченное Миклошичем один раз в пам. XIV в. (Lex. s. v.) и возводимое Шмидтом к корню *dash* через *djar* (Beitr. VI, 140), само нуждается в подтвержденіи. Оно может быть неправильно отвлечено писцом из форм как *иждеж*, *раздетж* (т. е. иж-д-жеж и пр.) или же из форм, в коих в силу исчезновенія υ в *жьж* (жг-) развивается *жаж'* откуда *жа'* (серб. од образа *зажди* Пeverдана; т. о. и *уждити*, *свждити* и пр.) (Ch. Mikl. Altsl. L.³ 246). Точно также и *dž* в поль. *dźgac* (русс. жигать) может быть того рода что в *джельзо*, но не того, что в мр. *меджа* = *miedza*.

Как бы ни было, но на удвоение начального звука в греч. говорах указывает и написание Ττῆνα (Тῆνα=Δῆνα=Ζῆνα при Δεός=Zeός, Curt. ib. 547).

Перестановку, обратную предполагаемой в βρόδα, именно од в да Шлейхер (Zur vergl. Sprachgesch. 159) принимает для Αθήναζε в м. -ασ-δε. Однако и здесь можно обойтись без перестановки, предположив из основного -зде формы *здз'* и *дз'*, а так как ζ превращается в чистую *srigans*, то и з. По поводу этого слѣдующее:

„В нѣкоторых мѣстностях (около Рагнита), говорит Шлейхер, в м. *zd* слышится чистое *z*: *barza*, *laza*. И у рыбаков Куришгафа я слышал только *veizét*, наст. *vėizu* в м. *veizdėti*, *veizdzu*“ (Lit. Gr. § 23, 7). К этому прибавлю, что и в жмудском букварѣ, на который я ссылаюсь выше, хотя *лазда* палка, *жвайзде*, звѣзда, *омздис*, *вамздис* дудка, но и *вамзис* ib. 27, *привейзты* присмотрѣть, *вейзу* смотрю, *нар неансвейзейма* по неосмотрительности, *навейзейма* взгляд. По мнѣнію Шлейхера (l. c.) это явление объясняется тѣм, что из *d* образовалось сначала *dz*, из коего в одну сторону чистое *z*, в другую перестановка *zd*, как в греч. *σσ* из *ζ*, в цсл. *жд* из *дж*. „Замѣчательно однако, что это *zd* в литовском вызвано не слѣдующим *j*.“

Т. о. Шлейхер принимает за обще-литов. форму не *barzda* а ⁺*bardza*, построенную чисто теоретически, однако необъяснимую, за отсутствием этимологически-даннаго *j*. Поэтому можно попытаться думать иначе. *zd* в *barzda* из *dzd*, а это из *dd* (как в *vez-dinti* *vėz-damas* от *ved*). Гдѣ *dd* недано этимологически, там оно могло возникнуть из *d* вслѣдствіе неизвѣстных тонических условій, б. м. подобных тѣм, которыя заставляли между прочим стар. хорват. писателей удвоить согласную, слѣдующую за болѣе тяжким удареніем. Ср. также изрѣдка в поль. *Bibl. Zofii paddło*, 166, *ukratdli* 166. Предполагаю, что такое сначала малозначительное удвоение могло дойти до дифференцированья своих стихій. Б. м. поль. *wszystko* из *wšittko* (стар. поль. формы с одним *t*, как *wszitka*, *Bibl. Zofii* 167 обычны), а чеш. *všesko* из *všetstko*, *všettko*, *všetko*. Затѣм литов. *zd*,

даёт $+zdz$, откуда $+zz$, z : $+veizdzéti$, $+veizzéti$, $veizét$. Вышеприведенное *lazda* при *вамзис* показывает, что здѣсь нужно смягченіе и что для объясненія *barza* (= *barzda*, борода) нужно $+barzda$.

в) Романскіе языки представляют массу случаев превращенія неударяемаго *e*, *i* перед гласною в *j*, образующее с предыдущею согласною многообразныя новыя сочетанія, из коих отмѣчу:

а. *tj* между гласными послѣ ударенія = итал. *zz* (из $+ц'ц'$: *giustezza*), исп. *z* (отзвучная, почти *spirans*, с чуть замѣтным притяженіем языка к зубам: *dureza*), франц. *ss* (*justesse*), отношеніе коего к итал. *zz* объясняет греческое $σσ = tj$.

β. *dj* (с латинскѣм *d*, а равно и *j*, *gj*, *bj*, *vj*) между гласными послѣ ударенія = итал. *ggi* (т. е. первоначально $\widehat{d\ddot{z}}\widehat{d\ddot{z}}$ или $\widehat{t\ddot{t}}$: *seggia*). Итал. *seggo*, *veggo* (*sedeo*, *video*) предполагают небное $\widehat{d'd'}$ и его переход к гортанному порядку. Франц. *ж* из *dj* через $\widehat{d\ddot{z}}$ (*siege*) относится к *ss* в *justesse*, как греч. ζ в $\zeta\omega$ к $σσ = tj$. Исп. *y* (= *ij* т. е. $+jj$) из *dj* (*royo* = ит. *roggio* = *rodium*) аналогично с хорут. *meja* ($+mejja = ц. сл. межда$).

β. Итал. *dj* с другим *j*, отличным от предыдущаго, болѣе зубным, = *zz* (v. z.) со звучным *z* (по Дицу *dz*, но скорѣе $\widehat{dz} = \widehat{dz}$), происшедшим вѣроятно из сочетанія в родѣ брусс. $\widehat{d\ddot{z}}\widehat{d\ddot{z}}$ (\widehat{dz} небн.): *mezzo* (*medius*), *razzo* (*radius*). Условія при которых между двумя гласными — одно *z* (*bazzo* = *badius*) неясны. Все это аналогично с западно-слав. $\widehat{dz} = z$ (= $+dj$).

6. Ц. сл., болг. *шт*, *жд* (т. е. первонач. $\widehat{шч'}$, $\widehat{жд\ddot{ж}}$ = *tj*, *dj*) двойким образом наводят на предположеніе для них переходной ступени $\widehat{ч'ч}$, $\widehat{д\ddot{ж}}\widehat{д\ddot{ж}}$: во первых тождеством *шт* = *tj* с *шт* в *нешти*, которое, по предложенію, из $+неччи$; во вторых самим своим видом *шт*, *жд*, необъяснимым посредством перестановки из $\widehat{ч}$, $\widehat{д\ddot{ж}}$.

Для остальных слав. нарѣчій имѣет силу только первое из названных основаній: если для *нешти* и пр. нужно предположить, как предыдущую ступень, шипящую из *к* в

+некти и если т. о. ħ в нећи предполагает болѣе сложный звук (ħħ?), то можно предположить и для ħ в свијећа тоже самое. Т. о. вся гипотеза относительно замѣн тј, дј слѣдующая:

- а) { цсл. свѣшта из -штѣ, шч'я, ч'ч'я,
 межда из -ждѣ, -жджѣ, дж'джѣ;
 русс. свѣчѣ из -ч'ч'я, междѣ из дж'джѣ;
 серб. свијећа из -ħħа, мећа из -ħħа,
 хорут. свѣѣа из -ч'ч'я, теја из тејѣа, а это из ħħа,
 близкаго к сербскому.

б) запад. слав. свѣса из ц'ця, medza (resp. z) из— дз'дз'а.

Общій характер первой группы тот, что ј в ней болѣе заднее, между тѣм, как во второй — зубное.

Позднѣйшее прим. В частностях здѣсь нужны поправки. Хорут. -ѣа—из -ч'я, но удвоение могло существовать не на этой ступени, а на предыдущей, когда на мѣстѣ ч стоял звук, изображаемый во фрейзинг. ст. посредством к. Несомнѣваюсь, что в *chöki* (=хочу) немогло стоять ни твердаго к, ни того, которое в русс. -кѣ. Ср. Mikl. Altsl. L.³, 223. Взгляды этого ученаго на шт, жд и пр. ib. 215, 218—19.

Выводить ж в божѣ из з в бози, бозь, или на оборот, значило бы предполагать, что зватель. божѣ находился когда либо в тѣх звуковых условіях, которыя произвели з в бози, или на оборот. Подобно этому группы а) не слѣдует выводить из б), ни на оборот, ибо онѣ относятся друг к другу приблизительно, по общему характеру звуковых наклонностей, как божѣ к бози. Так и в группѣ а) главнѣйшія діалектическія различія предполагают не друг друга, а лишь общую исходную точку.

Недумаю, чтобы что либо в этом родѣ могло быть доказано „unwiderstehlich,“ но, сколько могу судить, изложенное предположеніе требует новых опроверженій, а не повторенія наличных.

7. За тѣм обращаюсь к мнѣніям г. Кочубинскаго, Основн. вокализация и пр. гл. III, „Судьбы ѣ и сочетаній т, д, +ј как основа классификаціи,“ при чем ѣ я оставляю в сторонѣ.

Г. К. думает, что русскіе *ч*, *дж* (из *т*, *д*) предполагаются всеми славянскими нарѣчіями. Главный аргумент — сходство русс. *ч*, *дж* с литовским (*пучю*, *аудѣю*), откуда заключеніе, что это сходство возникло до раздѣленія славянолитовскаго языка.

При этом принимается, что существующія жмудск. и лит. формы этого измѣненія *t*, *d*, изображаемыя посредством *ti*, *di* (*jautiu*, *zodiu*, Шлейх.) или *tj*, *dj* (что сбивчиво) „представляют случайное совпаденіе с формами доисторическими“ (Осн. вок. 52). Однако а) такого совпаденія м. б. вовсе нѣтъ, ибо ф. *путью*, *аудю* по небности зубных и по отсутствію явственнаго *j* столь же далеки от основных *tj*, *dj* (с зубными *t*, *d* еще неподверженными вліянію *j*), как и формы ассимилированныя; б) формы *путью* и *пучю* могут относиться друг к другу приблизительно как поль. *piśanie* (нѣ) и вост. мр. *писан'ня*, или как *lub'ę* к *люблю*: *-тю* и пр. может непредполагать *-чу*. Происхожденіе *-тю* из *-чу* и т. п., не может быть выводимо из того, что *ч'*, *дж'* весьма древни, т. к. предполагаются латышскими *ш*, *ж* (*пушу*, *аужу*); нужно было бы знать, существует ли в говорах с *тю*, *дю* стремленіе измѣнять *ч'* в *т'*, на пр. в *чяудми*, *чюсти*, чихать. На оборот, вывести *пучю* из *путью* также трудно, как мр. *видю* из *видѣю*, с тою разницею, что *путью*, *аудю* вѣроятно возникли фонетич. путем из *tj*, *dj*, а *видю* — по аналогіи, без всякой связи с доисторическим *dj*, которое, по звуковым вост. мр. стремленіям, дало бы *вид'дю* (как *суд'дя*, *суд'дю*).

Сравненіе русс. *ч*, *дж* (из *т*, *д*) с литовским у г. К. изолировано. При сравненіи болѣе обширных и полных рядов звуковых явленій, между литовским и русским оказывается даже нѣкоторая противоположность. Если устранить завѣдомо позднѣйшую небность гортанных в врусс. (*рукѣ*, *ногѣ*, *пекѣш*, *могѣм*), то в русс., как и во всех славянских, гортанные переходят в шипящіе и свистящіе уже при таких условіях, которыя недостаточны для подобнаго измѣненія зубных; *тѣ* и другіе в русс. аналогично измѣняются в шипящіе лишь под вліяніем этимологическаго *j*,

так что *брыждѣю* (брызг) = *ъждѣю* (ѣзд). Совѣм иная система звуков сказывается в том, что лит. зубные превращаются в шипящія при тѣх условіях, при которых гортанные непосредственно смягчаются: *jauscù* (jaut - чувствую), *audžù* (aud - тку), *grumždžù* (grumzd - грожу) при *klikiù* (кличу), *smáugiù* (душу), *treszkiù* (жму), *rezgiù* (вяжу). Тот же порядок предполагается латышским в коем вм. небогортанных — ц, дз. Отсюда видно, что литовско-латышскій языкъ представляет в замѣнахъ dj, tj лишь явленія аналогичныя, а не тождественныя со славянскими.

8. Одно изъ доказательствъ, приводимыхъ Бодуэномъ де Куртене (О древнеп. яз. § 37) в пользу того, что поль. *c, dz* (= *tj, dj*) возникло изъ *ч, дж*, состоитъ в том, что в поль., как и в русс., *stj, zdj* = *šč, ždž*. Г. Кочубинскій (Осн. вок. 40 — 1, 50, 64) распространяетъ заключеніе отъ измѣненій *ск, см, зі, зід, +j* къ измѣненіямъ *т, д + j* на всѣ славянскія нарѣчія. Я уже упомянулъ (V, 3), что по такому способу заключенія вліяніе начальной свистящей в *ст* и пр. сравнивается с нулем. Между тѣмъ измѣненія *ст, зід* во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ болѣе сходны между собою, чѣмъ *т, д*, именно потому, что заключаютъ в себѣ *с, з*, которыя сами по себѣ +j даютъ во всѣхъ слав. нар. измѣненія *ш, ж*, до неразличимости сходныя.

9. Г. Кочубинскій, отвергая мнѣніе, что серб. *ћ, ѣ* тождественно с праславянскимъ *тj, dj* [с чѣмъ невозможно несогласиться в виду очевидности того, что *т + j* — два звука, а *ћ* — одинъ (чего впрочемъ г. К. не признаетъ), а также — в виду невѣроятности того, что бы звукъ могъ оставаться неизмѣннымъ тысячу лѣтъ и больше], старается свести на нѣтъ разницу между русскою и сербскою замѣною *tj, dj*: „*ћ* = русс. *ч*, но болѣе мягкаго выговора“ (39); „*ћ* можно понимать, какъ своеобразное позднѣйшее видоизмѣненіе *ч*“ (41); „*ч* = шт, *ћ* = шт’“ (43); *ѣ* есть своеобразное *дж*. Такъ какъ русс. *плачу́* предполагаетъ *плачу*, а мр. *видѣчу* — *видѣчу*, то для г. К. разницы между серб. и русс. в этомъ отношеніи недолжно бы быть. Мнѣ же кажется, что разница между этими нарѣчіями в этомъ существовала все-

гда до самой предположенной выше (6) их исходной точки. Это сказывается, я думаю, в смѣшеніи *h* с *k'*, *h* с *i'* (хоку, мегю), между тѣмъ, какъ русс. *ч*, *ж* = основ. *tj*, *dj*, сколько извѣстно, никогда и нигдѣ не обнаруживали такого родства. Звук *i'* в ст. серб. *мею* несомнѣнно чуждъ русскому языку, но онъ является лишь из *j*, а не основнаго *d*, и именно в ст. русс. Гюргевичъ, Гюрги (Ип. лѣт. pass).

Ссылаясь на Карадж. Посл. XXXI, гдѣ сообщено, что около Сепя и Рѣки *ж*, *ш*, *ч*, *h*, *ц*, *h* выговариваются какъ *з*, *с*, *ц*, *дз* (зена, цаса, хоцу, долзи), г. К. говоритъ: *ч* и *h* даютъ *ц*: *дж* и *h* даютъ *дз*; „отъ тождественности слѣдствій естественно заключать, по крайней мѣрѣ, къ особенной близости основаній *ч* и *h*“ (герср. *дѣж* и *h* (Осн. вок. 39, 44). Это точно естественно, но также вѣрно, какъ если бы кто отъ тождества острого *i* в мр. *дѣброва*, *дѣл*, *сѣм*, *братѣк* заключилъ „къ особенной близости основаній“ *у* (дуброва), *о* (дол), *е* (семь) и *и* (братѣк), или—если бы кто отъ нынѣшняго равенства *rz* и *z* в польск. *morze*, *może* заключилъ къ близости *p* (*r*) и *ж* или *p* и *z*.

Рѣшивши, что серб. *h* имѣетъ „безусловный источникъ“ в карпаторусскомъ *дж* (55), г. К. говоритъ, что Сербы могли вынести *дж* (шч) изъ прикарпатскихъ странъ, изъ земли нынѣшнихъ Бойковъ и Лемковъ, и только сѣвши на новыхъ земляхъ измѣнили *дж* в *h* (герср. *ч* в *h*). Т. о. г. К. находитъ в языкѣ с одной стороны подтвержденіе историческихъ свидѣтельствъ о выходѣ Сербовъ изъ прикарпатскихъ странъ, с другой — свидѣтельство, что в то время Бойки и Лемки жили на нынѣшнихъ своихъ мѣстахъ (55—6).

Оставляя прочее в сторонѣ, спрашиваю себя: откуда автору извѣстно, что на пр. в VI, VII вѣкѣхъ *дѣж* было характерною чертою говора Бойковъ и Лемковъ, когда с одной стороны самъ онъ считаетъ это *дж* славянолитовскимъ, а с другой даже в XIX в. *дж* (= осн. *dj*) есть даже в Бѣлоруссіи и в Малороссіи на лѣвой сторонѣ Днѣпра (Два изсл. о зв. 71, 124)? Стало быть, даже допустивши тождество *h* и *дж*, откуда специальное отношеніе Сербовъ именно къ Бойкамъ и Лемкамъ?

„Ж в серб. *срѣба* (срд-) прямо относит серб. ѣ к черноросскому *дж* (срдѣба) как к исходной точкѣ“ (Осн. вок. I, 45).

Как выше игнорировалось *с*, *з* в измѣненіяхъ сочетаній *ст*, *зд*, так здѣсь—вліяніе *б*. Разсуждать так—все равно, что ожидать, что *ст* или *сть* в *ста-*, *-стье* измѣнится так, как оно измѣнилось в *изба* (=истѣба).

Измѣненіе ѣ в дѣ в *срѣба* аналогично с *дж* из *шт*, *дж* и *ж* из *ч* (=к) при тѣх же условіяхъ: *уеѣѣбаты* (вѣшт-), *лѣѣба* (из -ѣба, *лѣѣти* *evulgare*), *сѣѣдоѣба*, *враѣбина*, *наруѣбина* (Mikl. Gr. II, 214). Т. о. *срѣба* не только не указывает на общее измѣненіе *дѣ* в *дѣѣ*, но скорѣе свидѣтельствует, что этого измѣненія внѣ условій регрессивной ассимиляціи небыло.

Другое такое же доказательство первенства *дѣѣ*, *ж* перед ѣ—стар. серб. *роѣѣство*, *роѣѣство*, *роѣѣство*, *роѣѣво* (Осн. вок. 55). Если так, то из ст. русс. формы *роѣѣство* о которой—в моемъ разборѣ соч. Житецкаго Оч. зв. ист. мр. нар., 65—7, слѣдует, что русс. *дж*, *ж* (=дѣ) предполагает *дз*, *з*, с чѣмъ г. К. несогласен. Мнѣ кажется, что в обоихъ случаяхъ *ѣ* суффикса на извѣстной степени ослабленія немѣшаетъ вліянію послѣдующаго *с*, вліянію противоположному в русс. и сербскомъ. В первомъ шипящая уподобляется свистящей (*роѣѣство*, отк. мр. *роѣѣво*, *волоській*, *волоській* (-шьск-), *козацькій* (-чьск-); во 2-мъ шипящая удерживается (*убоѣѣство*, *мушки*, *ѣуначки*), а ѣ измѣняется в *ж*, *ш* (*роѣѣство*). Ф. *роѣѣство* не можетъ рѣшать вопроса, такъ какъ, судя по ея неправильности, она мѣ. б. обязана своимъ происхожденіемъ книжникамъ.

Серб. *ѣлоѣѣ*, *ѣлоѣѣжак* (Осн. вок. 45)—не от *ѣлод*, какъ в русс., а от *ѣлог*; *ѣложити* (*глод*-), *ib.*, есть единичный случай и можетъ быть такимъ же этимологическимъ заблужденіемъ, какъ свр. *ублаѣѣждать* при *благ*.

10. Происхожденіе чакавскаго, кайкавскаго, хорутан. *ѣ* (=дѣ) из карпаторусс. *дѣѣ* г. Кочубинскій доказываетъ случаями, в коихъ, по его мнѣнію шипящій и свистящій звукъ переходитъ в *ѣ* и на оборотъ (Осн. вок. 57—8). Это

неубѣдительно, ибо хорут. *drujiga* не из *druziga*, а из *druġ'giga* с небным *g*, как и в романских языках *j* (=русскому *й*) не из *дѣж'* или *з*, а из небнаго *g'* (*г'*) *дј*: ср. прованс. *aidar*, франц. *aider* (*adjutare*); пров. *mager*, фр. *maire* (*major*); сард. *maju* никак не из *gg* в *maggio* или *z* в *mazore*. Серб. *юспоја*, если оно не чакавскаго происхожденія, и ласкательное *троја* (*грозница*) — не из *-ѣа*, *за*, а помимо их. В противном случаѣ пришлось бы выводить и *j* в ласкатель. *Бојо* (*богид*), *брајо*, *браја* (*брат*), *Ваја* (*Василија*), *Вујо* (*Вук*) из *г*, *т*, *с*, *к*; или — *н* в поль. *Mania* (*Мапіа*), русс. *Таня* (*Татьяна*) из *р*, *т*. — Чеш. *prodej*, *poděje* не из *+prodeze*, а прям. от корней на гласную. Чеш. *slajší* (а равно поль. *ujrzeć*, *ojca*, серб. *војка* (*воѣка*), *нојца* (*ноѣца*), Mikl. Gr. I, 329; брусс. *айца*, *малајца* (из *дѣца*, или *д'ца* с очень небным *д*, Два изсл. о зв. 71—2) дѣйствительно представляют переход небнаго свистящаго в *j*, но под условіем присутствія слѣдующей согласной, чего нѣтъ в чакав. *теји*. — Поль. *raja*, не из *radza*, что было бы непостижимо, и не из *radz'a*. Если в основаніи стоит *rada* (*gath*), то посредствующею формою могла служить *rajiti*, возникшая из *rad'iti* еще до появленія польскаго *dź* из *d'*. В таком случаѣ мрусс. *порѣати*, *раѣ* (совѣтует) — заимствовано из поль., ибо в мрусс. с наклонностью к среднему *и* (=ы) трудно совмѣстить переход небнаго *d'* между гласными; из коих вторая *и*, в *j*, как в сѣв. вр. *гяй* (*гяди*, Два изсл. о зв. 90). Т. о. аналогіи, приводимыя г. Кочубинским не дают ему права выводить *j* (= *+dj*) из шипящаго. Что до прямых указаній, то я их вовсе не вижу. Истрийское *mez* весьма легко могло произойти из *meћ* (см. выше Кар. Посл. XXXI; Зам. о мр. нар. 88). Хорв. *jeće*, гдѣ *ć* из *ћ* под влияніем слѣдующей согласной, могло подать повод к *ječ*.

Заключеніе, что если в кайдавском и пр. *+tj* „идет по русскому пути (= *č*), то нѣзачѣм отступать от этого пути и сочетанію *dj*“ (Осн. вокал. 59) ошибочно в двояком отношеніи. Во первых *+mj* идет не совсѣм по русскому пути, т. к. в фрейзингенских статьях дает *шюки*

т. е. колю и т. п., что русскому языку, кромѣ случ. дѣжя в ст. сврусс., несвойственно. 2) Измѣненія *tj* и *dj* первоначально могли быть совершенно сходны: фрейзинг. ст *vuiſaken* = вурар'ен; но за тѣм звучное сочетаніе превращается в *vriſans*, отзвучное остается *explosiv*. Чакав. *j* (= +dj) : чак. *h* = словин. *j* : ѡ = русс. ж (= +dj) : ч = чеш. *z* : с. Из этого отношенія никак неслѣдует, что *j* — из *дж* (Осн. вок. 59—60).

10. Мнѣніе, что ц. сл. болг. *шч* предполагает ч, г. К. опирает на слѣдующее:

а) В Супр. ркп. *вспльченнимъ*; но если это не описка, то ч здѣсь может быть из *чч*, как *бе-чина* из +*беч-чина*.

б) Костурское *тѣпчеше* (Дринов в Період. сп. I, XI—XII, 163) не нуждается и в таком объясненіи, ибо *пч* может б. из *пщ*, как на оборот поль. *przeczola* из *prczola*.

в) Нболг. остро *нокче* — не из +*ноктје*, как думает г. К. (Осн. вок. 51), но предполагает уменьшительный суф.: +*нокът-чд*.

Г. К. ссылается на спорадическое нов. болг. *ж* (+dj), которое, как он думает „необходимо пошло из основн. *дж* (=русс.) путем простаго упрощенія“ (Осн. вок. 62). Но н. болг. *нужба*, *рожба* — из *-ждба*, как болг. *вешки* из *вешджи*, как *юзба* из *юстба* (русс. *изба* из *истьба*). В болг. *дѣж* (дѣжджъ), *меднош*, *триш* — не из осн. *дж*; а из *жд*, *шт* с потерю конечнаго зубнаго, как в Дубровн. *гроз(д)*, *лаж(д)*, *дваш(т)*, *влас(т)* (Jagić, Podml. vok.), как в сѣв. вр. *хрѣс(т)*, *гось* (=сть) (Два изсл. о зв. 88—9), как мѣстами в чеш. *gados(t)* (Gebauer, Hlaskosl. 116). Что до болг. *ж* из *д* между гласными (чужина при *чуждина* и *чуждина*), то оно могло возникнуть через *жж* или *ждж* или непосредственно из *дж'дж'*; к одной из этих форм, а вовсе не непременно к *дж*, может быть возведено ζ в мѣстных именах Эпира: *Μεζουγοράνι*, *Μεγρέζα* (Коч. Осн. в. 62).

Утвержденіе, что *оржжнє* из *оржд-* (ib. 61) сомнительно, т. к. *д* перед *чје* могло бы дать только *орждије* (общеслав.; арвн. *ārantī*, Mikl), между тѣм общеслав. *орж-*

жмје (серб. *оружје*, поль. *ogrze* и пр.) указывает на *т*, а не на *д*.

Справедливо, как мнѣ кажется, устраняя метатезис, г. К. представляет себѣ образование *шт, жд* т. о.: „*тj*“, измѣнилось в *ти*, откуда *ч* (щ), через вызов впереди *т* (*t*) паразитнаго свистящаго или шипящаго звука дало и в болгарском обычное сочетание *шч*“., „*Дj*“ мѣняя свое *j* на шипящій звук (как *rj*—*rž*) превратилось в *дж* из *ди*; теперь *j*—*ž* вызывает впереди *д* второй шипящій и получается новое сочетание *ждж*, как в малорусс. (?) словах *дождж*, *зажджій*“; затѣм „второе ж отпало“ (ib. 62). Здѣсь, кромѣ паразитности перваго шипящаго, вызывают возраженіе два сравненія. Если, как думают, поль. *ж* из *р* предполагает *рж*’, то возникновеніе этого звука на пр. в *morze* = *море* условлено специально звуком *р* и его неспособностью к непосредственному смягченію (вр. *моріе* v. *мор’е*), *rz* на пр. в *burzan* предполагает стремленіе устранить ту раздѣльность *р* и *j*, которая слышна в мр. вост. *бур’ян* (v. *бур-ян*), и вмѣстѣ—невозможность перейти отсюда къ формѣ *бур’ян* (-*р’ја*-), или +*буррян* (ср. брусс. *Мар’ря*—*Мар’ья*) или +*бурян*. Стараясь произнести русс. *рл, рю* неналомавшій своего языка Поляк произносит *ра, ру*. Трудно усмотрѣть здѣсь сходство с измѣненіями зубных, если только держаться того мнѣнія, что *ч, дж, ч’, дж’, ś, dź* и пр., совершенно отличны от *т-ш* и пр.

Что до *пжджу*, то извѣстно, что в основаніи здѣсь *зд; дждж* необходимо предполагает группы, *ид* или *зд, зг*, во всяком случаѣ не чистое *д*.

11. Относительно западно слав. *с, dz* из *т, д* г. Кочубинскій (63—4) видит только двѣ возможности: или эти звуки из *ч, дж*, или на оборот. Он принимает первое, ссылаясь на *rz* в *rzeka* (хотя большая разница в судьбах *р* и *т, д* в *śes, dźwieć*), на литов. *ч, дж*’, о чем уже говорено выше, и на доказательства Бодуэна де Куртэне (О древнеполь. яз. § 37). В этих доказательствах наиболѣе слабы заключенія от ц. сл. *шт, жд* и русс. *ч, ж* (=дж) и от случаев измѣненія *st, zd*, в *szcz, źdź*. Соединеніе *сърн*,

селитры и угля в известных пропорціях дает порох, но из двух из этих веществ пороха не будет. Затѣм—свойственное нѣкоторым поль. говорам стремленіе измѣнять шипящіе в свистящіе. Если бы во время образованія *s, dz* (=tj, dj) вѣсьм западно-славянским было свойственно мазовецкое стремленіе к свистящим (*zopa* и пр.), как общее, то шипящих вовсе бы неосталось. Стало быть нужно предположить стремленіе, направленное исключительно на превращеніе *dž, č* (=dj, tj) в *dz, c* и по неизвѣстным причинам некасающаеся других шипящих. Я вижу, чѣм это лучше предположенія, что как италіян. звучные *zz, z* (*mezzo, bazo*) не предполагают *gg* (*seggio*), так п. *świeca, miedza* возникли без посредства шипящих.

Бод. де Курт. ib. предполагает, что в поль. *plącze* (*plątać*), *szpercze*, *chłercze* (при *szperce, chłerce*) *cz* сохранилось от времени; когда всякое *tj* переходило в *cz*; но почему оно здѣсь сохранилось, это объяснить никак не легче, чѣм подтвердить предположеніе, что западно-слав. *s* (чешско-морав. *šerce, герсе, Šemb. Zakl. dial. 36*) здѣсь перешло в *cz*. Малѣцкій думает, что в глаг. на *-tać, -otać* правильная польская ф. есть *-ce*, а ф. *depcece, klekocze, grzechocze, druzgocze* заимствованы из русс. (Gr. § 394).

VII.

Губные +j.

Согласимо ли само по себѣ, независимо от других данных, присутствіе или отсутствіе небнаго *l̄* послѣ губных с двойственностью дѣленія славянских нарѣчій? На это с давних пор многіе отвѣчают отрицательно, между прочим в виду того, что в самом русском языкѣ есть случаи, как *руб'* (*рубь*) при *рубль*. Г. Кочубинскій говорит: „Фактическое состояніе слав. нарѣчій в настоящую минуту в вопросѣ о *l̄* epentheticum показывает, что одни нарѣчія, но безусловно, его принимают, другія, также безусловно, его отвергают; что в области одного и тогоже языка

одно нарѣчіе с. *l*, другое обходится без него. Родословное древо невозможно и в этом случаѣ“ (Осн. вок. I, 23).

Миѣ кажется, что здѣсь странное недоразумѣніе. Ищем ли мы таких признаков, которые бы без замѣтных измѣненій проходили через всю жизнь предполагаемых частей славянскаго языка и характеризовали эти части *в настоящую минуту*? Вѣдь, кажется, вопрос в том: не представляет ли свойство губных такого признака, который мог бы служить основаніем дѣленія славянскаго языка в *один* весьма отдаленный *момент* его жизни? Если в настоящее время встрѣчаются мр. формы, как *збудю* (збужу), или ювр. как *глава* (=галава), слѣдует ли из этого, что *дж, ж* из *дј* и полногласіе медовольно характеристичны для русскаго языка?

Всѣ русскія нарѣчія могут быть возведены к тому состоянію, при котором *л'* послѣ губных в случаях, гдѣ зубные измѣняются в шипящіе, безусловно необходимо. Упомянутое в русс. *рубль* — из *рубль*. Случаи *любю* (т. е. -b'у, а не -бую), *терплю*, *кормлю*, *промувяти* на западной границѣ мр. нарѣчія, на межѣ польскаго (Житецкій, Оч. звук. ист. мр. нар. 250), могли явиться в силу польскаго вліянія (как в тѣх же говорах твердость *р*: *раба* зазуленька, ів. 301, зора 303), которое могло состоять в вытѣсненіи исконных русских форм (терплю), сохранившихся в смежных говорах, а не в недопущеніи им образоваться из основных б, п, в, м+ј. Если кто скажет, что это недоказано, и что на пр. шатко мнѣніе, будто *любю* есть заимствование потому, что такая форма негармонирует с существующим в тѣх же говорах ч=тј; то вѣдь противоположное утвержденіе неподтверждается даже такими соображеніями. Впрочем г. Кочубинскій сам думает, что мр. „*робю* и пр. можно разсматривать, как явленіе новое, по его спорадичности,“ но, говорит он, этого нельзя сказать о *непосредственном* смягченіи *н, б, в* в яз. карпатских русских, гдѣ оно общее явленіе: *робю, стью* и пр.“ (Осн. вок. 22). Этот случай слѣдует отличать от *стыят* (З л. мн., ів.), которое может вовсе не предполагать вост. мр. *сл.я'ять*, но образовалось по

тому же закону, по которому галиц. *памьеть, мьесо, веремье, мнесо, веремне*; горское *памьять, мьасо, веремья* (Головацкій, Розправа о яз. южнор. 52), в Буковинѣ *румняний, ня* (из мн'я, мья, мя) (Курчѣнко, Пѣсни, 401—6). Здѣсь—появление *j* без этимологическаго основанія. В *сьню* (=sr'ju) слѣдует различать извѣстную степень небности *n* и *j* из *л'* (сплю). Г. Кочубинскій говорит о произношеніи Бойков между Стрыем и Ломницею, что в *заробіеют, выставіеючи* и т. п. *бь, нь, вь* выговариваются отдѣльно от слѣдующей йотированной гласной, так что послѣ губной слышится почти чистое *i* (-робіеют), Отч. о занят. слав. нар. 44 (XVIII т. Зап. Новоросс. Ун.). Я думаю, что это—слѣдствіе усилія произнести исчезающее *л*. Такое *j* из *л* может и слиться с предыдущею губною, т. е. дать такую же форму, которая выше объяснена заимствованіем: в Буковинѣ *сьню, кунью, дивьюсе* (sic), *підмовьяе* и там же *розмовяти* (Купчанко, Пѣсни, 405). В изд. „Казки, зббр. Игн. з Никлович, Львов 1861,“ по языку относящемся к говору, который Головацкій называет горским, я нахожу *неубю*, 56, которое должно объясняться из *губю*, п. ч. *ів. забю*, 4, которое очевидно из *забю*. Там же сохраняется и общерусс. *л'* (*справляти*, 37), совершенно необходимое перед *и, е*, т. е. в случаях отвердѣнія: *накопли, копле* (копаты) 71, *прикравлена* 8.

Образованіе небнаго *л* из *j* послѣ губных (в случаях =ит, жд, гер. ч, дж из *тj, dj*) есть, конечно, признак не отвердѣнія губных (Безсонов, Главн. вопр. яз. новоболг. 8. Временн. Общ. Ист. и Др. кн. 21). Губные были способны в той степени небности, которая сказывается их общеславянскими сочетаніями с *е, а, в, и, ъ*; но в части славянских нарѣчій они немогли перейти на слѣдующую ступень и слиться с средне-небным *j*. Эта их несліянность и была условіем преобразованія *j* в *л'*, как неспособность *p* (*г*) в поль. и чеш. к слиянію с неорганическим *j* были условіем *rz* из *rj*. За тѣм уже послѣ возникновенія *л'* из *j* предыдущая губная по говорам увеличила степень своей небности: ср. нынѣшнее врусс. *зем'ли, дрем'лет* (Грот, Фи-

лог. разыск.² I, 291—2), что по видимому сказалось и в старинной письменности не позже XIV—XV в.: ср. Срезнев. Житіе Бориса и Гл. pass.; в Лавр. лѣт.¹ *земьли* 111, *землю* *ib.*, *несдравлю* 118; в Сб. XV в. *безумль*, Бусл. И. Хр. 153, *вошьля* *ib.* 743 и пр. Такіе говоры древнюю степень смягченія *б'* в *юлубь* переводят в *б''*, а при встрѣчѣ губной с новым *ј* останутся на ступени нынѣшняго врусс. *здоровье* (-v''je).

Другіе говоры, на против, или остаются на прежней ступени, или усиливают несмягчаемость губных, в силу чего при встрѣчѣ губных с новым *ј* происходят явленія вполне или отчасти сходныя с древним *ѣ* из *ј*: вост. мр. *кровью*, *мясо* и *мн'ясо*, *здоровля*; серб. *здравље*, *копле*, *снопле*, *безумле*, *крьву*, *рибли* (Mikl. V. Gr. I, 324—5); хорут. *žgmļe* (жърнвие? *ib.* 250)¹).

Караджич (Посл, XXXVIII) говорит, что в Дубровникѣ, по всему приморью и в Черной горѣ говорится и *л* и *ј* в случаях: *зобљем* и *зобјем*, *уловлен* и *уловјен*, *земла* и *земја*; что так — и в вышеупомянутых новых случаях *копле* и *копје*; что так же и перед *ть*: *обје* и *обље*, *бјеше* и *блеше*, *побјеже* и *поблеже*. Как бы ни произносилось здѣсь сочетаніе губной с *ј* (т. е. -бье или бье), во всяком случаѣ оно в *бјеше* древнѣе чѣм *блеше*, а в *зобјем* новѣе чѣм в *бл* в *зобљем*. По тому же свидѣтельству, на остр. Корчулѣ ниже Дубровника, гдѣ *дј* = *ј* (меја, лаја, ројен), всякое *л* = *ј*: *жеја* (жела), *кошуја*, *пријатеј*. Так и в резіанском говорѣ *ѣ* = *ј* не только послѣ губных, но и между гласными, и на концѣ: *prjivat*, *črjivje*, *strjijat* (стрѣляти), *kraj* = *kral*. Там же *zamlja* = земля, Бод. де Курт. Оп. фонет. резіан. гов. § 45—6.

¹) Формы: Вячеславлича, Гориславлича, Святъславличю (Сл. о П. Иг.), Святославличъ, Ип. л.¹ 123, 128, 133; серб. Владисалић (=славльћ) могли бы быть объяснены тоже неорганическим *ј* (-славјичъ из -славичъ); но с другой стороны возможно, что это — новыя образования от притяжательных (Вячеславль + ичь, Яковлевичъ, -ов-ичъ, -ин-ичъ). Последнее вѣрнѣе, т. е. -славичъ есть и в новгородских памятниках.

Встрѣчая в новоболг. *j* на мѣстѣ общеславянскаго *l* в „остри сабы“, а равно и исчезновеніе этого *j* в *саба* (на пр. в Велесѣ, и рядом *земьа*, т. е. земля? Период. Спис., год I, IX, 88, 89, 94), я думаю, мы можем объяснять болг. *земя* и *земья* не иначе, как из *земля*.

Согласно с этим не вовсе лишено основаній предположеніе такого же процесса *j* из *l* в памятниках как болон. псалтырь: от *добии* (+доблии, Срезн. Пам. юс. п. 35) недалеко до *ф.* как *по земли* (Срезн. ib. 133; тут же *земли*). Встрѣчая в Зогр, ев. *корабль*, *пристжиль* и рядом *корабь*, *пристжиь* (Арш. II, 230), в послѣдних под *ь* мы можем понимать *-жь*, в коем *j* из *l*. Формы Супр. ркѣ. *избавише*, *приставиень* (Mikl. V. Gr. I, 178) и *оуставиени* (Срезн. II. юс. п. 34—5) при формах с *l* могут быть преобразованием послѣдних. Ср. выше карпат. *заробѣют*, по свидѣтельству г. Кочубинскаго.

Допустим однако, что в древних ц. сл. памятниках, неуказывающих на западно-славянское вліяніе, *ф.* как *избавише* не произошли из форм с *l*, но частью ведут к ним, частью же помимо *l*, к таким как нов. болг. *земля*, *саба*. Это само по себѣ еще не уничтожает возможности раздвоенія славянскаго языка по свойству губных. По степени небности губная в восточно-славянском *оставиень* или (с гласным *ь*) *оставиень* могла стоять на той самой степени, на которой она в общеслав. *крѣвь*, *юлжь*. Т. о., вмѣсто признака Добровскаго и Шафарика, возможно поставить слѣдующій: восточно-славянскія нарѣчія удержали губные в сочетаніи их с *j* + гласная на той степени смягчаемости, на которой они стояли в общеславянском. Несліянность зубных с *j* и средненебный характер сего послѣдняго (который сказывается в измѣненіи *tj* в *ч'*, *h* и пр.) дали сочетанія губных с *l*. В западно-славянских нар. бѣльшая смягчаемость губных и передненебный характер *j* (тот, который дает *с* из *tj*, *дз'* из *dj*) условили возможность сліянія на пр. *в'је* в +лов'жень в *ве* в *ловень* ¹⁾, тѣм надолго

¹⁾ На отсутствіе *j* в ц. сл. благословень (не +виень) мо-

исключена в дальнѣйшем развитіи возможность появленія *ѣ* из *ј*.

Из того же круга явленій (т. е. *ѣ* из *ј* послѣ губных в случаях соответствующих *жд, шт* из *д, т*) должны быть взяты возраженія против изложеннаго выше. Не возраженіе то, что в поль. чеш., как и во всѣх славянских нарѣчійх, суффиксы начинающіеся с *л'* могут стоять послѣ губных (Кочуб. Осн. вок. I, 23): поль. *osob-liwy, chrapliwy, drzemliwy, gniewliwy*, или в чеш. *sop-lak* (ср. *sop-el*, род. *sople*), *skob-le, skoblice* (скобель); поль. *wrób-el*, род. *wróbla*, чеш. обл. *vrablec, brablec* (Gebauer, Hláskosl. 120) ср. с лит. *žvirb-lis*. Поль. *niemowlę* слѣдует сравнить с *pisk-łę*. Сомнительно, чтобы *-la* в поль. *szapla, kropla, grobla, przerebla* появилось из *ј* под вліяніем фонетическаго закона. Скорѣе можно здѣсь видѣть заимствование (как в словац. *hrobla, hrable*, Кочуб. ib.) или аналогію с *cieśla* и т. п. Во всяком случаѣ это явленіе невосходящее к предполагаемому времени раздвоенія слав. нарѣчій: Поль. *score* (= *kropie, krople*) еще в памяти. XIV в., *grobye* (= *groble*) в памяти. XV в. (Болуэн де Курт. О. Др. П. яз. § 49).

В относительно позднее время и в западных нарѣчійх появились стремленія отчасти сходныя с тѣми, которыя замѣчаются в восточных. Я разумѣю неорганическое, т. е. безусловное этимологію *ј* послѣ губных перед *і, ѣ*: обл. чеш. *deset mjil, zabjil, pjii pjiivo, vjinen, mjisa* (Šemb. Z. Dial. 16, 19); морав. *hjiil, chuarji* (chlari), *mjiily, povjim*, между тѣм как *ы=і* произносимому отлично от *і*: *chuarj* (chlary), Šemb. 57. Это стремленіе мѣстами производит явленія, так сказать, передне-небно-свистящаго порядка, сходныя с *dž, ć* из *д', т'*. Так в поль. у Курпей *bżały, pswo* (из *bjały, pjiivo*), Бол. де Курт. Beitr. VI, 220, О древне-поль. яз. § 48. (Такому же измѣненію подчиняется при других условіях *ј* из небнаго *ń* в *ksiądz, księga*). Мѣстами же неорганическое *ј* принимает направленіе сходное с *мр. в'*

жно смотрѣть как на отвердѣніе, вродѣ вост. *мр. землед* (= *суддѣю* при небных *земля, землі, суд'дя, суд'ді*).

в мясо: чеш. обл. *posmňech* (=smjěch), *mňesto*, *mňel* (měl), *mňeni* (jměni). J. Ireč. в Rozpr. 40, Šemb. Z. Dialekt. 11.

Может быть и раньше гдѣ либо появилось такое же *l* из *j*; но во всяком случаѣ чеш. формы как *Hostivlice* (по предположенію из *Hostivjice*), хотя и старинныя (J. Ireč. l. с. 38—XIII вѣка) могут невосходить ко времени раздвоенія слав. нарѣч. Тоже о чеш. *Třebowle*, если это имя образовано одинаково с русс. *Теребовль* (через прил. притяжательное; поль. *Trembowla* заимствовано из русск.) и если здѣсь в чешском нѣтъ случайно русскаго вліянія.

Наконец, если *плюти* = *spicuiti*, а *блюдо* = гот. *biuds*, то из этого также мало слѣдует, что существовало общеславянское стремленіе к измѣненію губн. + *j* в губн. + *l*, как из общеславян. *ж*, *и* в *жидъ*, *Римъ* слѣдует, что было общеслав. стремленіе измѣнять *j*, *dj* в *ж*, а *у* в *и* (Рум-).

Вообще я недумаю, чтобы на основаніи того, что г. Кочуб. говорит о *dj*, *tj* и губных + *j*, было можно заключать, что „всякая мысль о (родословном) древѣ (слав. нар.) невозможна, как противная природѣ языка, характеру развитія, исторіи, образованія языков“ (65). Для г. К. „природа языка“ есть стало быть не искомое, а аксіома, из которой позволительно дѣлать выводы. „Один язык не родил другого; всюду на цѣлом просторѣ славянскаго міра один и тот же язык, лишь в одном пунктѣ его территоріи одна и та же нѣкогда форма подверглась одному измѣненію, в другом— другому, и эта неодинаковость измѣненій обусловила образованіе существующих нарѣчій“ (65—6). Значит язык не один; различныя слав. языки, имѣющіе каждый свое внутреннее единство, заслоняемое взаимными вліяніями, произошли од одного. Это послѣднее высказано на стр. 28, гдѣ автор отвергает только бифуркацію и принимает вмѣсто „двух славянских Адамов“ теорію постепеннаго образованія слав. нарѣчій „от одного Адама“ как будто раздвоеніе— нѣчто принципиально несомвѣстимое с постепенностью. При этом родословное древо остается возможным. „Слав. нарѣ-

чія невыходили одно из другого, неотдѣлялись, как вѣтви от ствола“ (66); но если они пошли от одного Адама, то — как вѣтви от ствола. Мысль, что этот ствол раздѣлился не на двѣ вѣтви, а разом на нѣсколько, хотя на меньшее количество, чѣм сколько их теперь, — не новая и не невѣроятная. Сила в том, как она мотивирована. По отношенію к основным сочетаніям зубных *t, d* и губных с *j* я нахожу препятствій раздѣленію слав. нарѣч. на два отдѣла: *восточный*, который в один момент своей жизни, имѣл средне-небное *j*, сродное болѣе с шипящими, чѣм со свистящими, и губные неспособные входить в тѣсныя сочетанія с этим *j*, откуда *бл̃* и пр.; *западный*, который в тот же момент отличался передне-небным *j*, сродным со свистящими, и наклоностью губных к непосредственному смягченію. В других отношеніях нарѣчія могут распредѣляться иначе, чего я здѣсь не касаюсь. Замѣчу еще, что часто повторяемое *г*. Кочубинским, мнѣніе, что взаимныя отношенія слав. нар. на пр. с точки зрѣнія *tj, dj, bj* опредѣляются степенью консервативности каждаго из них (24 и др.) мнѣ кажется во многих случаях неприложимым, ибо *зем'а* и *земля*, *t'edza* и *меджа*, одинаково консервативны или, *ad libitum*, прогрессивны. Может быть тут и есть разница, во всяком случаѣ трудно опредѣлимая, в быстротѣ движенія, но главное не она, а различіе направленій.

Харьков, 18 Янв. 1878.

А. Потебля.

ЗАМѢТКА

0

Д В У Х П Ъ С Н Я Х.

Смежность населеній великорускаго и малорускаго, напр. в харьк. и курской губ., как извѣстно, не осталась без вліянія на пѣсенность того и другого. Неговоря об исконном сродствѣ и о явных заимствованіях, есть пѣсни, которыя до дальнѣйшаго изслѣдованія могут быть отнесены к третьему разряду, непредставляющему несомнѣнных признаков ни исконнаго сходства, ни заимствованія. Из этого разряда иное может быть со временем отнесено к первому, иное—ко второму (к заимствованіям буквальным), но кое что и окончательно сочтется образованіем промежуточнымъ, заимствованіемъ не буквы, а духа, возникшим именно на сумежи.

Встрѣчаются ли другіе, болѣе западные варіанты мр. пѣсни, записанной мною лѣтъ 15 тому отъ женщины из с. Рубижни (Рубежное, Рубежная) Волчанскаго у. Х. г.?

Як неженився, то й нежурився,
Як оженився, то й зажурився.
Та узяв жону не до любви,
Не до любви, ні до розмови,
Ні до звѣчаю, до йобичаю,
Ні до чорних брив, до ласкавих слів,
Ні до шалности (?), ні до жалности.
„Запрягай, малий, та пару коней,
„Та поїдемо у Китай-город,
„У Китай-город та на ярмарок.
„Та куплю жоні корабель новій,
„Корабель новій ще й веселечко.
„Утішай, мила, своє сердечко!
„Посадо милу в корабель новій,
„Та пусти корабель на синє море,
„Та не дам весла, щоб вода знесла.
Корабель пливé, йаж вода реvé,

Я мила седить, як свіча горить,
 Я милий ходе, як зоря сходе.
 „Ой вернись, мила, погодуй сина,
 „Та що найменший, та що найгірший!“
 — Невернись, друже, що побив дуже!
 Ой бив рублем ще й гребінкою,
 А тепер назива своєю жінкою!
 Ой бив рублем шей качалкою,
 Я тепер називаєш коханкою!

(Каждый стих, кроме первого, может повторяться, причем в первый раз он заключает собою предыдущий куплет, во второй — начинает следующий. В мотиве 8 тактов в $\frac{3}{4}$, по 2 на полустишие. Характер мотива малорусский, соответственно содержанию, трагический).

Для сравнения — пѣсня, записанная г. Кохановскою (Соханскою) в Корочанском у. Кур. г. („Нѣсколько русских пѣсень“ 128. Рус. Бес. 186) без соблюдения звуковых особенностей говора:

Оженился молодец, оженился удалой,
 Да и взял жену нелюбимую:
 Не до хайности ¹⁾, не до жалости,
 Ни до словечка, ни до дѣлечка,
 Ни до черных бров, ни до милых слов.
 „Ты съдай, молодец, коня ворона,
 „Поѣзжай, молодец, в Китай-горола,
 „Да купи ты себѣ мал караблечек,
 „Мал караблечек и веселечко,
 „Посади жену свое сердечко,
 „Да недай весла, чтоб вода снесла.“
 А вода ревет и корабль плывет,
 А жена сидит, как свѣча горит,
 А дитя кричит, всѣ лѣса глушит.
 Как взошел молодец на круту гору,

¹⁾ *Охайность*, опрятность. Серб. *xājati* за што, заботиться о чем.

Закричал молодец громким голосом:
 „Ты возьми, жена, вот веселечко,
 „Воротись, жена, мое сердечко!“
 — Невернусь, друже, что побил дуже;
 А и бил рублем и каталкою,
 Еще хвалишься бить ногойкою.
 Поживи, мой друг, с молодойкою!“

Сокол и Конь.

Слѣдующая п. записана Студ. М. Халанским в Красной Полянѣ Шигровскаго у., Кур. г. от семидесятилѣтней старухи. (Я ставлю е вм. е (=е и ѣ), употребляемого в этом смыслѣ записывателем. г=н; и в см (билси) должно быть тверже и в ти (лятить). Полустишія соединяю в стихи. Размѣръ испорчен. Первоначально он, по вѣдимоу, тот же, что и выше: 5 и 5.)

Сокал с канѣм об заклѣт билси,
 Он ни ѱ руп, ни ѱ два и ня во-ста рублей ¹⁾,
 Ап сваѣй ап буйнай галаве:
 Каню бяжѣть вакрѣх лясѣ,
 А сакалѣ лятѣть чиряс тѣмнай лес
 Да таво мѣста да урѣшнава,
 Да калѣдизя да студѣнава.
 Прибѣхшы конь он вадѣ испил
 () и лѣх апачил.
 Глядѣть, сматрѣть, ан сакол лятить:
 „Конь ты мой, конь, ты добра лошадь!
 „Нисяки ты мне буйнай галавѣ,
 „Атсякѣ сакалѣ правая крыло
 () сы правильным пярѣм,
 „Штаба мне саколѣ сидеть ниялѣть.“

¹⁾ ѱ руп, ѱ два=о рубль, о два; во-ста=о сто. Переход предлога о через во в е, у ср. с мдр. нѣ е чим незнаеш (Чубинскій Труды III, 408, Ушицкій у.), нѣ в чим недбаеш (ib. 423).

В сакалѣ крылья залягучіи,
А глазушки завидушпай:
Лятѣл сакол чиряс тѣмнай лес,
Напалась сакалу стада либядѣй,
Убил, задрал лебидя белава,
Затѣм сакол замешкалси.

Объясненіе, почему соколъ замѣшкался, ср. с тѣм, что
в бр. п. про женидбу щегла. Щегол

Паслау орла, послау арла усѣптаство збираци,
А арл напау гуси, давай мардаваци.

Этн. Сб., III, 24.

Хотя в этой пѣснѣ нѣтъ ничего исключительно малорусскаго, но сравнивая ее со слѣдующею малорусскою, то же до сих пор, кажется, единственною в своем родѣ, я думаю, что, если тут есть свободное заимствованіе, то скорѣе вр. пѣсня предполагает мр-ю, в коей заклад коня и сокола находится в связи с другим мотивом, именно смертью козака, чѣм на оборот:

Сидит козак на могилі,
З оружини огонь креше,
Скалки ломить, розкладає,
В свої рани заглядає:
Пострілені к сердцю прийшли ¹⁾,
Порубані кровью зійшли ²⁾.

Закладався орел з конем,
А за тиі криниченьки:
„Ой чи скорійш ти добіжиш,
Мені крильця повтинаєш.“
— „Ой ти скорійш да долетиш,
Мені ноги повтинаєш.“

1) Прийшли, т. е. прошли?

2) За тѣм прерыв; предполагается смерть козака.

Ой кінь біжить—земля дрижить,
Орел летить—перо дзвенить.
Ой кінь біжить все ярами,
Орел летить все лугами.
Кінь до води прибігає,
Орла брата виглядає:
Орел летить і несміє,
Коня брата непізнає.
„Даруй, коню, крилечками,
А хто ходить ніжечками“ (?).

Максимовичь, Укр. н. п., I, М. 1834, стр. 148—9.

Кажется, что конь и орел служат здѣсь послами умирающаго или убитаго; что из этого порученія, а не независимо от него из обычнаго сравненія коня и птицы („у Ильи конь бѣжит, как сокол летит,“ Кир. П. I, 81) вытекает своеобразный мотив: заклад коня и орла или сокола, заклад, котораго, кромѣ двух приведенных пѣсен, мнѣ неслучалось встрѣчать нигдѣ. Премиссы этого мотива широко распространены и, судя по этому, глубоко древни.

1) То, с чѣм жил богатырь: оружіе, конь, ловчая птица (сокол или орел), собака, то окружает его и при смерти, а судя по нѣкоторым указаніям, нѣкогда слѣдовало за ним и в гроб или сожигалось вмѣстѣ с ним.

(Матери Юговичей)

Бог јој дао очи соколове
И бијела крила лабудова,
Она лети над Косово равно,
Мртви цађе девет Југовића
И десетог стар' Југа Богдана,
И више ни девет бојна копља,
На копљима девет соколова.
Око копља девет добри коња
А поред ни девет лути лава.
Тад завришта девет добри коња,
И *залаја* девет лути лава,
И заклекта девет соколова.

Карадж. Пјес. II, 304—5.

Львы (лающіє!) замѣна собак. У русскаго богатыря—собака и орел, Гильф. Был. 1081, 1125. Вообще весь образ фантастичен, сравнительно напр. со слѣдующим:

Саранише војводу Каицу:
 Чело главе копле ударише,
 На копле му сокола метнуше,
 За копле му коня привезаше,
 По гробу му оружје простреше,
 Од Маджара унку начинише ¹⁾,
 Обградише гроба Каичина,
 Да Маджари к нему недолазе. *ib.* 489.

Относительно копья в головах ср. „Аче Богъ отца моего понялъ,“ говорит Ярослав Володимирович Галицкій, „а (=то) мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одно копіе поставлено у гроба его, а и то в руку моею есть.“ Под 1152, *Ип.* 73. Согласно с этим мы видим еще и теперь на могилах малороссійских козаков копейца с „роговками,“ прикрѣпленныя ко кресту. Ср. также Котлярев. О погреб. обр. 240; *Кир. П. VII.* 43, 159.

У Марка Королевича есть свой сокол, за котораго он жестоко мстит Туркам (*Кар. П. П. N 70,* 476); но в слѣдующем ему служит вольная птица из благодарности за услугу:

Лежи Марко крај друма царева,
 Покрио се зеленом доламом,
 По образу—срмајли марамом,
 Чело главе копле ударио
 За копле је шара коњиц свезан,
 На копљу је сура тица орле:
 Шири крила, Марку чини лада,
 А у клуну носи воде ладне
 Те запаја рањена јунака...

Кар. П. П. 328, тоже о соколѣ *ib.* 327.

2) Свой сокол служит Марку послом, относить его

¹⁾ Из тѣх убитых—унку=хумку, *tumulum*,

письмо из темницы (ib. 383). Марко из темницы пишет письмо

Па дозивле сивога сокола:

(Своего, как Илья в серб. пѣснѣ у К. I, N 648 и как Стоян в болг. у Безс. I, 122—3, а не вольную птицу).

„О соколе, пуст ми не остало!
„Носи кнѣгу ка граду Солуну,
„Ка Дојчилу богом побратиму
„Нек избави мене из тамнице.“
Узе Соко ону ситну кнѣгу,
Па се изви небу под облаке
Право оде ка Солуну граду...
Паде соко на бијелу цркву,
Пишти соко, до бога се чује.
Познаде га Дојчило војвода...
...К нему дође сив-зелен соколе
Испод крила ситну кнѣгу пушти.

К. Пјес. II, 383.

Такой мотив может существовать без всякаго заимствованія и в мр. пѣсенности. Ср. колядку у Ант. и Драгом. Ист. п. I. 36—7, гдѣ „Соколик“ посаженнаго в темницу княженяти Иванка „квилит, головойки хоче“, т. е. хочет чтобы цан опять носил его на головѣ, как прежде. Но возможно, что сербская пѣсня напомнила сидѣвшему в неволѣ в землѣ турецкой козаку родной мотив. Ср. невольницкую думу о посылкѣ сокола с просьбой о выпускѣ у Ант. и Драг. Ист. п. I, 95—6.

К слову замѣчу и другое подобное совпаденіе. Марко рассказывает своей матери, как он семь лѣтъ сидѣл в темницѣ у короля Арапскаго:

„Нит' ја знадох, кад ми лето дође,
„Нит' ја знадох, кад ми зима дође,
„Осим једно, моја стара мајко:
„Зими би се грудале ђевојке,
„Пробаце ми по груду снијѣга,
„По том знадем, да је дошла зима;

„Лети баце стручак босиока,
„По том знадем да је лето, мајко.

К. Цјес. II, 377.

В мр. п. о плѣнѣ и тюремном сидѣньи Левенченка ¹⁾
мать спрашивает у него:

„Та по чим, сѣнку, сеє літо знати?
А потім, мати, літо знати,
Що йшли дівочки по ягодочки
Та вирвали квіту червоного цвіту
Та вкинули та у темницю
У вішнюю пропасницю,
Ой по тім мати сеє літо знати.

(Молодик на 1843 г. изд. И. Бецким. II, Харьк. 1843,
138).

На плечѣ умирающаго Стояна сидит сокол. Стоян кор-
мит его своим мясом, поит своими слезами, чтобы через
него получить вѣсть из дому. Сокол и приносит ему эту
вѣсть, Безсонов Болг. п. I, 122. Там же и сооветствующій
мотив Серб. пѣсни, Кар. I. N 648. В вр. былинѣ Бори-
ско в смертной опасности посылает своего сокола за советом:

„Ты охота, охота молодецкая,
„Полетай-ко, охота, к моей матушкѣ
„Спроси-ко у ней, как с Ильей перевѣдаться.“

И сокол приносит отвѣт (Кир. II. I. 10).

¹⁾ М. б. самое прозвище героя в этой пѣснѣ неслучайно.
Несомнѣнно, оно пришло к нам с юга:

Левенецъ, известная мр. фамилія, имѣет при себѣ нарица-
тельное значеніе: а) мр. гайдамака, собств. удалец, молодец (Ан-
тонович, Послед. врем. козачества, 132; б) мр. *левенець*, большой
рослый человекъ, костр. *левенець* высокорослый, дубина, болван.
Болг. *левен*, *левента*, серб. *левента*, juvenis elegans, и гр. λεβέντης,
fortis, pirata, что по Микл. б. м. в связи с *Levanie* (Mikl. Fremd
wört. Matzenauer Cizi sl. 240). Отсюда же маляр. *levēnta*,
рыцарь, молодец и *legēny*. От послѣдняго мр. буковин. *леинь*,
лединь, молодец.

Вышеприведенныя черты, т. е. ухаживаніе за умирающими и посольство от него, соединяются в мдр. п.:

Вітер гуде, трава шумить,
Козак бідний (?) убит лежить
На купині головою,
Накрив очи осокою,
Кінь вороний у ніженьках,
Орел сизий в головоньках,
Він козака доглядає,
На кучери поступає...

„Сизий орле, побратаймось!
„Як ти, брате орле, станеш
„З лобу(-а?) очи видирати,
„Дай же моїй неньці знати....

Максим. Укр. п. М. 1834. 152; Чубинскій Труды V. 944—5.

Другой, схолий с этим образ—ворон или орел—вѣстник, приносящій с побоища бѣлую руку с золотым перстеном (Кар. Пѣс. II. 318; Кир. П. VII. 196; Чуб. Труд. V. 957; Nesselm. Lit. volksl. 22—3), приносящій вѣсть матери убитаго (Чуб. Тр. V. 953; Метл. 283—4).

Третій мотив, являющійся только запѣвом из разряда „птица с высоты видит то, что составляет содержание пѣсни“ (Моя ст.: Мр. нар. пѣсня по сп. XVI в. 37—41)—встрѣча орла и сокола:

Сокіл з орлом купається,
Сокіл орла питається:
„Чи був, орле, на Дунаю,
„Ой чи чував про Михайла?
—Ой я нечув, я й сам бачив:
Ишли ляхи на три шляхи и пр.

Ср. Метл. 450, гдѣ сокол спрашивает у орла о самом себѣ: „Ой чи чув ти орел об моїй голові? Ой чи журиться отець—мати по мені?“ Затѣм рѣчь объ убитом козацѣ, посылающем своего коня с вѣстью. Ср. также:

Сокіл з орлом та й злітається,
Сокіл орла та й питається:

„Чим же той світ закрашається?

„Чи горами, чи долинами,

„Чи великими могилами?

На могилі козак вбитий лежить...

И далѣ, как в предыдущей пѣсни.

(Чубин. Тр. V. 943). Сюда примыкает встрѣча орла и лебеди, дающей вѣсть (в моей ст. Сл. о п. Из. 153—4). Показавшаяся мнѣ сомнительною (ib. 155) пѣсня:

Не метіль з моря піднімалася,

А то гуси сірі, лебеді білі,

А за ними вслід сиз орел летить,

А за орлом вслід та ясний сокіл:

„Постій, сизий орле, постій!

„Я не бити мічу, роспитати хочу,

„Чи небачив ти вбитого козака?

— Ой небачив, а тільки прочув:

Лежать ёго рученьки край крученьки,

А ніженьки край доріженьки,

У головоньках росте травиця

Ніхто до тіла венатрапиться...

(Чуб. V. 939).

Дѣйствительно есть неумышленное искаженіе. Незвѣстный записыватель введен в заблужденіе своею или чужою невѣрною памятю. Можно попытаться восстано-вить первоначальный смысл на основаніи стихотворенія Л. Боровиковскаго „Черноморець” (Ластовка, Сборн. Е. Гребенки, Спб. 1841, 20—2), представляющаго передѣлку именно этой пѣсни: за гусями—лебедями летить орел:

Я не бити *лечу*, роспитати хочу,

Чи ни бачили ясного сокола?

Этот сокол (козак) убит лежит, „его рученьки на три штученьки,” (головонька на четверо?), „Кріз реберця трава пробивається.” Никто к тѣлу неприступится, только прилетѣло три ластовки: мать, сестра и жена. Мать плачет как рѣка течет, сестра..., а жена—как роса падет.

Убитый посылает с вѣстью своего коня:

Ой кінь біжить (?), трава шумить,
Да вжеж (?) козак убит лежить;
На купині головою,
Прикрив ноги осокою,
Жовте тіло рокитою,
Білі руки хустиною,
Ясне личко китайкою ¹⁾.
В головоньках ворон криче,
9 А в піженьках коник плаче,
10 Копитом землю вибиває,
Свого пана він питає:
„Ой пане-ж мій, пане конитане!
„Ой кому мене в(у)ручаєш...
...Чи Турчину, чи Татарину?
—Ой біжи, коню, темними лугами,
Біжи, коню, битими шляхами.
Та прибіжи, коню, до двору,
Та вдарь копитами в (о)болону,
А вийде до тебе ньєнка старенька
.
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився...

Максим. Укр. Н. П. 1834. 152—3.

Великорусская передѣлка этой пѣсни у Сахарова, Св. Р. Н. Кн. III, 240 № 13, принадлежит, я думаю, не Сахарову, хотя нѣкоторыя стихи и черты подѣльны. В малорусском подлинникѣ было между прочим нѣчто соотвѣтствующее стихам:

Бѣги, мой конь, все не стежкою...
...Куда травушка ковылушка лежит,
Там *холодная криниченька* бѣжит ²⁾,

¹⁾ Ср. выше о смерти Марка: „покрио се зеленом доламом, по образу срмајли марамом.“ Вѣроятно: личко-хустиною, тіло (и руки) китайкою, т. е. китаевим жупаном, „заслугою козацькою.“

²⁾ Криница бѣжит! Или это фигура, означающая то, что в мѣр. „криниченька, з неї вода протікає?“

Злодѣй(!) Турчин непоймае тебя
И Татарин неосѣдлает тебя...

Эта криница, как мы видѣли, встрѣчается и в пѣснѣ о закладѣ коня и сокола.

Варіанты млр. пѣсни:—Метл. 450 („коник... копитом землю пробивае, холодной воды та ѣ доставае. А виі своего пана та ѣ напувае,“ как в серб. п. сокол—королевича Марка; ср. также кашуб. „Stoji kónjik njezeveho, Czesze nożką koło njeho, Veczoseł doł ró kólaza Żalejáci sveho pana. Póki jo mjel sveho pana, Jodeł jo to gołe zorna, A teros nji pęczka słome; Vóbjedzą mje krece vgone.“ (Приб. к. Изв. II отд. А. Н. 1853, 108).

Из подобной млр. пѣсни—бѣлорусская в Этн. сб. III, 207; Чубин. Тр. V 939 (13), 941 — 5 (в нѣскольких из этих вар. конь „пробужае своего пана,“ т. к. козак убит лежит; мать спрашивает у коня о своем сынѣ: „Чи ти ёго в морі втопив, чи ти ёго в війську згубив“ чему соотвѣтствует у Сахар. плохой стих „Не убил, не утопил ли ты его.“) Конь убитаго, как вѣстник смерти своего господина, в эпосѣ Герм., Франц., Тюркском — О. Миллер. Илья Муром. 115.

Рожа-спажа, тума, Томаш.

Веснянка:

Тума танок розводить.
Що розведе, то й стане,
По дівочках погляне:
Ся тая в танку є,
Рожи-спажи немає.

Мати Рожу чесала,

А чешучи навчала:

„Донько моя, Роженько!

„Нестановись край Тумі:

„Тума зведе з розума:

„На ніженьку наступить —

„Червон чобіт покаля,

„За рученьку издавить —

„Золот перстень издійме.“

Этот вар. записан мною, а мнѣ передан в том видѣ, в каком пѣлся „на улицѣ“ в с. Переконовкѣ, Роменскаго у. в 20-х годах нашего вѣка. В гадацких вар. в одном „Тума танчок водила“ (Метл. 299), в другом, что похоже на описку или ошибку переписчика, принявшаго *t* за *ш*, „Шума танчок водила“ (ib. 300). Женскій род сказуемаго возник под вліянiем женскаго окончанiя непонятнаго сл. *тума́*, а б. м. и потому, что теперь в Малороссiи танки водят только дѣвушки. Смѣшенiем такого искаженнаго варіанта с другим, гдѣ вм. *тума* стояло *Дунай* (по свидѣт. г. Костомарова, поют „Дунай (в. Туман) танчик водив,“ Ист. знач. ю.-русс. пѣс. творч., Бес. 1872, VIII, 8) можно объяснить радомысльскій вар. „Дунай танчок водила“ (Метл. 299), в котором отмѣчу еще стихи: „Рожи — спажи немає“ и „Нестановись край Дунаечку“ (с *у*, как будто это имя рѣки, ибо личное имя дало бы „край Дунаечка“).

Танок водит не „дѣвушка из помѣси татарской и малорусской крови,“ как понял г. Костомаров I. с., а опасный для Рожи *молодец*.

Тума, м: р. (в женском неизвестно) а) человек, происшедший от помѣси татарской и русской крови, а может быть, лишь родившийся в Крыму: „Тума зъ християнъ въ Крымѣ родившійся,“ Лѣт. Сам. Величка, II, 376, в разсказѣ о походѣ Ив. Сѣрка на Крым в 1675; б) помѣсь птиц (ср. підтумок, голубь летун, от туркота и вертуна) и животных, на пр. охотничьих собак; в) от значенія а) —, о человекѣ, как в приведенной пѣснѣ: ненадежный (как смотрѣл на крымских тум Сѣрко), коварный, „перекинчик,“ измѣнник, н. п. в мр.:

Козак-тума звезде з ума, nebude й любити,

Де найбільше челядоньки, там стаде судити,

Метл. 83; в вр.:

У нас, братцы на Дону, во черкасском городу

Проявилась у нас, братцы, пригожая тума,

Он из тум, братцы, тума, Сенька Мянцков

(т. е. Маныцков) злодѣй...:

Перекинулся собака ко Азовскому пашѣ,

Сах. Ск. С. н. III, 239;

г) в вр. сверх этого, б. м. как вывод из наблюденія над помѣсями с инородцами низшей степени кулатыры,—полуумный, придурковатый.

Что значеніем в) (измѣнник, обманщик) опредѣляется характер лица, от котораго мать предостерегает дѣвицу, это подтверждается сравненіем с нижеприводимыми пѣснями бр. и серб. Согласно с этим считаю за искаженія два вар. из Полоннаго Новоградволын. у., гдѣ вм. *Тума или Дунай* —

„Вдоца тацѣць водила“...

или

Коло млина калина.

Там удівонька ходила

Дівкам танець водила...

Чуб. II, 36.

Г. Костомаров I. с. думает, что *Рожжа* (имя дѣвицы, повторяющееся во всѣх почти вар., кромѣ новоградволын., гдѣ „Марья“) есть олицетвореніе цвѣтка (чему я не вижу основаній, кромѣ самого имени, которое однако может быть перенесено на идеальное лицо случайно, от какой нибудь *пайны* Розы, католички и шляхтянки); двойное имя „Рожжа-спажа“ встрѣченное им и в вар. из воронежск. губ. он считал непонятным. Я думаю, что „спажа“ (так в ром. вар.) есть искаженное *спажа*, а это = *спожа*, госпожа, в коем о *намѣнилось* в *a* или по малорусскому правилу, в силу вліянія слѣдующаго слога с *a* (как в горячий, хазяїн и-пр.), или по вліянію какого либо акающаго говора. Форма *спожа* (из *оспожа*) с опущ. *o* как в *орлиця*, и как вр. *спожинки* из *оспожинки* извѣстна в мр.: „Благослови Боже (й) Пречистая Споже. Чуб. IV, 73, Дубен. у. Т. обр. слѣдует поправить у Метл. 173 (Дубн.): Благослови Боже (й) Пречистая Споже (вм. згоже) Сі віночки звити. Хотя теперь и немогу привести прямых доказательств, но думаю, что *юсподарь*, *сподарь*, *спожа* ставились, как титулы, позади собственнаго имени, как ставятся в вр. *свят*, *юсподин*, *судырь* ¹⁾. На широкую распространенность такой постановки указывает то, что стар. вр. *су* („Иван-су) из *су-*

¹⁾ Вот нѣсколько примѣров из Боярск. пѣс. Козановской (Русс. Бес. 1860, II): Ой один был смѣл да и Петр—от свѣт, 80; первое дитя—Иван—от свѣт, Другое дитя—Марья—свѣт, 83; Иван-ли свѣт Матвѣвичь, 82; привыкай же ты Авдотья свѣт, Привыкай же ты Васильевна 84; ждять было Ивана-свѣт... ждять было Васильевича 85; Ивану-свѣт, 99; к Василью свѣт Ивановичу, *ib.*; Аннѣ-свѣт да Васильевнѣ, 73; к Настасѣ-свѣт 87; с Петром-ли свѣт я поѣхала. Рѣже препозитивно: наша свѣт Анна в высоком терему. „Воевода ли Степан-судырь, Воеводою Ивановичь, 75. Мимо тут ѣхал Иван-господин... Нобей оленя Иван-господин 79. „Слышала я, Иван-судырь, твоя мать горда... От поклону ли Иван-судырь голова болит, 86; Что вговорит Иван-судырь: Неплачь, нетужи, Наталья-свѣт *ib.*; Приходит к ней да и Петр-судырь: „Анисья-свѣт, покинь вѣнок вить, 89 и пр.

веснянкѣ величают паробка тѣм, что у него кудри завиты,
т. е. нѣжная и заботливая мать:

Ой ти селезеню, коси часті!
Хто-ж тобі косіці завивав?
—Завивала-ж мені утінка...¹⁾

Ой ти N (в. молóдче) кучерявий!
Хто-ж тобі кучеріці завивав?
—Завивала-ж мені матінка
Темної ночі ²⁾ — при свічі,
Ясного сонця ²⁾ — біля віконця.

Запис. мною в Харьк.

Начальный образ здѣсь описан с натуры, ибо „иногда утка (дивая) чтобы усыпить селезню... тихо и долго щекочет его спину: народ думает по примѣненію к себѣ, что селезень любит искаться в головѣ“ (С. Аксаков, Записки руж. охотника).

„Говорят, что домовою тѣм лошадям, *которых любит, заплетает на гривѣ косы и подкладывает сѣно; завивает так и мужикам в бородах косы, коих любит; но коих не любит лошадей, у тѣх расплетает и почти всю гриву выдергивает“* (Абевега Русс. суевѣр. М. 1786, 190). Как вывод из того, что кто любит, тот причешет, гаданье: „кладут под головы гребень, загадывая: „суженой — ряженой! причеши мнѣ голову!“ и увѣряют, что во снѣ приходит дьявол в образѣ будущаго жениха и причесывает ей волосы.“ Как *гладкая юлова* — похвала дѣвицѣ и косвенно ея матери (в мр. уличной п.:

Головочка глăденька, глăденька,
Сорочечка біленька, біленька!
Цур-пек ёго ма,
Яка Стешка (в. N.) чепурна!“);

так *неладкая юлова* у нелюбимых сирот:

Без тебя, родитель батюшко,
И учесана головушка,

¹⁾ Непомню 2-х стихов. ²⁾ Родительные времени.

Да не тонь есте гладѣшенько;
Хоть уплетена' руса коса,
Да не тонь есте красѣшенько,

Барс. Причит. 57;

При слезах стоят любимы мой племятка,
У их буйныи головки незаглажены,
У их русы волосы да все незавиты.
Тут смекнула я побѣдным своим розумом:
Со злодѣйной, со великой звать кручинушки
Буйна голова у дѣвушек неглядится,
Волос к волосу у их да неприлетет.

ib. 150.

Научанье матерью, как постоянная пѣсенная черта; между прочим у Айт. и Драгом. Ист. п. I, 25—7; Кирьев: II, 23, 44, 50 и др. (с Добрыни).

С исключительно — малорусской точки можно не без основанія думать, что рассматриваемая веснянка есть величанье дѣвицы, отличное от других только тѣм, что вм. вставного имени величаемой здѣсь постоянное: дѣвица опѣдала „на улицу“, „в танок“, п. ч. ее, как „добраго роду дитину“ (— *слова*, панна) выражает любящая и благодарная мать, которая ее научает, как вести себя с опасным коноводом (серб. *коловођа*). Последний называется или собственным именем („Дунай“, при чем остается вопросом, находится ли в связи с вр. былинным любовником Настасьи королевичны и сватом Владимира и приписывается ли этому Дунаю характер вр. Чурила, мр. Джурила. ¹⁾), или нарицательным „тума“. Из того, что пѣсня умалчивает о послѣдствіях, можно заключать, что наставленія матери возымѣли свое дѣйствіе. Что эта пѣсня дѣйствительно понималась, как похвала благоправію дѣвицы, видно из вар.:

¹⁾ Ушов Джурило з міста,
А за ним дівок триста,

Айт. и Драг. Ист. п. I, 54; Ž. Pauli I, 149.

- У короля на дворі
Заялів крокіс ¹⁾ на горі.
„Чом, дівчатка нейдете,
„Чом крокосу ¹⁾ нехвѣте?“
—А ми рвали, та не всі,
6 Тільки нема одніі ²⁾
7 Мати косу чесала,
А чешучи навчала:
„Дочко моя, Різочко!
„Ой як підеш у танець,
10 „То нахось собі кінць!“

(Полт. у. Чуб. III 44),

т. е. должно быть, знай, на каком концѣ, возлѣ кого стаять.
Ст. 1—6 этой пѣсни ср. с

Ой там на горі, на красі
Красіе кукиль у вівсі.
„Чом ви, парубки, нейдете,
„Куколью з овса нехвѣте?
—Ой привѣтсья нам на луці,
Що всі дівчата хороці.

(Переясл. у. ів. 139).

Смысл спивки стихов 1—6 (У короля и пр.) со ст. 7—10 („Мати и пр.) взятыми из другой пѣсни — в противоположеніи дѣвиц, рвавших крокос, т. е. по видимому, нечуждавших паробков, и той, которую научала мать.

Относительно этой матери; Н. И. Костом. I. с. 8 приводит вар., записанный в кiev. губ., в коем сама мать названа Рожею:

Чи всі дівочки в таночку?
Тільки Рожівни немає.
Рожа дочку чесала
А чешучи навчала:
„Донько моя, Рожівно и пр.

Повидимому, он связывает эту пѣсню с весенною дѣвичьей игрою „у Рожд“ (Чуб. III, 100), хотя эта игра и

¹⁾ Так слѣдует вм. крокіс, крокосу. ²⁾ Вм. „ідної“ (?)

представляет „мифическую древность,“ но не на Руси, гдѣ она заимствована через запад. Славян из Германіи (чеш. *rapí Růžová* — *Frau Rose*, см. мое соч. О миф. зн. нѣкр. вѣр. 104—5). Связь же этой игры, гдѣ упоминается „Рожина дочка Як паняночка“ с рассматриваемою пѣсней может состоять в том, что невѣрная память спутала пѣсню с игрою и перенесла в первую из второй *Roživná* (вм *Roží*), поломавши размѣр 2-го стиха, и *Roža* вм. *мати*.

Если привлечь к сравненію нижеприводимыя бѣлорускія п. и сербскую, то возникает сомнѣніе в том, что предположенный выше смысл мр. пѣсни есть первоначальный. Пѣсня эта может предполагать другую или другія, в коих Дунаю или тумѣ удастся обмануть Рожу. Если эти пѣсни были веснянками, то они принадлежали к разряду тѣх, в коих в частном образѣ предсказывается замужство дѣвицы. Такова бр. записанная г. Шейном (Ш. Бр. п. N 169; моя ст. Мр. н. п. по сп. XVI в. 52—3), отнесенная им к Волочобным, но по размѣру и нѣскольким стихам близкая к купальской *ib.* N 230, стр. 152 отд. отг и слѣдующим двум масляничным (стало быть все таки весенним):

Вариў Козьма пива,

На дзиўная дзива,

Зазваў Кузьма дзѣвок,

4 Тольки одной Рожиной маці нѣт

Пишиць Рожина маць:

„Рожутко, дзицятко!

„Ня стой с Кузьмом (?) близка,

„И някланяйся низка.

Рожа Кузьму няўзнала,

Да к Кузьмѣ стала близка

И ўвкланялася низка.

12 Пишиць Кузьма к яё маці:

„Ждзи мяне маці

„(И)з малым дзицяцем

Из маладым зяцем.“

(Шейн Бр. п. N 129).

Считаю очевидными искаженія: в ст. 4, гдѣ 10 слогов, склад прозаическій и без смысла упоминаніе Рожинной матери вм. самой Рожи; в ст. 5 и 12 сомнительно *пишиць*; в 12 нѣтъ ни размѣра, ни смысла, т. к. в ст. 13—5 рѣчь не зятя, а дочери; ст. 5 и 12 якобы поясняющія, кто говорит, могут быть с пользою выкинуты, как показывает сравненіе с Шейн. Бр. п. N 169. *Кузьма* есть *тума* малорусс. пѣсни. Неясно, происходит ли дѣйствіе в хороводѣ.

Иванька Ладниньки!

Нястой над ракою,

Нямахай рукою,

Шауковым платочкам.

Кали любиш мяне,

Спытайся у мамки.

Кали мамца аддасць

Дак я и сама иду

9 И руку табѣ даю.

10 „Нястой Рожа с Кузьмом (?):

„Кузьма цябе здрадиць ¹⁾,

12 „Дзиця, цябе зглазиць.

13 Убрауся Кузьмка

Ў жаноцкая плаця

15 Ў дзявоцкая облища ²⁾.

Рожа нявузнала,

К Кузьмѣ близка стала.

18 „А што за падружка,

„Што за ручку циснець,

„Но ножку ступаиць,

21 „Усё Рожу чапаиць?“

22 „Иждзи, маці, ў госці

„Об зялёном свяць,

24 „Из малым дзицяцем.“

—Кузьма мяне здрадиў ³⁾

Дзиця мое зглазиў (Шейн Бр. п. N 130).

¹⁾ Так я вм. бессмысленнаго *зражиць*. ²⁾ Обличча. ³⁾ Так вм. *зразиу*.

Ст. 1—9 взяты из другой пѣсни, и кромѣ того 7—9 — испорчены. Пѣсня начинается с ст. 10—12, гдѣ говорит мать, но м. б. эти ст. слѣдует поставить послѣ ст. 13—5. Ст. 25—6 м. б. излишни. Кузьма, чтобы обмануть бдительность Рожи, является в ховород передѣтым в женское платье. Подобное передѣванье—в серб. п. Кар. I, 566 сл. N 737. С нею впрочем другой связи нѣтъ.

Майка Мару ситно плела
 Од петоро, деветоро,
 Плетући је сјетовала:
 „Чујеш, Маро, кћери моја!
 „Кад ти поћеш дол' у поле,
 „Дол' у поле, дол' у коло,
 „Неватај се до Томаша:
 „Томаш момче неженено,
 „А ти Мара неудата.“
 Мара майке неслушала,
 Она оде дол' у поле,
 Дол' у поле, дол' у коло,
 Увати се до Томаша.

Томаш се увозит. Дорогою пугает:
 Видиш, Маро, суви јавор?
 Онђе ћу те објесити...

(О подобной судьбѣ похищенных говорят мр. пѣсни, на пр. Голов. I, 204, Pauli, II 18). За тѣм утѣшает:

Није оно суви јавор,
 Већ су оно бјели двори;
 Онђе ћеш ми љуба бити,
 Онђе ћеш ми дворе мити.

Кар. Пјес. I, 282.

Трудно допустить, что сходство между 1—9 ст. серб. п. и малорусскою, а особенно сходство между *тума* и Томаш было случайно; но для разъясненія этой связи недостает данных.

А. Потебня.

На чуд = *на чердак*. В думѣ про Алексѣя Поповича
(Ант. и Драг. I 181):

Олексій Попович *на чуд* вихожає,
Бере в руки святе письмо... читає.

Нетрудно догадаться, что здѣсь — искаженіе *вм. на чердак*.
Ср. в вар. той же думы

Той друг на чердак виступає.
До козаків словами промовляє

Ант. и Драг. *ib.* 182, 18;

Ой той друг на чердак виступає,
Письмо святеє в руки бере і читає

ib. 185, 105.

И в другой: ...Кішка Самійло...

Сам на чердак виступав,
Червоній, хрещатій, давній корогъи из кашені, винирав,
ib. 218, 331.

Извѣстно, что *чердак* (ср. серб. *чардак*, из тур.-тат) здѣсь — возвышеніе на галерѣ, с коего капитану и надсмотрщикам можно было обозрѣвать гребцов и путь. И у Соловья Будиміровича на Соколѣ корабль „слѣлан муравлен чердак. В (на?) чердакѣ была бесѣда — дорог рыбій зуб“ (Кир. Дан.). Относительно связи между *чердак* и *чуд* замѣчу:

Из козацких дум теперъ в Харьковѣ слѣпцы поют только одну, про Алексѣя Поповича, именно варьянт почти тождественный с первым напеч. у Ант. и Драг. (из Основы 1862), очевидно вынесенный всѣми из одной школы (такія школы слѣпецкія бывали, а может быть и теперъ есть), от одного учителя. Нѣсколько человек, которых я слышал, в ст. 147 (стр. 181) поют одинаково, именно не „на чуд“, а „на *чудѣ*.“ Для объясненія происхожденія этой

формы из „на чардак“ или „на чордак“ достаточно предположить, что учитель был „зоркуша,“ произносил „зоркаво“ вм. р — гортанный звук, принятый учениками за у: чоудак, чуда(к). Теперь, вѣроятно, уже нельзя справиться, небыло ли такого между кобзарями, которых в концѣ 40-х и началѣ 50-х годов знали в Харьковѣ покойный А. Л. Метлинскій и М. В. Нѣговскій.

Вот уже около 100 лѣтъ, как слѣпцы поют пѣсню, которой научил их Гр. Сав. Сковорода (+1794, окт. 29, близъ Харькова) „Всякому городу нрав и права;“ но конечно ни они, ни слушатели не понимают, что разумѣла „Черная Сковорода“ пекшая „бѣлые блины,“ под припѣвом:

А мнѣ одна только в сердцѣ думá,

А мнѣ одно только нейдет з умá,

Как бы умерти не без умá.

Можно подумать, что С. был мрачный аскет ежеминутно помышлявшій о часѣ смертном и этим отравлявшій себя жизнь; однако это неправда. С. учил с Эпикуром, Горацием, Сенекою, что

vera nimis est vita crastina: vire hodie;

что *жить* значит быть „веселым и куражным“ (ср. мр. О несчастной жизни за мужем: „Я з тобою та ненажила-ся, Тілки за тобою та изнебулася“), а веселіе сердца дается только стремленіем к неувимой „птицѣ,“ истинѣ, „истой.“

Мр. *иста*, что есть, и потому а) капитал, вр. истинник: не тільки прибилі nebude, та й исту втеряемо, Кв.; візьме грошіма саму вже исту, а росту й непитає, Кв.; б) суть, *обста*: ты существа твоего потерял *исту*, а во всем твоєм тѣлѣ наблюдаешь пяту или хвост, минуя твою точность (= поль. *istność*; *isty*, сушій, настоящій) и потеряв главность“ (Сковорода, Разговор о том: „знай себе“). По мнѣнію Сковороды, мір состоит из двух натур: видимая называется *тварь*, невидимая — *иста*, *истина*, *блаженная натура*, *бог*, *дух*. Эта послѣдняя *проницает*, одушевляет

тварь и, по своей волѣ, тождественной со всеобщим законом, опять обращает в грубую матерію, что мы называем смертью (Нач. дверь к христ. добронравію). Это однако есть лишь другой вид жизни, ибо, говорит Ск., „Барская умность, будто простой народ есть черный, видится мнѣ смѣшная, как и умность тѣх названных философов, что земля есть мертвая. Как мертвой матери рождают живых дѣтей? И как из утробы чернаго народа вылупились бѣлые господа?“ (Г. Данилевскій, Укр. Старина, 80). Сковорода ясно сознавал относительность знанія, но в предѣлах этой относительности считал возможным познание „истой“ посредством изученія ея *символов*, заключенных в природѣ и произведеніях человѣческой мысли.

Мр. *болванити* (из *болванити* с опущеніем в=ÿ (из л) перед согласною, как в *мова, зовіця, сонце, возкий*), виднѣться вдали. Производство от *болван* принято как несомнѣнное Афанасьевым—Чужбинским (Слов. мр. нар. в Матер. для сравн. и объясн. сл. и гр. III, 13); но я прибавлю, что живописность и мѣсторожденіе этого слова ясны тому, кому случалось замѣчать вдали, почти на краю горизонта стоящій на могилѣ *болван*, то есть каменную бабу. У Сковороды: „Свѣтъ открывает все то, что нам во тмѣ нѣсколько болванѣло“ (Разговор о том: знай себе); „мы похожи на жителя глубокія Норвегіи, который по шестимѣсячном зимном мракѣ видит чуть чуть отверзающееся утро и всю тварь, начинающую нѣсколько болванѣть“ (ib. разг. 5). „Да будут очи твои отверсты на храм сей день и ночь.“ „Тогда они не днем, а только ночью открываются, когда стѣнь точію и фигура“ (т. е. иносказаніе Библии) болванѣет (Змѣй Израильскій, рукоп. Ист. Фил. Общ. при харьк. ун.).

А. Потебня.

*PB-43409-SB
5-14
CC
BT

Stanford University Libraries

3 6105 124 446 050

PG

2131

PG

v. 2

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

